

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (3) 2024

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2024

«ДИСКУРС-ПИ»

Т. 21. № 3

Октябрь 2024

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 26.10.2024 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 18,85

Тираж 500 экз.

Заказ № 48508

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»

620033, г. Екатеринбург,

ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартыанов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по следующим специальностям:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал входит в базу данных RSCI, «Киберленинка», в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

DISCOURSE-P
Vol. 21. No3
October 2024

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on Octoberber 26, 2024
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 18,85
Issues – 500
Order # 48508

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Scientific Journal «Discourse-P» is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1). The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is included into the Russian Science Citation Index (RSCI),
the «CyberLeninka» database,
in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т.21. №3

Тропы метода

Го Лишуан, Чжу Тинджин

Рабство и свобода: углубленный анализ отчуждения.....10

Рахинский Д.В., Мусат Р.П., Панасенко Г.В.

Лешек Новак и критика исторического материализма.....25

Яковлев М.В.Киберпсихология управления массовым сознанием
в современном государстве42**Белоусов А.Б.**«Слепая зона» общественного мнения:
концепция пропаганды Уолтера Липпмана60

Парадигмы и процессы

Аксёнов И.В.Референдум как институт партиципации:
перспектива использования для изменения политического статуса регионов76**Бадмаева М.Х., Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В.**Системы искусственного интеллекта:
современное состояние и перспективы его развития в Китае92**Баранов Н.А.**Агломерационная идентичность
как фактор развития российской государственности:
сибирский кейс 107**Рафиков А.И.**Дискурсивное измерение политики идентичности:
пример Уфимской агломерации..... 127**Виноградова И.М.**Институциональное политическое доверие
как фактор консолидации российского общества 145

Конференц-зал

**Доклады XI Всероссийской научной конференции
«Культура отмены и социальный остракизм в истории
и современности»
(16–17 мая 2024, г. Екатеринбург, Россия)**

Рой О.М.

Институциональная структура санкционного противостояния..... 175

Русакова О.Ф.

Советско-российский спорт как объект политического остракизма 191

Иванов А.Г.

«Ни хлеба, ни зрелищ»:
культура отмены в спорте как практика забвения 210

Vol. 21. No 3

Tropes of Method

Guo Lishuang, Zhu Tingjin

Slavery and Freedom: An In-Depth Analysis of Alienation 10

Rakhinsky, D.V., Musat, R.P., Panasenko, G.V.

Leszek Nowak and His Critique of Historical Materialism.....25

Yakovlev, M.V.Cyberpsychology of Mass Consciousness Management
in the Modern State42**Belousov, A.B.**The Blind Spot of Public Opinion:
The Concept of Propaganda by Walter Lippmann 60

Paradigms and Processes

Aksenov, I.V.The Referendum as an Institution of Participation:
Prospects for Its Use in Changing the Political Status of Regions 76**Badmaeva, M.Kh., Balchindorzhieva, O.B., Zolkhoeva, M.V.**Artificial Intelligence Systems:
Current Status and Future Development Prospects in China.....92**Baranov, N.A.**Agglomeration Identity
as a Factor in the Development of Russian Statehood:
The Siberian Case..... 107**Rafikov, A.I.**The Discursive Dimension of Identity Politics: A Case Study of the Ufa
Agglomeration 127**Vinogradova, I.M.**Institutional Political Trust
as a Factor in the Consolidation of Russian Society..... 145

Conference Chamber

**Reports of the XI All-Russian Scientific Conference
"Culture of Abolition and Social Ostracism in History
and Modernity"
(May 16–17, 2024, Ekaterinburg, Russia)**

Roy, O.M.

The Institutional Structure of Sanctions Confrontation 175

Rusakova, O.F.

Soviet-Russian Sports as an Object of Political Ostracism 191

Ivanov, A.G.

"Neither Bread, nor Circuses":
Cancel Culture in Sports as a Practice of Oblivion 210

УДК 101

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_10

РАБСТВО И СВОБОДА: УГЛУБЛЕННЫЙ АНАЛИЗ ОТЧУЖДЕНИЯ

Го Лишуан 郭丽双,Фуданьский университет,
Шанхай, Китай,
guolishuang812@163.com**Чжу Тинджин** 朱亭锦,Фуданьский университет,
Шанхай, Китай,
21110010044@m.fudan.edu.cn*Получена 14.03.2024.**Поступила после рецензирования 15.05.2024.**Принята к публикации 04.06.2024.*

Для цитирования: Го Лишуан, Чжу Тинджин. Рабство и свобода: углубленный анализ отчуждения // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 10–24. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_10

Аннотация

Парадокс развития современной цивилизации заключается в том, что люди все чаще сталкиваются с экзистенциальными дилеммами, несмотря на уровень прогресса и материальное благополучие, достигнутые в сравнении с предыдущими эпохами. Размышления о собственной судьбе и месте в этом мире обрели важнейшую значимость для наших современников, и главная экзистенциальная проблема, с которой

© Го Лишуан, Чжу Тинджин, 2024

они сталкиваются – это отчуждение. Каковы первопричины отчуждения? Есть только один или сразу несколько факторов, которые приводят к нему? Какое отношение отчуждение имеет к человеческой природе, моделям человеческой субъектности и мышлению? Отчуждение – исторически преходящий феномен или явление вечное? В данной статье утверждается, что ключевая причина отчуждения заложена в человеческой природе, но она не является единственной, так как отчуждение имеет конкретные исторические формы, в том числе воплощенные в мышлении, и все эти аспекты неразрывно связаны. Размышляя о кризисе современной цивилизации, можно увидеть, что принудительное разделение труда в производстве является исторической причиной отчуждения, инструментальная рациональность порождает отчуждение в мышлении (сознании), а конфликт между конечным и бесконечным в самореализации человека является самым глубоким корнем отчуждения.

Ключевые слова:

марксизм, рабство, свобода, отчуждение, разделение труда, инструментальная рациональность

Источники финансирования:

данная статья подготовлена в рамках проекта Национального фонда социальных наук «Исследование российского марксизма в 21 веке» (20&ZD011) и Шанхайского проекта планирования философии и социальных наук «Исследование передовых проблем русского марксизма в 21 веке» (2020BZX011).

Благодарности:

научный редактор – Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_10

SLAVERY AND FREEDOM: AN IN-DEPTH ANALYSIS OF ALIENATION

Guo Lishuang 郭丽双,

Fudan University,
Shanghai, China,
guolishuang812@163.com

Zhu Tingjin 朱亭锦,

Fudan University,
Shanghai, China,
21110010044@m.fudan.edu.cn

Received 14.03.2024.

Revised 15.05.2024.

Accepted 04.06.2024.

For citation: Guo Lishuang, Zhu Tingjin. (2024). Slavery and Freedom: An In-Depth Analysis of Alienation. *Discourse-P*, 21(3), 10–24. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_10

Abstract

The paradox of modern civilization's development lies in the fact that individuals increasingly encounter existential dilemmas, irrespective of the progress and material well-being achieved in contrast with previous times. Contemplations regarding one's destiny and place in the world have gained paramount significance for contemporary society, with alienation emerging as the central existential issue people face. What are the root causes of alienation? Are there singular or multiple factors contributing to it? How does alienation relate to human nature and patterns of thinking? Is it a historically transient phenomenon or an everlasting one? This article argues that a key cause of alienation is embedded in human nature; however, it is not the sole factor, as alienation manifests in specific historical forms, including its embodiment in patterns of thinking – all the aspects are inextricably linked. Reflecting on the crisis of modern civilization, one can observe that the enforced division of labor in production constitutes a historical cause of alienation; instrumental rationality generates alienation within thought (consciousness), and the conflict between the finite and the infinite in human self-realization represents the deepest root of alienation.

Keywords:

Marxism, slavery, freedom, alienation, division of labor, instrumental rationality

Funding:

this article was developed as part of the National Social Science Foundation of China project titled “Research on Russian Marxism in the 21st Century” (20&ZD011) and the Shanghai Philosophy and Social Science Planning Project “Research on Advanced Issues of Russian Marxism in the 21st Century” (2020BZX011).

Acknowledgments:

scientific editor – Dmitry Alexandrovich Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Парадокс, присущий развитию человечества, заключается в том, что, хотя люди создали огромную материальную и духовную цивилизацию, они все еще сильно отчуждены. С середины XX века этот парадокс становится все более очевидным. Современная индустриальная цивилизация и рыночная экономика позволили творчеству полностью раскрыться и обеспечили человечеству беспрецедентные материальные блага. Современные люди в глубине души осознали, что абсолютные и рациональные знания, лежавшие в прошлом в основе всех ценностей человеческой жизни и духа, сомнительны или ложны. В реальных действиях, которые следуют этим ценностям, люди не достигли своей первоначальной цели – достижения свободы и раскрепощения. То, что делает людей людьми, постепенно исчезает, и они все чаще попадают в ловушку рабства.

Столкнувшись с актуальной темой кризиса современной цивилизации и отчужденного состояния людей, некоторые великие философы, будучи «родителями человечества» в философской мысли, не отказались от своей веры в философию и смысл жизни. Они сталкиваются с глубокими проблемами современной цивилизации, берут на себя ответственность об определении истинного предназначения всего человечества и попытаются диагностировать причины соответствующего цивилизационного кризиса. Иными словами, они пытаются с помощью нового философского мышления в противоречиях человеческих страданий отыскать основу для новых ценностей и смысла жизни.

Среди этих великих философов кризис современной цивилизации констатировал К. Маркс. Его теория отчуждения резко обнажила парадокс труда в рамках капиталистической системы: вещи, которые изначально принадлежат людям или являются результатом человеческой деятельности, в процессе объективации утверждают свою собственную сущностную силу, по какой-то причине, обретают независимость и, в свою очередь, становятся силой, ограничивающей людей и управляющей ими. Кризис современного общества Маркс определял главным образом с точки зрения отчуждения труда и господствующей формы общественного производства. Позднее эту идею Маркса развили западные философы-марксисты. Они использовали теорию отчуждения Маркса как точку роста для своего анализа капитала, характеризовали жизненную ситуацию людей, еще не избавившихся от отчуждения в ходе исторического развития, глубоко исследовали коренные причины отчуждения с разных сторон, искали пути выхода человечества из отчуждения и демонстрировали свое желание найти выход из общего экзистенциального кризиса.

В изучении кризиса современной цивилизации, начиная с Маркса, теория отчуждения является одной из основ современной философии, а само отчуждение стало рассматриваться в качестве одной из ключевых экзистенциальных проблем, с которыми сталкиваются современные люди. С начала XXI века, когда интеллектуальные технологии, большие данные, облачные хранилища и технологии блокчейна все больше меняют нашу жизнь, люди не только не смогли избавиться от отчуждения, но создали новые формы отчуждения, обусловленные цифровыми

технологиями (Лань Цзян, 2018). Таким образом, отчуждение по-прежнему является одной из основных отправных точек для критической теории. Известный западный левый мыслитель Д. Харви отмечал: «...сегодня отчуждение присутствует почти повсюду. Оно существует в производительном труде и домашнем потреблении и доминирует в большей части политики и повседневной жизни. Эта тенденция продолжается и с усилением применения информационных технологий и искусственного интеллекта» (Harvey, 2018, p. 424).

Целью данной теоретической работы является поиск истоков отчуждения. Каковы корни отчуждения? Существует ли только один основной фактор, приводящий к отчуждению, или их несколько? Какое отношение причины отчуждения имеют к человеческой природе, моделям человеческой субъективности и мышлению? Отчуждение – исторический феномен или явление вечное? В данной статье обосновывается, что основная причина отчуждения заложена в природе человека, но она не является единой и единственной, так как отчуждение имеет также свои конкретные исторические и когнитивные (в образе мышления) основания, и эти три аспекта неразрывно связаны.

Исторические причины отчуждения

Исследуя экономические факты и историю развития человечества, К. Маркс не только описал специфические проявления отчужденного труда в практиках материального производства как основного способа человеческой деятельности, но и попутно раскрыл коренные причины отчуждения труда. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс не остановился на описании и критике отчуждения в капиталистическом обществе. В конце первой рукописи Маркс задается вопросом о причинах отчужденного труда: «как дошел человек до отчуждения своего труда? Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития?» (Маркс, 1974а, с. 99). Этот вопрос стал переломным в «Рукописях» Маркса. Правда, он лишь поставил его и указал, что в самой постановке содержится его решение, но не ответил на него.

В «Немецкой идеологии» Маркс отвечает на вопрос о происхождении отчуждения. Он считает, что исторически непосредственной причиной отчуждения является возникновение устойчивого разделения труда, а воплощением отчуждения является установление частной собственности. Исследуя экономическую и социальную историю, Маркс считал, что три фактора: производительность, социальные условия и сознание должны находиться в конфликте, и разделение труда содержит все эти противоречия (Маркс, Энгельс, 1955). При появлении фиксированного разделения труда индивид ограничивается определенным кругом навязанных ему специальных видов деятельности. И из-за «закрепления социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 32).

Маркс считает, что разделение труда приводит к отчуждению, так как ставит людей в пассивное состояние и вынуждает работать, чтобы выжить. Это делает

деятельность каждого человека внешней по отношению к ему самому силой. Поэтому закрепленная деятельность, вызванная разделением труда, сама по себе обладает отчуждающими свойствами: пока она не произвольна, а стихийна, «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 31). Что касается возникновения и реализации трудового отчуждения, то «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» (Там же). Акцент на разделении труда позволяет увидеть один из корней отчуждения в уровне развития производительных сил, а частная собственность показывает, что отчуждение реализуется в определенном способе производства самими производственными отношениями.

Мы должны отметить две стороны закрепленного разделения труда. При условии, что производительные силы одновременно и развиты, и недостаточно развиты, «закрепленное» разделение труда является необходимым историческим этапом развития человеческой деятельности. С одной стороны, оно создало беспрецедентное материальное богатство, продемонстрировало огромные сущностные силы человека и способствовало развитию диверсифицированной деятельности всего общества. С другой стороны, это ограничивает людей определенным узким кругом деятельности, лишает по крайней мере большинство индивидов всестороннего развития их способностей, делая из них односторонних личностей.

Отметим еще один нюанс. Маркс однажды указал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (Маркс, 1974а, с. 114). Процесс углубления отчуждения создает необходимые условия для отказа от него, что является неизбежной тенденцией. Маркс в рукописи главы 6 первого тома «Капитала» отмечает: отчуждение человеческого труда осуществляется «в действительном процессе общественной жизни – ибо как раз этим является процесс производства, – какое в идеологической области представляется в религии, превращение субъекта в объект и наоборот. Рассматриваемое исторически, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. создания неограниченных [rücksichtslosen] производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму совершенно так же, как человек должен первоначально в религиозной форме противопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы. Это – процесс отчуждения его собственного труда» (Маркс, 1974b, с. 48). То есть, когда такое отчуждение доходит до крайней степени, неизбежен отказ от него.

Причины отчуждения в мышлении

Основываясь на теории отчуждения Маркса, западные философы-марксисты пытались всесторонне охарактеризовать феномен и коренные причины отчуждения в современной капиталистической цивилизации на разных уровнях

общественной жизни. Наиболее показательной из них является идея о том то, что одним из источников отчуждения является способ мышления.

М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике Просвещения» пишут об отчуждении, обусловленном рациональностью Просвещения. Первоначально рационализм эпохи Просвещения отстаивал своего рода универсальную рациональность, имеющую весьма широкий спектр значений. Цель рационального исследования состояла в том, чтобы обеспечить средства для поиска смысла жизни и познания мира. Рациональность не только воплощается в «изучении фактов», но и выходит за рамки этого: «только разум в конечном счете придает всему, что считают сущим, всем вещам, ценностям, целям их смысл» (Гуссерль, 2004, с. 28). Первоначальная цель рационализма эпохи Просвещения состояла в том, чтобы полагаться на силу самого разума для понимания мира, преобразования природы и осознания человеческой свободы, то есть раскрепощения. Но в итоге рационализм перешел на противоположную сторону и стал инструментом управления людьми.

Просвещение считает своей миссией уничтожение мифов, заменяет воображение знанием и провозглашает бесконечное господство человека над природой. Но по факту рациональность Просвещения пошла в по другому пути – к новым суевериям, к мифологизации. Как разум привел людей к новому состоянию варварства? По какой причине дух Просвещения склонился к самоотречению? Возможно, именно внутренняя логика духа Просвещения заставляет его двигаться в противоположную сторону от самого себя. Люди рассматривают разум как инструмент, позволяющий избавиться от мифов и победить природу, обращают внимание на практическую и инструментальную природу разума. В таком случае он подчас сам становится на позицию веры, некритичным и нерелексивным образом заменяя собой изначального Бога. С развертыванием модернизации этот инструментальный и эмпирический подход становится все более популярным, рационализм эпохи просвещения утрачивает свое первоначальное метафизическое измерение, свою идеалистическую окраску, свой критический, рефлективный и негативный дух и трансформируется в своего рода позитивистский сциентистский дух.

На данный момент рационалистическое отчуждение стало новой формой управления людьми. Хоркхаймер и Адорно указывали, что «дух действительно становится аппаратом господства и самообуздания, в чем ему с самых давних пор отказывала буржуазная философия» (Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 53); «в облике машины отчужденное рации движется к такому обществу, которое способно примирить мышление в его окостенелой форме в качестве равным образом как материальной, так и интеллектуальной аппаратуры с освобожденной живой мыслью и соотносит его с самим обществом как с его реальным субъектом» (Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 55). То есть универсальная и неизбежная рациональность проявляется не только в окружающем мире, природе и людях, но и воздействует в свою очередь на нас самих. Рациональность становится все более «самодисциплинарной» и заменяет Бога новым Божеством. В этом внутреннее противоречие духа Просвещения.

Г. Маркузе и Ю. Хабермас продолжили и развили критику технической рациональности Хоркхаймера и Адорно. Маркузе использовал понятия «позитивное мышление» и «негативное мышление», чтобы выразить свой взгляд

на отчуждение. Позитивное мышление означает принятие всех существующих вещей и противодействие любому их отрицанию, в то время как негативное мышление подразумевает, что любой «установленный» факт содержит негативность и не вполне соответствует истине. Только отрицая устоявшуюся реальность, можно достичь истины, то есть негативное мышление нацелено на критику и выступает против принятия и поддержания статус-кво. Первый – это эмпирический разум, утверждаемый позитивизмом, а второй – диалектический разум, утверждаемый диалектикой. В диалектическом разуме «форма, в которой объекты непосредственно появляются, пока не есть их истинная форма. Поначалу простая данность предстает как отрицание, как нечто отличное от своих подлинных возможностей. Она становится истинной только в процессе преодоления этой негативности, так что рождение истины требует смерти данного состояния бытия» (Маркузе, 2000, с. 55–56). Для Маркузе основная причина отчуждения технической рациональности заключается в организации общественного труда, а также в замене негативного мышления позитивным. Принимая рации нерелексивно и некритично, защищая то, что существует, человек теряет способность к саморефлексивному отрицанию и рассматривает все как данность. Разум эпохи Просвещения, изначально связанный со свободой, был отчужден и превратился в инструмент утверждения и поддержания правящего порядка, он утратил свою истинность и в сочетании с позитивизмом выродился в инструмент тоталитарной тирании. В связи с этим Маркузе четко формулирует: «... на этом этапе становится ясно, что некий порок присущ самой рациональности системы. Порочен способ организации общественного труда самими его участниками. <...> Указание на порочность общественной организации необходимо дополнительно пояснить, учитывая специфику ситуации развитого индустриального общества, в котором, по нашему мнению, создается новая социальная структура путем интеграции социальных сил, нацеленных в прошлом на отрицание и трансцендирование, с установившейся системой» (Маркузе, 1994, с. 190). Другими словами, в развитом индустриальном обществе все аспекты человеческой жизни утратили критичность и способность к трансцендированию, оставив только позитивный аспект. Наиболее творческие люди также стали инструментами и материалами социального управления. Следовательно, расширение арсенала инструментов и их усвоение инструментальной рациональностью являются основными причинами отчуждения технической рациональности.

По мнению Хабермаса, отчуждение науки и техники не является результатом ценностного выбора людей, а определяется природой и развитием самих науки и техники. Он считает, что фундаментальная причина отчуждения науки и техники кроется в том, что их развитие привело к чрезмерной «рационализации» трудовой деятельности, и чем больше трудовая деятельность «рационализируется», «инструментализируется», тем больше взаимодействия стремятся к «дерационализации» и «иррационализации». Труд как целенаправленная рациональная деятельность является производительной силой общества, и его ценность связана с конкретными рациональными целями. В отличие от этого, коммуникативное действие – это поведение, возникающее между субъектами в соответствии с социальными нормами и опосредованное языковыми символами, целью которого является достижение межсубъектного понимания и согласия и, таким образом,

поддержание интеграции, упорядоченности и сотрудничества в обществе. В позднекапиталистических обществах в связи с быстрым развитием науки и техники труд стал более чутким к научно-техническим требованиям и взаимодействию. Рационализация труда приводит к иррациональности коммуникации, низводит человеческие отношения и поведение до уровня материальных отношений и ведет к общему отчуждению людей, превращению их в инструменты и господству технократии. В этой связи он отметил, что «овеществленные модели наук проникают в социокультурный жизненный мир и приобретают через самоочевидность объективную силу. Идеологическим ядром этого сознания является устранение различия между практикой и техникой» (Хабермас, 2007, с. 101). Отношения «субъект–субъект» фактически понижаются до отношений «субъект–объект».

Из приведенного выше обсуждения мы можем отметить, что, хотя рассмотренные критические замечания философов по поводу технологической рациональности различаются в конкретных аспектах, их основные ценностные ориентации совпадают с точки зрения первопричин отчуждения. Обычно считается, что отчуждающая основа технологической рациональности заключается в следующем: метафизическое измерение рациональности стирается позитивизмом, то есть универсальная и ценностная рациональность ослабляется и заменяются эмпирической и инструментальной. Человеческое стремление к свободе, истине и вечным ценностям, а также забота о смысле жизни и собственном совершенствовании утрачивается. Как отмечает Гуссерль в книге «Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология», «во второй половине XIX века все мировоззрение современного человека стало определяться позитивными науками и дало себя ослепить достигнутым благодаря им “prosperity”, знаменовала равнодушное отстранение от тех вопросов, которые имеют решающую важность для подлинного человечества» (Гуссерль, 2004, с. 20).

Российские исследователи-марксисты также придают большое значение теории отчуждения для критического осмысления современных социальных противоречий и согласны с западной марксистской критикой технической рациональности. А. В. Бугалин в статье «Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма» раскрывает и критикует новые формы отчуждения и новое состояние рабства, которое возникло на поздней стадии капитализма: люди полностью подчиняются гегемонистским, политическим и идеологическим манипуляциям глобального капитала; человек становится марионеткой создателей знаков-симулякров (Бугалин, 2018).

Причины отчуждения в человеческой природе

Авторы настоящей статьи считают, что отчуждение также коренится в сущности человека, то есть оно, по сути, является самоотчуждением, поэтому мы не можем искать первопричины отчуждения вне самих людей. Но когда речь заходит о природе человека, возникает ряд серьезных проблем. Определить природу человека – все равно что ответить на вопрос «что такое философия». Философия и сам человек движутся вперед в этом вопрошании и размышлении. Гегель однажды сказал о сущности: «...основание есть в самой себе сущая сущность, сущность есть существенным образом основание, и она есть основание

лишь постольку, поскольку она есть основание нечего, основание некоего другого» (Гегель, 1974, с. 281). То есть сущность – это «основание существования», тогда в чем же заключается сущность человека? Что лежит в основании человека как человека?

Вопрошание о сущности человека – это бесконечный процесс. Поскольку человек существует, значит есть некая основа для его существования, соответствующая его внутренней сущности. Философы от древней Греции до наших дней размышляли над этим вопросом и пытались ответить на него. Первоначальные исследования этой проблемы древнегреческими философами были простыми и интуитивными: они пытались объединить человека и природу, смотрели на него с точки зрения онтологии материи и Вселенной. Средневековые теологи заменили сущность человека иллюзорной природой Бога. В отличие от них философы, открывшие путь к Просвещению, пропагандировали дух рационализма, приписывая сущность человека разуму. Фактически они абстрагировали определенное свойство человеческих существ от их сущности и принимали априорную установку за сущность. Логика сущности стояла на первом месте, и такая сущность представлялась трансцендентной и вечной, что противоречило свободе и историчности человека. Поэтому они не раскрыли истинную природу сущности человека.

Современные западные философы пытались взглянуть на природу человека по-новому. Будучи «последним метафизиком», Ницше основал «философию сверхчеловека», основанную на воле к власти как сущности человека. Он создал новое направление исследования сущности человека с точки зрения смысла существования. Однако из-за установки на априорную сущность всегда трудно избавиться от тени Бога, и это противоречит свободе и историчности человеческих существ. В связи с этим Хайдеггер, используя феноменологический метод, отказался от идеи априорного установления сущности и определил ее как «здесь-бытие». Сартр развил теорию Хайдеггера, выдвинув важный тезис о том, что «существование предшествует сущности», тем самым полностью отказавшись от идеи априорного обозначения сущности. Он рассматривал человеческую природу как динамический процесс непрерывного самосозидания и самореализации. В этом отношении у Сартра и Маркса есть нечто общее. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс ясно говорит, что «в характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» (Маркс, 1974а, с. 94); «животное строит только подобно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты» (Маркс, 1974а, с. 95). Практическая деятельность, о которой говорит Маркс, не есть то же самое, что трудовые операции; она предполагает стремление к ценностям и идеалам субъекта. Праксис – это уникальный, свободный способ существования, который своей экзистенциальной активностью придает смысл всем остальным способам существования в природе; это деятельность, в которой соединяются истина, добро и красота; она не задается априори, а создается и порождается в процессе овещствления.

Мы в данной статье солидаризируемся со взглядами Маркса и Сартра на природу человека. Можно полагать, что сущность человека – это процесс самореализации, самоактуализации, трансцендирования. Эта сущность является неопределенной, она есть открытое творение, то есть человек есть существо, находящееся в постоянном становлении. Человек есть единство прошлого, настоящего и будущего, но сущность его указывает на будущее. Сущность человека заключается не в существовании, а в том, кем он может и должен стать. Поэтому люди всегда движутся к своей собственной сущности через деятельность. Человек – это единство бытия и сущности, ценности и факта, но он всегда движется за пределы бытия к сущности, неудовлетворенный фактом бытия и стремящийся к реализации тех или иных ценностей.

Так как же человек отчуждается от своей собственной сущности? «Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития?» (Маркс, 1974а, с. 99). Вероятно, постановка вопроса включает в себя и его решение. Человек отчуждается в трансцендировании, в творческой деятельности на пути к своей собственной сущности. Самореализация человека разворачивается в парадоксальной борьбе между должным и действительным. Будучи ограниченным существом, индивид осуществляет свою собственную творческую деятельность, постоянно выходя за рамки установленного и спланированного пути самореализации. Однако цель самотворения, как правило, бесконечна, поэтому люди сталкиваются с дилеммой конечного и бесконечного. То есть человеческая самореализация приводит к тому, что «я» субъекта теряется, разделяется и отчуждается в противоречии между конечным и бесконечным. Творческая активность человека в соответствии со шкалой достойных ценностей при осознании им собственной односторонности и есть ключевое противоречие в самореализации человека. Противоречие здесь можно приравнять к отчуждению, и это отчуждение всегда присуще человеку. Можно сказать, что самореализация содержит в себе необходимость отрицания. Это одновременно движение реализации и утраты, и то, что реализуется, есть и то, что распадается. В каком-то смысле человек постоянно создает и ставит перед собой новые проблемы, сталкивается с новыми формами отчуждения, но в то же время стремится все это разрешить и преодолеть, стремится выйти за пределы существующего. Иными словами, отчуждение, коренящееся в сущностном бытии человека, будет существовать всегда и не может быть устранено в конечном счете, поскольку человек не есть некая законченная раз и навсегда данность, он не будет оставаться тем же самым вечно.

Человек всегда постоянно расширяет и обогащает свои личные возможности, непрестанно внедряет инновации, и в процессе роста возможностей люди могут также порождать новое отчуждение. Например, Советский Союз как первое социалистическое государство теоретически возник и существовал как отказ от капитализма и отчуждения, но он также породил новые формы отчуждения. Современная российская исследовательница Л. А. Булавка-Бузгалина развивает исследование советской социалистической культуры, используя марксову теорию отчужденного труда. Она отмечает, что советский социализм как переходная форма коммунизма содержал многочисленные внутренние сложности и противоречия. Советская социалистическая культура как идеологическое отражение реальности советского общества была вдвойне противоречива: она

содержала прогрессивные элементы социализма, критиковавшие отчужденное состояние существования в капиталистическом обществе и выступавшие за освобождение трудящихся от жестокой буржуазной эксплуатации и грабежа, и в то же время порождала и содержала другую, новую форму отчуждения – подавление свободы и творчества личности государственностью советского социализма. Это привело культуру советского социализма к двум крайностям: одна крайность – творчество по логике искусства, направленное на критику действительности, изо всех сил стремящееся вскрыть противоречия советской действительности; другая крайность – прославление действительности по логике политики, использующее литературно-художественные средства для создания возвышенного образа Советского Союза, свободного от противоречий. Обе крайности заключались в отчуждении культуры и искусства как таковых, прямым следствием чего стала новая форма отчуждения советского общества и человека (Булавка-Бузгалина, 2018).

В этом смысле можно сказать, что отчуждение – один из парадоксов человеческого существования, оно неизбежно сопутствует развитию человека. В частности, это то, что изначально принадлежало человеку, но стало внешней силой, вызывая его самоотчуждение и разделение. Отчуждение – это экзистенциальное противоречие человека, принадлежащее не только капиталистическому обществу, но и общему процессу исторического развития. Поэтому оно относится к общему способу существования человека, а теория отчуждения, таким образом, является экзистенциальной.

Заключение

До сих пор мы работали в масштабном поле, чтобы раскопать и рассмотреть корни отчуждения с трех сторон. Мы пришли к выводу, что каждый аспект отчуждения не изолирован, а связан с другими, то есть все они являются частью живого человеческого существа. Отчуждение не только коренится в человеческой сущности, но и имеет свои конкретные исторические и когнитивные проявления. Самореализация человека должна осуществляться определенным образом в реальной деятельности, развернутой в истории, и в этой деятельности сознание и мировоззрение играют решающую роль. Мы не считаем, что отчуждение имеет единый конечный источник, что можно найти универсальный сценарий его преодоления. Исходя из анализа различных оснований, мы можем сказать, что отчуждение, вызванное фиксированным разделением труда, является историческим и может быть преодолено через дальнейшие исторические сдвиги; отчуждение, вызванное инструменталистским мышлением, может быть преодолено в процессе всестороннего развития человека; однако отчуждение, заложенное в самой человеческой природе, является экзистенциальной судьбой, то есть преодолеть это отчуждение можно только через невозполнимые потери. Стало быть, устранить этот вид отчуждения полностью невозможно. Человечество не может устранить все формы отчуждения в конечном счете, но не стоит отрицать возможность отказа от конкретных форм отчуждения. Создание же некоего идеального государства во имя всеобщего процветания, которое отказалось бы от всех форм отчуждения, равносильно объявлению конца человечества.

Эпоха глобализации напоминает людям о том, что человеческая цивилизация должна развиваться сознательно, а не спонтанно, иначе то, что она оставит после себя, будет цивилизационной пустыней. Мы должны столкнуться с данной экзистенциальной дилеммой в контексте глобализации и задуматься о практическом поведении и образе мышления современного человека. Ведя анализ с трех обозначенных выше позиций, мы можем расширить наши исследовательские горизонты, задуматься над острыми проблемами, возникшими в нашей рыночной экономике, и вывести на новый уровень осмысление кризиса современной цивилизации и отчужденного состояния человека. Более того, это также поможет нам унаследовать и развить теорию отчуждения Маркса, более точно понять и проанализировать коренные причины отчуждения, выявить болезни современной цивилизации и придать ценность и смысл перспективам человечества, чтобы найти правильный способ бороться с отчуждением. Поэтому обсуждение коренных причин отчуждения, изучение условий жизни современных людей, понимание человеческого предназначения и поиск моделей будущей жизни человека имеют большое теоретическое и практическое значение. Это также миссия и ответственность мировых марксистских исследований в XXI веке. Молодой ученый с философского факультета Московского университета О.В. Барашкова очень четко раскрыла эту миссию на первом «Международный форум университета Фудань по изучению современного марксизма в России»: «построение мирового марксизма в XXI веке следует рассматривать как сложный процесс освобождения всего общества. Это не только диалектическое отрицание капитализма, но и отрицание всей системы социального отчуждения» (Барашкова, Бузгалин, 2018, с. 110).

Список литературы

1. Барашкова, О.В., Бузгалин, А.В. (2018). Отличительные черты Постсоветской школы критического марксизма. В *Сборник статей. I Международный форум Университета Фудань по изучению современного марксизма в России Шанхай, 19–20 декабря 2018 года* (с. 109–120). Шанхай: Институт марксизма университета Фудань.
2. Бузгалин, А.В. (2018). Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия. *Вопросы философии*, 6, 155–166. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060134>
3. Булавка-Бузгалина, Л.А. (2018). Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам. *Вопросы философии*, 6, 202–214. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060146>
4. Гегель, Г.В.Ф. (1974). *Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики*. Москва: Мысль.
5. Гуссерль, Э. (2004). *Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.
6. Лань Цзян (2018). От материализации к цифровизации: Теория отчуждения в эпоху цифрового капитализма. *Social Sciences*, 11, 105–114. (На кит.: 蓝江: 从物化到数字化: 数字资本主义时代的异化理论, 载《社会科学》2018

年第11期).

7. Маркс, К. (1974a). Экономическо-философские рукописи 1844 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 42, с. 41–174). Москва: Политиздат.

8. Маркс, К. (1974b). Капитал. Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 49, с. 3–136). Москва: Политиздат.

9. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 2, с. 7–544). Москва: Политиздат.

10. Маркузе, Г. (1994). *Одномерный человек*. Москва: REFL-book.

11. Маркузе, Г. (2000). *Разум и революция*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

12. Хабермас, Ю. (2007). *Наука и техника как «идеология»*. Москва: Праксис.

13. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Москва; Санкт-Петербург: Медиум: Ювента.

14. Harvey, D. (2018). Universal alienation. *Triple C*, 16(2), 424–439. <https://doi.org/10.31269/triplec.v16i2.1026>

References

1. Barashkova, O. V., & Buzgalin, A. V. (2018). Otlichitel'nye cherty Postsovetskoy shkoly kriticheskogo marksizma [Distinctive Features of the Post-Soviet School of Critical Marxism]. In *Sbornik statej. I 2. Mezhdunarodnyj forum Universiteta Fudan' po izucheniyu sovremennogo marksizma v Rossii Shanxaj, 19–20 dekabrya 2018 goda* (pp. 109–120). Shanghai: Institut marksizma universiteta Fudan'.

2. Bulavka-Buzgalina, L. A. (2018). Razotchuzhdenie: ot filosofskoj abstrakcii k sociokul'turnym praktikam [Disalienation: from Philosophical Abstraction to Sociocultural Practices]. *Voprosy filosofii*, 6, 202–214. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060146>

3. Buzgalin, A. V. (2018). Chelovek v mire otchuzhdeniya: k kritike liberalizma i konservatizma. Reaktualizaciya marksistskogo naslediya [Human Being in the World of Alienation: To Criticism of Liberalism and Conservatism. The Reactualization of the Marxist Heritage]. *Voprosy filosofii*, 6, 155–166. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060134>

4. Habermas, J. (2007). *Nauka i texnika kak “ideologiya”* [Technology and Science as Ideology]. Moscow: Praksis.

5. Harvey, D. (2018). Universal alienation. *Triple C*, 16(2), 424–439. <https://doi.org/10.31269/triplec.v16i2.1026>

6. Hegel, G. W. F. (1974). E'nciklopediya filosofskix nauk. T. 1. *Nauka logiki* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic]. Moscow: Mysl'.

7. Horkheimer, M., & Adorno, T. (1997). *Dialektika Prosveshheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, St. Petersburg: Medium, Yuventa.

8. Husserl, E. (2004). *Krizis evropejskoj nauki i transcendental'naya*

fenomenologiya [The Crisis of the European Sciences]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

9. Lan Jiang (2018). Ot materializacii k cifrovizacii: Teoriya otchuzhdeniya v e'poxu cifrovogo kapitalizma [From Materialization to Digitalization: The Theory of Alienation in the Era of Digital Capitalism]. *Social Sciences*, 11, 105–114. (In Chinese: 蓝江: 从物化到数字化: 数字资本主义时代的异化理论, 载《社会科学》2018年第11期).

10. Marcuse, H. (1994). *Odnomernyj chelovek* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow: REFL-book.

11. Marcuse, H. (2000). *Razum i revolyuciya* [Reason and Revolution]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

12. Marx, K. (1974a). E'konomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 42, pp. 41–174). Moscow: Politizdat.

13. Marx, K. (1974b). Kapital. Kniga pervaya. Glava shestaya. Rezul'taty neposredstvennogo processa proizvodstva [Capital. Book one. Chapter six. Results of the Direct Production Process]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 49, pp. 3–136). Moscow: Politizdat.

14. Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemeckaya ideologiya [The German Ideology]. In K. Marx, & F. Engels. *Sochineniya* (Vol. 2, pp. 7–544). Moscow: Politizdat.

Информация об авторах

Го Лишун 郭丽双, доктор философии, профессор, научный руководитель Школы марксизма Фуданьского университета, участник «Программы награждения ученых Чанцзяна» Министерства образования, главный эксперт крупных проектов Национального фонда социальных наук, Шанхай, Китай, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2265-0528>, e-mail: guolishuang812@163.com

Чжу Тинджин 朱亭锦, докторантка Школы марксизма Фуданьского университета, Шанхай, Китай, e-mail: 21110010044@m.fudan.edu.cn

Information about the authors

Guo Lishuang 郭丽双, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the School of Marxism at Fudan University, Participant of the "Changjiang Scientists Award Program" of the Ministry of Education, chief expert of major projects of the National Foundation for Social Sciences, Shanghai, China, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2265-0528>, e-mail: guolishuang812@163.com

Zhu Tingjin 朱亭锦, doctoral student at the School of Marxism, Fudan University, Shanghai, China, e-mail: 21110010044@m.fudan.edu.cn

УДК 304:101.2

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_25

ЛЕШЕК НОВАК И КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Дмитрий Владимирович Рахинский,

Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Красноярский государственный аграрный университет,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия,
siridar@mail.ru

Раиса Павловна Мусат,

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия,
lozraisa@yandex.ru

Галина Васильевна Панасенко,

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия,
galina-panasienko@mail.ru

Получена 22.03.2024.

Поступила после рецензирования 24.04.2024.

Принята к публикации 05.06.2024.

© Рахинский Д.В., Мусат Р.П., Панасенко Г.В., 2024

Получена 22.03.2024.

Поступила после рецензирования 24.04.2024.

Принята к публикации 05.06.2024.

Для цитирования: Рахинский Д.В., Мусат Р.П., Панасенко Г.В. Лешек Новак и критика исторического материализма // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 25–41. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_25

Аннотация

В статье рассматривается специфика и содержание критического переосмысления марксистского историко-материалистического учения, осуществленного известным польским философом и правоведом, представителем познанской методологической школы Л. Новаком. Анализируется развиваемый им способ понимания значения фигуры Маркса в истории философии и социальных наук, а также содержащиеся в его работах представления о результатах, достигнутых Марксом в области философской методологии. Новак констатирует, что методологические новации Маркса (а именно – метод идеализации) не были в полной мере осознаны и оценены марксистами, и осуществляет их самостоятельное изучение. В разделе, посвященном анализу понимания исторического материализма, выработанного Новаком, ключевое внимание уделяется так называемой «немарксовый» теории общественно-экономических формаций, которая была разработана им на основе представлений об особенностях организации исследовательской активности философа-марксиста и выявленных содержательных коллизий марксистской социальной философии. Исторический материализм в его марксистском понимании критикуется Новаком как на уровне его теоретических оснований, так и на уровне практических следствий его применения при выработке политических решений, иллюстрируемых историей социалистических государств. Философом выделяются две существующие марксистские интерпретации исторического материализма – «номологическая» (восходит к К. Каутскому) и «праксистская» (ее истоки Новак усматривает в работах Г. Лукача), демонстрируются их сильные и слабые стороны. Собственную версию интерпретации исторического материализма Новак выстраивает с помощью реконструированной им идеализационной методологии Маркса. На основании анализа значимых теоретических результатов Новака авторами статьи делаются выводы об актуальной значимости его исследований для социально-философской рефлексии, осуществляемой в русле марксистской философии.

Ключевые слова:

исторический материализм, Карл Маркс, Лешек Новак, классовая борьба, формационная теория, производственные отношения

UDC 304:101.2

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_25

LESZEK NOWAK AND HIS CRITIQUE OF HISTORICAL MATERIALISM

Dmitry V. Rakhinsky,

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia,
siridar@mail.ru

Raisa P. Musat,

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia,
lozraisa@yandex.ru

Galina V. Panasenko,

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia,
galina-panasienko@mail.ru

Received 22.03.2024.

Revised 24.04.2024.

Accepted 05.06.2024.

For citation: Rakhinsky, D.V., Musat, R.P., Panasenko, G.V. (2024). Leszek Nowak and His Critique of Historical Materialism. *Discourse-P*, 21(3), 25–41. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_25

Abstract

The article examines the specifics and content of the critical re-evaluation of Marxist historical materialism undertaken by the renowned Polish philosopher and legal theoretician Leszek Nowak, a prominent member of the Poznań methodological school. The analysis focuses on Nowak's insight into the significance of Karl Marx's contributions to the history of philosophy and social sciences, and particularly those valuable advancements in philosophical methodology attributed to him. Nowak states that Marx's methodological innovations – namely, the method of *idealization* – have not been fully recognized or appreciated by Marxists, and he conducts an independent exploration of them. The section dedicated to analyzing Nowak's understanding of historical materialism highlights his development of a “non-marxist” theory of social formations, which emerges from

the study of the peculiar organization of research activities by Marxist philosophers and the substantive conflicts within Marxist social philosophy. Nowak criticizes Marxist historical materialism on both theoretical and practical grounds, illustrating his arguments with examples from the history of socialist states. He identifies two existing Marxist interpretations of historical materialism: the “nomological” interpretation stemming from Karl Kautsky and the “praxis” one, which Nowak traces back to the works of György Lukács. Nowak not only demonstrates strengths and weaknesses of these two interpretations, but also proposes his own interpretation of historical materialism employing the idealization methodology he reconstructed from Marx’s works. Drawing on Nowak’s significant theoretical contributions, the authors conclude by discussing the contemporary relevance of his research for socio-philosophical reflection within entire Marxist philosophy.

Keywords:

historical materialism, Karl Marx, Leszek Nowak, class struggle, theory of social formation, relations of production

Введение

Лешек Новак (Leszek Nowak) – один из наиболее известных восточноевропейских мыслителей XX в., обращавшихся к наследию Маркса с целью его изучения и творческого продолжения. Он является характерным представителем Познанской школы (и входит в число ее родоначальников наряду с Е. Кмитой и Е. Топольским) – направления польской мысли, основанного на синтезе логико-методологических достижений Львовско-Варшавской школы, важнейших результатов современной философии науки (в особенности критического рационализма К. Поппера), а также марксистского учения. Наследие Познанской школы рассматривается его современными исследователями как масштабный опыт модернизации и актуализации марксистского учения с точки зрения его теоретико-познавательного и методологического содержания (Vorbone, 2023a, p. 142). Учитывая это, можно без преувеличения сказать, что именно в работах Новака содержатся наиболее интересные результаты идейного развития Познанской школы, осмысление и анализ которых на сегодняшний день представляются задачами, выходящими за рамки истории современной философии и касающимися формирования актуальных теорий, в том числе социально-философских.

В литературе встречаются различные подходы к оценке результатов, полученных Познанской школой. Некоторые авторы рассматривают их как продукт аналитической схоластики марксизма, направленной на выведение его из-под удара различных форм его критики, эмпирически обоснованной данными социальных наук (Wierzchosławski, 2023, p. 144–145). В то же время существуют и противоположные позиции, сторонники которых видят в деятельности представителей Познанской школы не только апологетику, но и творческое развитие марксистского учения. В частности, существует мнение, что Новаку (помимо заслуги логико-методологической реконструкции мысли Маркса) следует

приписывать также и достижения в разработке эпистемологических вопросов понимания абстракции и идеализации. Отмечается и оригинальность развитых Новаком представлений о научном познании и его методологии (Vorbone, 2023b, p. 173–175). Солидаризуясь с этой точкой зрения, мы полагаем, что немаловажным является и обращение к социально-философским идеям Новака: критический характер его работ, сочетающийся с вниманием к потенциальным возможностям дополнения и развития марксистских решений делает их источниками ценных интуиций для современных философских исследований социально-экономического развития.

Настоящее рассмотрение обращено к двум категориям философских исследований, осуществленных Новаком. К первой из них относятся работы, направленные на методологический анализ трудов самого К. Маркса, выявление в их содержании значимых с точки зрения научного познания когнитивных приемов и эвристик (эта категория включает в себя все исследования, касающиеся метода идеализации и идеализационной концепции науки). В свою очередь, ко второй категории принадлежат те исследования, в которых Новаком предпринимаются попытки переосмысления теоретических решений, полученных как самим Марксом, так и его последователями (к ней относятся работы, посвященные критике марксистской теории исторического материализма и ее различных ее аспектов). Такое разграничение представляется целесообразным не только в силу тематической направленности исследований, но и в силу их взаимосвязи: Новак обращается к критике положений марксизма, используя предварительно развитые представления о его логико-методологической архитектуре.

«Галилей социальных наук»: Новак о Марксе как методологе

К изучению методологических достижений Маркса Новак обращается в работе «Структура идеализации. К систематической интерпретации марксовой идеи науки». Он указывает на то, что метод, используемый Марксом, является парадоксальным не только с точки зрения здравого смысла, но и с точки зрения магистральных направлений современной философии науки. Для демонстрации правомерности этого утверждения он предлагает обратиться к положению, развитие которого приведет в дальнейшем к получению формулировки, называемой законом стоимости: «В тот момент, когда между предложением и спросом устанавливается равновесие и потому они перестают действовать, рыночная цена товара совпадает с его действительной стоимостью...» (Маркс, 2018, с. 56). Обращается внимание на то, что это положение не удовлетворяет способу понимания закона, общему для ряда представителей логического позитивизма, и не может рассматриваться как научный закон с точки зрения «стандартной концепции» науки.

Прежде всего Новак предлагает несколько переформулировать это положение, придав ему следующий вид: «если x – товар, и разница между спросом на x и предложением на x равна 0, то цена x находится в линейной зависимости от его стоимости». Далее им рассматривается логико-позитивистский способ понимания закона, фиксированный в определении, данном Э. Нагелем (Nagel, 1961, p. 63): закон – не просто предположительно истинное универсальное по-

ложение, а такое, область предикации которого не будет совпадать с множеством свидетельств (то есть подтверждающих его эмпирических положений), поскольку в этом случае оно не будет иметь ни объяснительной, ни предсказательной ценности. Но поскольку товара, для которого данное положение было бы справедливым, не существует, условие Нагеля, предъявляемое к закону, будет нарушаться: и область предикации положения Маркса, и область подтверждающих его эмпирических свидетельств являются пустыми множествами, а значит, они совпадают. Исходя из этого, Новак заключает, что в данном случае мы не имеем дело с положением, которое не могло бы быть охарактеризовано как номологическое в позитивистском смысле (Nowak, 1980, p. 23–24).

Не ограничиваясь точкой зрения логического позитивизма, Новак обращается к критическому рационализму Поппера (он называет его «гипотетицизмом»). Для Поппера научный закон представляет собой необходимое положение, истинное при всех логически возможных начальных условиях (Поппер, 2005, с. 391). Закон стоимости не будет удовлетворять и требованиям Поппера, поскольку его следствия не выполняются в нашем мире при данных условиях функционирования экономических систем (Nowak, 1980, p. 24). Номологическая структура мира, в котором данное положение могло бы являться законом, должна отличаться от той, которая присуща нашему.

Выявляемые несоответствия требованиям к номологическим положениям являются очевидными, но остается открытым вопрос: что позволяет Марксу рассматривать это положение как закон? Новак полагает, что ключ к ответу на этот вопрос – это анализ структуры рассуждений Маркса относительно различных предметов его исследования: воспроизводство, стоимость, развитие обществ и т. д.: мысль Маркса охватывает множество связанных вопросов, имеющих фундаментальное значение для исследования социальной реальности, и в каждом случае реализуется инвариантная логико-методологическая структура, которая может быть названа «методом идеализации и конкретизации» (Nowak, 1980, p. 28). В этой структуре может быть выделена последовательность шагов, для которой Новаком предлагается следующее обобщенное представление (Nowak, 1980, p. 31):

- 1) введение идеализирующих предположений об объекте;
- 2) установление законов для полученных идеализаций;
- 3) поэтапная аппроксимация идеализации к реальным условиям объекта.

С учетом данной схемы закон стоимости и близкие к нему номологические положения, встречаемые в работах Маркса, должны рассматриваться как законы идеализаций, в различной степени приближенных к действительности исследуемых экономических явлений в зависимости от вносимых структурных и содержательных уточнений.

В вопросе о генезисе идеализаций (иными словами, о характеристиках самих идеализационных процедур, осуществляемых Марксом) Новак расходится с рядом современных ему интерпретаций марксистского метода. В частности, он считает несостоятельным утверждение Розенталя об определяющем значении индуктивного рассуждения для него: если Розенталь говорит о том, что Маркс первоначально осуществляет индуктивное исследование фактов с целью обнаружения простейших абстракций (Розенталь, 1967, с. 495), то Новак полагает,

что подобный взгляд ведет к фактическому отождествлению марксистского понимания метода с позитивистским, и настаивает на том, что индуктивное обоснование вводимых Марксом идеализаций попросту невозможно (Nowak, 1980, p. 33). Не существует такого опыта, индуктивное обобщение данных которого могло бы привести к результату, подобному идеализациям Маркса.

Новак разделяет точку зрения, согласно которой в истории развития всякой эмпирической науки существует момент методологического прорыва, связанный с введением практики использования метода идеализации. Этот прорыв представляет собой отправную точку теоретизации. Руководствуясь этим, он характеризует Маркса как «Галилея социальной науки»: подобно тому, как Галилей положил начало систематическому использованию идеализаций в физических исследованиях, Маркс обогатил методом идеализации политэкономия (Nowak, 1980, p. 34). В чем же состоит революционное значение использования идеализаций для любой отрасли научного знания? Оно заключается в обретении ею мощного инструмента для исследования внутренних связей и закономерностей объектов и явлений, позволяющего ей стать чем-то большим, чем областью систематизации эмпирических обобщений. Идеализация – это особым образом организованный выход за пределы наблюдения, обуславливающий возможность выделения главных детерминант и свойств исследуемых явлений и отделения их от второстепенных. Весьма метким представляется и замечание Новака, согласно которому законы, формулируемые исследователями для идеализаций, являются выражением наиболее существенных свойств изучаемого фрагмента реальности, тогда как в ходе процедур конкретизации получают свое выражение убеждения ученых, касающиеся действия второстепенных и вариативных факторов (Nowak, 1980, p. 37).

Выявляя специфику методологии, нашедшей применение в трудах Маркса, Новак формулирует обоснованные возражения в адрес авторов, упрекавших Маркса в неосознанности и непоследовательности применения методологических инструментов. Так, достаточно известным является утверждение, согласно которому Маркс неосознанно «воспроизводит» или «копирует» идеально-типический подход М. Вебера. Но средства логико-методологического анализа позволяют эксплицировать значимые различия применения идеально-типического и марксистского методов. Во-первых, если идеально-типические абстракции могут быть рассмотрены как аналитические идеализационные предложения (которые сами по себе не могут быть эмпирически корректируемы), то марксистские идеализации являются синтетическими предложениями, подвергаемыми эмпирической коррекции (аппроксимации). Во-вторых, если для идеальных типов необходимым «звеном» в их объяснительном применении является формулировка идеально-типической гипотезы, то марксистская идеализация реализует свой объяснительный потенциал через процедуры конкретизации (Nowak, 1980, p. 50–51). В целом, фиксация этих отличий представляется достаточной для опровержения тезисов о «неосознанном воспроизведении» идеально-типического метода Марксом.

Более того, теоретические предпосылки формирования веберовского и марксистского методов демонстрируют существенные расхождения в научно-мировоззренческих ориентирах авторов (Nowak, 1980, p. 44–45): если Вебер

в отношении социальных наук является методологическим антинатуралистом, то Марксу и Энгельсу присуща последовательно натуралистическая позиция (ими разделяется тезис о методологическом единстве науки, хотя и отвергается возможность редукции терминов социальных наук к терминам естественных на основании учения об уровнях движения материи). В силу этого различаться данные методы будут и по сфере своей применимости: метод идеализации является общенаучным, тогда как идеально-типический метод специфичен для социальных наук. Эти и другие наблюдения Новака позволяют обоснованно заключить об оригинальности методологических решений Маркса и отвергнуть критические аргументы, зачастую апеллирующие лишь к поверхностным сходствам методов.

Еще одна задача, решаемая Новаком в рамках исследования марксистской методологии науки – демонстрация ее специфических отличий от концепций, развиваемых масштабными методологическими программами логического позитивизма, «гипотетицизма» (критического рационализма К. Поппера), «методологического иррационализма» (под которым подразумевается философская концепция науки, разработанная Т. Куном). Предпринятый им обстоятельный критический анализ положений данных программ в их сопоставлении с «реконструированным» марксистским методологическим подходом, не может быть детально воспроизведен в настоящем рассмотрении. Ограничимся указанием на ключевой из полученных Новаком выводов: перечисленными философско-методологическими направлениями игнорируется как метод идеализации, так и сопутствующая ему проблематика (Nowak, 1980, p. 95). Это позволяет рассматривать идеализационный подход как оригинальное и конкурентное направление в изучении вопросов методологии науки.

Новак отмечает эссенциалистскую направленность идеализационного метода и предпринимает попытку формализации (с помощью теоретико-множественных инструментов) понятий «сущностная (внутренняя) структура явления», «первичный фактор», «второстепенный фактор» (Nowak, 1980, p. 97). В конечном итоге им предлагается собственная теория научного познания, в системе которой идеализация рассматривается в качестве первичного методологического основания для реализации иных когнитивных операций (Nowak, 1980, p. 107). Эта теория не характеризуется им как ортодоксально марксистская: она понимается как результат развития ряда марксистских тезисов (например, о социальном характере научного познания) и методологических средств. Положения теории Новака вызвали интерес в сообществе специалистов: так, его утверждения о методологических и структурных особенностях научного познания были применены к анализу философского знания в исследованиях концептуальной конкретизации Т. Кейперса (Kuipers, 2023, p. 154–158).

Обсуждая теоретико-познавательные и методологические исследования Новака, нельзя не обратиться к вопросу об их соотношении с классическими для отечественной философии советского периода тематиками логики (диалектики) капитала и метода восхождения от абстрактного к конкретному. Новак отмечает, что его решения представляют собой интерпретацию метода восхождения от абстрактного к конкретному, реализованного в работах Маркса (Nowak, 1980, p. 95). Исследования Новака сближаются с работами его советских коллег по темати-

кам в некоторых моментах: в стремлении к выявлению внутренней структуры метода восхождения и в демонстрации значения его применения в научных контекстах. Но существует и немалое количество различий между ними: так, в силу господствовавшего в советской философии паттерна противопоставления «формальной» и «диалектической» логик, ее представители гораздо в меньшей степени используют средства формализации для анализа структуры рассуждений, осуществляемых при использовании метода восхождения. Помимо этого способ понимания идеализации («абстрактного» в советской терминологии), предложенный Новаком, отличается от представленных в иных исследованиях: например, Э. В. Ильенков понимает абстрактное как «мнимонезависимый момент» конкретного и его «одностороннее проявление» (Ильенков, 1984, с. 217), а А. В. Зиновьев определяет его как «одностороннее понятие о предмете» (Зиновьев, 2002, с. 17). Своеобразие мысли Новака, оригинальность поставленных им целей и полученных решений становятся очевидными даже на уровне поверхностного анализа его работ в ряду тематически однородных исследований.

Исторический материализм как объект критики и развития

Самостоятельному осмыслению принципов и положений социальной философии марксизма посвящена еще одна работа Новака – «Собственность и сила. К немарксистскому историческому материализму». Содержательная связь этой работы с предшествующей реконструкцией метода Маркса подчеркивается замечаниями Новака о том, что без предварительного понимания методологических основ невозможно понять и хода развития марксистской мысли (Nowak, 1983, p. 9). Особую значимость имеют указания Новака на то, что результатом применения идеализационного метода является последовательность моделей, отличающихся по степени конкретизации, и на то, что развитие теоретических ориентаций носит диалектический характер. Он полагает, что эти соображения могут позволить «предсказать» судьбу развития любой завершенной марксистской социальной теории: она должна с необходимостью быть «снята» новой усовершенствованной теорией, которая сохранит лишь некоторые из значимых элементов ее содержания (Nowak, 1983, p. 9). Новаком намечается путь развития социальной теории марксизма посредством критического (но не отвергающего!) переосмысления: именно в этом и состоит существенное отличие его подхода от тех способов критики, которые, подобно развиваемому Ю. М. Бохеньским (Bocheński, 1963, p. 98–106), направлены на выявление несостоятельности и ограниченности марксистских решений.

Немаловажным представляется и прояснение Новаком вопроса о том, что являет собой диалектический подход. Взяв за основу известное утверждение И. В. Сталина, согласно которому диалектика в противоположность метафизике рассматривает природу в состоянии непрерывного движения и изменения, а не статичности и завершенности (Сталин, 1952, с. 576), Новак обращает внимание на то, что его буквальное прочтение без уточнений не позволяет увидеть в нем ничего, кроме трюизма (Nowak, 1983, p. 11). Более того, трудно отыскать в истории философии примеры таких метафизических взглядов, сторонники которых бы полностью абстрагировались от любых происходящих в реаль-

ности изменений и стремились к созданию всецело статичной модели мира. Чтобы выявить действительное философское значение диалектики, Новак вводит ее «категориальную интерпретацию»: движение и изменение понимаются не в тривиальном смысле (то есть не через призму трансформации отдельных вещей, протекания процессов и хода реализации явлений), а с помощью представления об изменении иерархии факторов, определяющей сущностную структуру вещи (Nowak, 1983, р. 12–13). Объект диалектического осмысления, таким образом, – это изменения сущностных структур вещей и явлений. Метафизическая точка зрения, в противоположность диалектической, в этом случае будет заключаться в принятии тезиса об инвариантности сущностных структур вещей, не контрастирующего с признанием того, что самим вещам и явлениям свойственны изменения.

Признавая высокую ценность социальной теории, созданной Марксом, Новак полагает, что следование марксистским методологическим установкам должно предостеречь исследователей от мистификации ее положений. На основе этого им ставится и цель собственного исследования: построить такую историософскую теорию (Новак сосредотачивается на теории общественно-экономических формаций как аспекте исторического материализма), которая, будучи теорией марксистского типа, обладала бы объяснительной силой в отношении тех процессов и явлений капиталистического общества, которые фальсифицируют истмат в его марксистских интерпретациях (Nowak, 1983, р. 16). Легко заметить, что такая цель отличается от установок «более точной и более полной интерпретации взглядов Маркса на историю» (Текей, 1975, с. 17) и «более глубокого усвоения учения К. Маркса» (Крылов, 1997, с. 89), и отличает ее именно антидогматический и конструктивный характер.

Отправной точкой исследования Новака становится анализ внутренней двойственности истмата, проявляющейся на уровне его основоположений. Он указывает на то, что в основу социальной философии марксизма одновременно образом полагаются два тезиса, предполагающие формирование различных позиций в понимании фундаментальных принципов развития и функционирования общества. Первый тезис – указание Маркса, согласно которому на определенной ступени развития производственных сил возникает противоречие между ними и существующими производственными отношениями (Маркс, 1949, с. 7), второй – положение «Манифеста коммунистической партии», рассматривающее классовую борьбу в качестве движущей силы исторического развития (Маркс, Энгельс, 1950, с. 32). Если в первом случае социальное развитие представляет собой процесс постоянного устранения противоречий между технологией и социальными формами, в которых она реализуется, то во втором случае оно реализуется как процесс противоборства эксплуатирующего и эксплуатируемого классов (Nowak, 1983, р. 19–20). Закономерным будет являться и различие субъектов исторического процесса в каждом случае: в одном случае таковым является распорядитель производственных сил, стремящийся получить как можно больше пользы от раскрытия их технологического потенциала, в другом случае – эксплуатируемый класс непосредственных производителей.

Самостоятельное рассмотрение каждой из социально-философских позиций, вытекающих из принятия одного из тезисов, позволяет убедиться

в их последовательности. Однако, при их сочетании возникает существенная двусмысленность: неясно, какой из классов в конечном итоге должен рассматриваться как действительный субъект исторического развития (Nowak, 1983, p. 20). Важность решения этой проблемы заключается в том, что в зависимости от него находится построение самой теории общественно-экономических формаций: например, в случае подхода, формируемого первой позицией, генезис капитализма следует объяснять процессами формирования рыночной экономики и развития предпринимательства, тогда как в случае второго подхода становление капиталистической формации должно объясняться исходя из процессов противоборства классов, протекавших в эпоху феодализма (Nowak, 1983, p. 24). Сторонник первого подхода будет вынужден отказаться от ключевых идей «Манифеста», тогда как стороннику второго придется пренебречь историческими фактами. Новак полагает, что большинство марксистов пользуются скрытыми двусмысленностями используемых ими терминологических единиц для того, чтобы создать ощущение непротиворечивости собственной позиции в защите тезисов истмата: например, термин «классовая борьба» может использоваться для обозначения противоборства как между непосредственными производителями и собственниками средств производства, так и между двумя категориями собственников средств производства (Nowak, 1983, p. 24). Очевидно, что такая стратегия не является выгодной с точки зрения разработки последовательной теории исторического развития общества.

Осознавал ли Маркс двусмысленность, коренящуюся в основании развиваемой им социальной философии? Новак полагает, что гений масштабов Маркса попросту не мог не придать значения подобной теоретической коллизии, но он воздерживается от конкретных суждений о том, почему Марксом было принято именно решение механистически объединить две различные историософские модели в ходе развития своего учения (Nowak, 1983, p. 26–27). Не менее интересным представляется вопрос о том, какую позицию в отношении этой двусмысленности занимают марксисты. Для ортодоксального марксизма, по мысли Новака, характерно игнорирование ее существования: так, Ленин в биографическом очерке «Карл Маркс» одновременно образом констатирует, что марксизм выявляет «корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии производительных сил» (Ленин, 1961, с. 58), и борьба классов является «действительной подкладкой» исторических событий (Ленин, 1961, с. 59). Вопрос о соотношении этих представлений ортодоксальными марксистами просто не ставится, в силу чего не возникает и очевидной необходимости в его разрешении.

Отнюдь не все представители марксизма предпочли игнорировать эту теоретическую коллизию: например, К. Каутский настаивает на том, что два рассматриваемых тезиса о фундаментальных основаниях социального развития являются взаимопереводимыми. Конфликт производительных сил и производственных отношений представляется Каутскому абстракцией от реального социального конфликта, предполагающего существование классов (Каутский, 1931, с. 616). Решение Каутского оценивается Новаком как достаточно слабый способ избегания двусмысленности, поскольку фактически Каутский интерпретирует описываемый социальный конфликт как противостояние двух

классов собственников (Nowak, 1983, p. 21–22). Очевидно, что в этом случае он склоняется к историософской модели работы «К критике политической экономии», а значит, необоснованным является его указание на «взаимопереводимость» тезисов о движущих силах социального развития. Тем не менее, он рассматривает интерпретацию Каутского как один из последовательных способов решения проблемы двусмысленности марксистского обоснования истмата и называет ее «номологической интерпретацией» в силу присущего мысли Каутского (Каутский, 1931, с. 620) акцента на значимости положений истмата как универсальных законов социального развития.

Еще одна интерпретация истмата, характеризующаяся Новаком как последовательная, связывается им с исследованиями Г. Лукача. Истмат рассматривается Лукачем как самопознание капиталистического общества, как проясняющееся и обретающее концептуальное выражение экономическое положение дел в нем (Лукач, 2003, с. 308). Субъектом исторического процесса, по Лукачу, может быть только отдельный класс, а осознание им собственного места в социальной реальности является необходимым условием осуществления практики, направленной на ее преобразование. Утверждение Лукача о том, что самосознание общества равносильно возможности руководства им (Лукач, 2003, с. 307), позволяет Новаку в силу акцента на практическом значении истмата назвать эту интерпретацию «праксистской» (Nowak, 1983, p. 28). В качестве слабой стороны данной интерпретации Новак отмечает следующее: наделяя класс возможностью коренной трансформации принципов существования социальной реальности, ее сторонники фактически устраняют из истмата комплекс представлений о законах исторического развития, которое становится последовательностью реализующихся преобразовательных практик (каждая из которых конституирует социальную реальность и присущие ей закономерности) (Nowak, 1983, p. 29).

Создавая немарксистский вариант истмата, Новак подчеркивает, что он является не интерпретацией первоначальных тезисов Маркса, а, скорее, самостоятельным социально-философским проектом, использующим марксистскую методологию и концептуальный аппарат. Масштаб этого проекта вынуждает ограничиться лишь некоторыми замечаниями относительно его структуры и содержания. Теория истмата Новака строится на основе идеализаций: так, «аналог» марксистского учения об общественно-экономических формациях создается им на основе простейшей идеализации экономически детерминированного общества (изолированное двухклассовое общество с постоянным уровнем развития производственных сил и числом отраслей производства), которая в дальнейших приближениях дополняется условиями и параметрами, значимыми для феодальной и капиталистической систем). Объяснительная ценность идеализаций, в том числе идеализированных законов, становится очевидной, если учесть эссенциалистское представление Новака об их контрфактическом, а не «корреспондирующем» отношении к изучаемым явлениям. Многоуровневость социальной реальности требует формирования ряда приближений для создаваемых идеализаций. Версия истмата, созданная Новаком, может рассматриваться как логически связанная система социальных идеализаций и их аппроксимированных вариантов.

Метод идеализации позволяет Новаку продемонстрировать недостаточность марксистского экономического детерминизма в объяснении становления капиталистического и социалистического обществ: им демонстрируется необходимость самостоятельного анализа политических факторов, влияющих на социальные процессы. Кроме того, им предлагается теоретически представлять экономическую, политическую и духовную сферы общества как автономные, но структурно изоморфные системы (каждая из них делится на материальный (средства), институциональный (организованные единства) и идеологический (убеждения) уровни). Этот способ моделирования социальной реальности способствует многоаспектному анализу антагонистического взаимодействия классов, оказывающего влияние на ее развитие. Новак, таким образом, создает такой вариант материалистической теории социального развития, которая не основана на экономическом детерминизме (который рассматривается им в качестве причины ограниченности марксистских интерпретаций истмата) (Nowak, 1983, p. 137–168).

Результирующий анализ осуществленных итераций идеализации и конкретизации приводит Новака к выводам относительно фундаментальных ошибок марксистских версий исторического материализма. В частности, им отмечается переоценка роли категории революции в представлении социальных трансформаций (которые во множестве проявлений носят также и эволюционный характер), фиксируется необходимость более детального учета политических и идеологических детерминант в трансформации обществ, указываются пробелы, существующие в марксистском понимании отчуждения труда. Особое внимание уделяется экспликации и критике содержания марксистских представлений о классовой борьбе: Новак осуществляет пересмотр марксистских представлений о детерминантах классового антагонизма, вводя концепцию меры неудовлетворенности экономических потребностей непосредственных производителей. Сформированная Новаком система представлений содержит положения, вступающие в противоречие с содержанием марксистского учения, но открывает новые объяснительные и предсказательные перспективы, отсутствующие у классического марксизма и его интерпретаций (Nowak, 1983, p. 236).

Заключение

Социально-философские достижения мысли Маркса не должны отвергаться вместе с догматизированными формами их представления, сводящими на нет их эвристичность и исследовательскую продуктивность. Недооценка возможностей объяснения и моделирования процессов и явлений макроуровня социальной реальности, имеющих у истмата и отдельных его аспектов (например, теории общественно-экономических формаций) является опрометчивой. Большое значение формационной теории для исследования социума относительно подчеркивается В. П. Илюшечкиным: она позволяет существовать воспроизведению логики процесса социального развития, выявить существенные характеристики этого процесса, абстрагируясь от вариативного фактуального содержания, иными словами, она представляет собой ценный инструмент моделирования общественного развития (Илюшечкин, 1990, с. 97). В связи с этим,

возникает необходимость поиска таких способов исследования и использования марксистского наследия, которые бы способствовали наиболее эффективному усвоению значимых эвристик и когнитивных приемов, имеющих принципиальный характер для конституирования материалистической картины социальной реальности. Логико-методологический анализ, осуществленный Новаком в отношении марксистской философии, может рассматриваться в качестве источника ценных интуиций для исследовательской практики. Способ изучения марксизма, избранный Новаком, наделен эпистемическими добродетелями строгости, критичности и стремления к обстоятельному анализу первоисточников, в силу чего он может быть рассмотрен в качестве примера недогматического и творческого восприятия марксистских идей.

Марксистские тематика, находящиеся в центре внимания Новака (закономерности смены общественно-экономических формаций, фундаментальные принципы социального развития, сущность классовый борьбы, отношение экономических детерминант социального развития к политическим, культурным и др.), сохраняют свою актуальность и в контексте современной российской мысли. В свободной от догматических паттернов и идеологических клише форме осмысливаются вопросы классификации субъектов современных социальных революций (Лоскутов, 2023, с. 30–39), обсуждаются перспективы использования формационного подхода не только для анализа, но и для прогноза социальных трансформаций, развиваются представления о посткапиталистической формации, а также характерных для нее социальных и экономических противоречиях (Давыдов, 2019, с. 13–17). Представляется, что изучение предшествующих опытов рефлексии и интерпретации марксистской мысли, созданных на протяжении XX века, является необходимым условием развития современных социально-философских исследований, инкорпорирующих ценные теоретические и методологические инструменты марксизма. Предметами такого изучения должны становиться труды как отечественных, так и зарубежных авторов, и Новак по праву может быть выделен в числе наиболее неординарных представителей последних.

Список литературы

1. Давыдов, Д. А. (2019). На пути к новой антагонистической формации? *Дискурс-Пи*, (1), 10–19. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.1019>
2. Зиновьев, А. А. (2002). *Восхождение от абстрактного к конкретному*. Москва: Ин-т философии РАН.
3. Ильенков, Э. В. (1984). *Диалектическая логика*. Москва: Политиздат.
4. Илюшечкин, В. П. (1990). *Теория стадийного развития общества (история и проблемы)*. Москва: Восточная лит.
5. Каутский, К. (1931). *Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие человечества*. Москва: Соцэкгиз.
6. Крылов, В. В. (1997). *Теория формаций*. Москва: Восточная лит.
7. Ленин, В. И. (1961). *Сочинения. Т. 26*. Москва: Госполитиздат.
8. Лоскутов, Ю. В. (2023). Актуальные политические и неполитические

субъекты социальной революции. *Дискурс-Пи*, (3), 26–43. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

9. Лукач, Г. (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. Москва: Логос-Альтера.

10. Маркс, К. (1949). *К критике политической экономии*. Москва: Госполитиздат.

11. Маркс, К. (2018). *Заработная плата, цена и прибыль. Наемный труд и капитал*. Москва: МЛРД «Рабочий путь».

12. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1950). *Манифест коммунистической партии*. Москва: Госполитиздат.

13. Поппер, К. Р. (2005). *Логика научного исследования*. Москва: Республика.

14. Розенталь, М. М. (1967). *Диалектика «Капитала» К. Маркса*. Москва: Мысль.

15. Сталин, И. В. (1952). *Вопросы ленинизма*. Москва: Госполитиздат.

16. Текеи, Ф. (1975). *К теории общественных формаций*. Москва: Прогресс.

17. Bocheński, J. M. (1963). *Soviet Russian Dialectical Materialism [Diamat]*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

18. Borbone, G. (2023a). On Historical Context of Leszek Nowak's Idealizational Conception of Science. *Organon F*, (2), 137–147. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30203>

19. Borbone, G. (2023b). The Originality of Leszek Nowak's Philosophical and Epistemological Thought. *Organon F*, (2), 171–181. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30209>

20. Kuipers, T. A. F. (2023). Conceptual Concretization. *Organon F*, (2), 153–159. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30205>

21. Nagel, E. (1961). *The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.

22. Nowak, L. (1980). *The Structure of Idealization. Towards a Systematic Interpretation of the Marxian Idea of Science*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

23. Nowak, L. (1983). *Property and Power. Towards a Non-Marxian Historical Materialism*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

24. Wierchosławski, R. P. (2023). On Historical Context of Poznań School of Methodology. *Organon F*, (2), 137–147. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30203>

References

1. Bocheński, J. M. (1963). *Soviet Russian Dialectical Materialism [Diamat]*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

2. Borbone, G. (2023a). On Historical Context of Leszek Nowak's Idealizational Conception of Science. *Organon F*, (2), 137–147. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30203>

3. Borbone, G. (2023b). The Originality of Leszek Nowak's Philosophical

and Epistemological Thought. *Organon F*, (2), 171–181. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30209>

4. Davydov, D. A. (2019). Na puti k novoy antagonisticheskoy formatsii? [Towards a New Antagonistic Social Formation?]. *Diskurs-Pi*, (1), 10–19. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.1019>

5. Ilyenkov, E. V. (1984). *Dialekticheskaya logika* [Dialectical Logic]. Moscow: Politizdat.

6. Ilyushechkin, V.P. (1990). *Teoriya stadiynogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [Theory of Staged Development of Society (History and Problems)]. Moscow: Vostochnaya lit.

7. Kautskiy, K. (1931). *Materialisticheskoe ponimanie istorii. T. 2. Gosudarstvo i razvitie chelovechestva* [The Materialist Conception of History. Vol. 2. The State and the Development of Mankind]. Moscow: Sotsekgiz.

8. Krylov, V.V. (1997). *Teoriya formatsiy* [Theory of Formations]. Moscow: Vostochnaya lit.

9. Kuipers, T.A.F. (2023). Conceptual Concretization. *Organon F*, (2), 153–159. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30205>

10. Lenin, V.I. (1961). *Sochineniya* [Works], vol. 26. Moscow: Gospolitizdat.

11. Loskutov, Yu. V. (2023). Aktual'nye politicheskie i nepoliticheskie sub"ekty sotsial'noy revolyutsii [Contemporary Political and Non-Political Actors of the Social Revolution]. *Diskurs-Pi*, (3), 26–43. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

12. Lukach, G. (2003). *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera.

13. Marx, K. (1949). *K kritike politicheskoy ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Moscow: Gospolitizdat.

14. Marx, K. (2018). *Zarabotnaya plata, tsena i pribyl'. Naemnyy trud i kapital* [Value, Price and Profit. Wage Labour and Capital]. Moscow: MLRD "Rabochiy put".

15. Marx, K., & Engels, F. (1950). *Manifest kommunisticheskoy partii* [The Communist Manifesto]. Moscow: Gospolitizdat.

16. Nagel, E. (1961). *The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.

17. Nowak, L. (1980). *The Structure of Idealization. Towards a Systematic Interpretation of the Marxian Idea of Science*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

18. Nowak, L. (1983). *Property and Power. Towards a Non-Marxian Historical Materialism*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

19. Popper, K.R. (2005). *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Discovery]. Moscow: Respublika.

20. Rozentel, M.M. (1967). *Dialektika "Kapitala" K. Marksa* [Dialectics of K. Marx's "Capital"]. Moscow: Mysl'.

21. Stalin, I. V. (1952). *Voprosy leninizma* [Foundations of Leninism]. Moscow: Gospolitizdat.

22. Tókei, F. (1975). *K teorii obshchestvennykh formatsiy* [To the Theory

of Socioeconomic Formations]. Moscow: Progress.

23. Wierzchosławski, R.P. (2023). On Historical Context of Poznań School of Methodology. *Organon F*, (2), 137–147. <https://doi.org/10.31577/orgf.2023.30203>

24. Zinoviev, A.A. (2002). *Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu* [Ascent from the Abstract to the Concrete]. Moscow: Institut filosofii RAN.

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Рахинский, доктор философских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет; профессор кафедры иностранного права и сравнительного правоведения, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4971-7523>, e-mail: siridar@mail.ru

Раиса Павловна Мусат, доктор философских наук, профессор кафедры информационных технологий в культурных и креативных индустриях, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2661-2289>, e-mail: lozraisa@yandex.ru

Галина Васильевна Панасенко, доктор философских наук, профессор кафедры теории и методики социальной работы, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8656>, e-mail: galina-panasienko@mail.ru

Information about the authors

Dmitry Vladimirovich Rakhinsky, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Public Health, Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; Professor, Department of Civil law and Procedure, Krasnoyarsk State Agrarian University; Professor, Department of Foreign Law and Comparative Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4971-7523>, e-mail: siridar@mail.ru

Raisa Pavlovna Musat, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Information Technologies in Cultural and Creative Industries, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2661-2289>, e-mail: lozraisa@yandex.ru

Galina Vasilyevna Panasenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Theory and Methodology of Social Work, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8656>, e-mail: galina-panasienko@mail.ru

КИБЕРПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Максим Владимирович Яковлев,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
maxvuz@mail.ru

Получена 21.12.2023.

Поступила после рецензирования 22.04.2024.

Принята к публикации 24.05.2024.

Для цитирования: Яковлев М.В. Киберпсихология управления массовым сознанием в современном государстве // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 42–59. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_42

Аннотация

Цель статьи состоит в определении базовых киберпсихологических аспектов политико-государственной деятельности в процессах управления массовым сознанием. Автор обосновывает целесообразность использования понятия массового сознания применительно к цифровой среде современного государства, уточняет это понятие с учетом последних открытий в нейронауке и киберпсихологии, что представляет научную значимость. При помощи сделанного по гайду PRISM систематического обзора литературы последних пяти лет выявляются основные факторы, влияющие на формирование специфики массового сознания в условиях цифровизации (совмещение и взаимопроникновение материальной, виртуальной, дополненной реальностей; уникальное соединение в процессе использования информационно-коммуникационных технологий двух разнонаправленных типов психической деятельности – опосредованной и опосредующей; оформление информационно-коммуникационных технологий в один из ведущих факторов коренного перестроения процесса опосредования и рождения новых форм психической деятельности и со-

© Яковлев М.В., 2024

циального взаимодействия), выделяются специфические черты трансформируемого цифровизацией массового сознания (синтез более выраженной потребительской установки на получение личных положительных эмоций и аффектов с менее явной альтруистической ориентацией на общественно полезную деятельность; детерминированный киберсредствами рациональный выбор поведенческой стратегии и сознательный контроль над эмоциональным состоянием; фрагментированность и поляризованность; нарастающая однородность, замкнутость, невосприимчивость к мнению оппонентов и предвзятость в социальных группах его носителей; киберрадикация; склонность к манипулированию и предрасположенность к воздействиям такого рода). Делается имеющий практическую значимость вывод о том, что базовые киберпсихологические аспекты политико-государственной деятельности в процессе управления массовым сознанием состоят в определении и диагностике проблем массового сознания в киберпространстве, внедрении технологических решений, нацеленных на коррекцию психических процессов, на создание тех или иных психических состояний в киберпространстве в масштабах всего государства, а также в проведении оценки эффективности полученных результатов.

Ключевые слова:

государство, Интернет, информационные технологии, киберпсихология, теории сознания, массовое сознание, общественное мнение, цифровизация, цифровые средства

UDC 321.6/.8

DOI 10.17506/18179568_2024_21_3_42

CYBERPSYCHOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS MANAGEMENT IN THE MODERN STATE

Maksim V. Yakovlev,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
maxvuz@mail.ru

Received 21.12.2023.

Revised 22.04.2024.

Accepted 24.05.2024.

For citation: Yakovlev, M.V. (2024). Cyberpsychology of Mass Consciousness Management in the Modern State. *Discourse-P*, 21(3), 42–59. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_42

Abstract

The purpose of this article is to identify the fundamental cyberpsychological aspects of political and state activity in the context of managing mass consciousness. The author argues for the relevance of applying the concept of mass consciousness in relation to the digital environment of contemporary states, and refines this concept based on recent findings in neuroscience and cyberpsychology, highlighting its academic significance. Employing the PRISM guide, the author conducts a systematic review of the literature from the last five years to uncover the primary factors influencing the formation of mass consciousness in the era of digitalization. These factors include the interplay and blending of material, virtual, and augmented realities; the unique relation between two opposing types of mental activities – mediated and mediating – during the use of information and communication technologies; and the design of these technologies as crucial elements in radically transforming the mediation process, giving rise to new forms of mental activity and social interaction. The article also emphasizes the specific characteristics of mass consciousness as it is transformed by digitalization, such as a blend of heightened consumerism attitude focused on personal positive emotions with a less apparent altruistic orientation towards socially beneficial activities; a rational approach to behavioral strategies influenced by cyber tools and conscious emotional regulation; the fragmentation and polarization, leading to greater homogeneity, isolation, indifference towards opposing news, and biases among their members; cyber addiction and propensity for manipulation and susceptibility to such influences. The conclusion, which holds practical implications, asserts that the essential cyberpsychological aspects of political and state activity in mass consciousness management involve identifying and diagnosing mass consciousness issues in cyberspace, introducing technological solutions aimed at correcting mental processes, and creating specific mental states throughout the state's cyberspace, and evaluating the effectiveness of these interventions.

Keywords:

government, Internet, information technology, cyberpsychology, theories of consciousness, mass consciousness, public opinion, digitalization, digital media

Введение

Вот уже более века шедевр Е. Замятина «Мы», положивший начало мощной литературно-философской традиции, унаследованной О. Хаксли («О дивный новый мир»), Дж. Оруэллом («1984»), К. Воннегутом («Механическое пианино»), В. Набоковым («Приглашение на казнь») и другими выдающимися писателями, служит ярчайшим художественным подтверждением непреходящей актуальности проблемы массового сознания. Ее научное исследование оформилось, пожалуй, в отдельную отрасль знаний: только за последние пять лет на портале eLibrary по ее тематике размещено более 750 статей и книг на русском языке. В них отчетливо прослеживаются три наиболее крупных направления, разрабатывающиеся с 1930-х гг.: технологии и механизмы управ-

ления массовым сознанием (пропаганда, агитация, фрейминг); формирование мировоззрения, исторической памяти, идентичности (включая создание нарративов, ценностей, мифов, стереотипов, образов); роль медиа в воздействии на массовое сознание. В последнее время вырисовывается относительно новая траектория – исследование трансформации психических процессов, состояний, свойств, происходящих под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и электронных устройств, а также выявление порожденной этими изменениями специфики массового сознания, функционирующего в киберпространстве. Серьезная и внушительная работа на этом предметном поле делается, например, авторами ставшего весьма авторитетным журнала «Кибер психология» (“Cyberpsychology”; присвоен второй квартиль в базе данных WoS, первый квартиль – в Scopus), который с 2007 г. выпускается в Масариковском Университете (Брно, Чехия). Схожие вопросы в России с 2015 г. рассматриваются в электронном научно-публицистическом журнале “Номо Cyberus”. Вместе с тем политико-государственное измерение тематики пока не вполне освещено и мало изучено. Остаются нерешенными и нарастают многие трудности, актуализировавшиеся как на заре электронной эры, так и совсем недавно. К таковым, например, относятся: ослабление восприятия авторитета в условиях глобализации и электронных коммуникаций; неуклонное снижение доверия к государству вкуче с возникшей в эпоху телевидения способностью бессознательного игнорирования правительственной информации; изменения в психических функциях, происходящие под влиянием гипертекстового информирования; превращение Интернета в театр кибервоенных действий и ожесточение информационной борьбы за умы в киберпространстве. И здесь полезными оказываются методы и выводы киберпсихологии, без которых сейчас вряд ли возможна разработка эффективных государственных стратегий и программ формирования массового сознания для сохранения общественной консолидации и национального единства. Поэтому цель статьи – определить базовые киберпсихологические аспекты политико-государственной деятельности в процессе управления массовым сознанием.

Для достижения цели был проведен направленный на выявление как можно большего количества научных текстов по теме исследования (Kitchenham, 2004) систематический обзор литературы по рекомендации (гайду) PRISM (Moher et al., 2009). Выборка составлена из 64 журнальных статей, опубликованных в журнале «Киберпсихология», а также размещенных в научной электронной библиотеке «eLibrary» с 2019 по 2023 г. Поисковые слова – Интернет, киберпсихология, массовое сознание, цифровизация. Для улучшения качества поиска использовалась альтернативная исследовательская стратегия: посредством Google Scholar просматривались списки литературы тех статей, в которых цитировались публикации из выборки. Тексты отбирались на основании анализа названия и аннотации при условии уделения основного внимания влиянию киберсредств на трансформацию психических явлений в массовом масштабе и опоры на качественные и количественные исследования. С помощью исследования удалось обобщить существующие данные по теме настоящей статьи, определить специфику массового сознания в киберпространстве, наметить новые направления исследований.

Массовое сознание как базовая категория

Вначале необходимо обосновать выбор понятия «массовое сознание». В зарубежной научной литературе предпочитают понятие «общественное мнение», о трудностях которого не один десяток лет идет полемика, отраженная У. Липпманом в одноименном труде. Например, Р. Нисбет указал на то, что «люди как таковые не являются общественностью» и сравнил их мнение с морской пеной, тем самым признав проблематичность определения общественного мнения, которое на практике чаще всего означает только сумму того, что думают отдельные люди по какому-либо вопросу (Nisbet, 1982, p. 251). Более оптимистичен взгляд Ю. Хабермаса, признающего возможность оформления компетентного общественного мнения, однако, при условии публичного критического осмысления социальной сферы и ее ключевых вопросов (Habermas, 1991, p. 88), что делается прежде всего с помощью независимых массмедиа, служащих не капиталу, а общему благу, обеспечивающих свободный информационный обмен и рост гражданской сознательности. Последнее превращает создание общественного мнения в очень сложную задачу. Например, в США почти все СМИ сосредоточены в пяти-шести медиаконгломератах (их манипуляторская деятельность анализируется с 1970-х гг. Г. Шиллером и др. (Шиллер, 1980)). В ряде других стран средства массовой коммуникации находятся под полным контролем системы власти, не допускающей инакомыслия. Информационное давление корпораций и правительств происходит на фоне более глубоких и масштабных процессов социального отчуждения, эмоциональной изоляции, дегуманизации, тотального распространения массовой культуры потребления, серьезно затрудняющих формирование критического мышления и компетентного общественного мнения.

Кроме того, есть крупная когнитивно-психологическая проблема: не ясно, действительно ли люди способны по-настоящему постигать содержание и смысл новой информации. Так, Э. Гринвальд и Банайи утверждают, что когнитивная реакция человека при получении каких-либо сведений сводится к процессу сопоставления в сознании собственного скрытого сообщения, которое полностью соответствует полученным сведениям (Greenwald, Banaji, 1989). Впрочем, ряд исследователей (Tan, 1985; McGuire, 1973; Novland et al., 1953; Lewin, 1968) считают, что люди способны понимать значения новых сообщений, приспособив свое мнение к принятым в группе представлениям. Если это верно, то рушатся наши надежды на создание осмысленного общественного мнения в ходе делиберации¹ и/или других процедур такого же типа.

В российской научной литературе часто используется понятие «общественное сознание». Пожалуй, наиболее масштабная из посвященных ему публикаций за последние годы – это сборник Института социологии РАН «Разум на распутье. Общественное сознание между прошлым и будущим», в котором среди прочего рассматривается влияние ИКТ и сетевых коммуникаций на сознание россиян в современных условиях. Особый интерес здесь представляет

¹ Под делиберацией нами понимается переговорный процесс, ведущий к достижению согласия по определенным вопросам между всеми его участниками.

определение заглавного понятия, по которому у авторов сложился консенсус: «Исторически сложившаяся совокупность ценностных установок и ориентаций, свойственная каждой более или менее оформившейся национальной или национально-государственной общности» (Красин, 2017, с. 161). Действительно, рассматриваемый термин обладает сложившейся исследовательской традицией и хорошо разработан. Вместе с тем понятие общественного сознания прочно связано с марксистской теорией и потому может восприниматься идеологически окрашенным.

Для снятия этих и других трудностей целесообразным представляется использование понятия «массовое сознание». Оно нейтрально и удовлетворяет требованиям систематичности и эксплицитности, предъявляемым к научным теориям. В этом словосочетании прослеживается четкая связь с обстоятельно изученными явлениями и отражающими их категориями, прочно вошедшими в лексикон социальных наук, включая политологию: «массовое общество», «массовая коммуникация», «массмедиа», «массовое поведение». На первом семантическом плане в нем находится значение воспроизведения большим количеством людей, показатель масштабности и распространенности среди максимального числа граждан. Кроме того, оно базируется на сохраняющих свою актуальность фундаментальных положениях о специфике масс, сформулированных Х. Арендт («изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений») (Арендт, 1992), Х. Ортегой-и-Гассетом («беспрепятственный рост жизненных запросов» и «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить жизнь») (Ортега-и-Гассет, 2002, с. 57). В нем учитывается единообразный и консолидирующий характер информационной (пропагандистской и агитационной) государственной политики, направленный сразу на всю совокупность граждан с целью создания/поддержания национального единства, общей системы интересов и ценностей². И, пожалуй, последнее – обращение к феномену сознания позволяет привлечь последние достижения нейронауки и философские концепции сознания, особенно, информационные и вычислительные.

В данной статье понятие «массовое сознание» определяется как упорядоченный набор ментальных образов, наиболее часто воспроизводимый среди представителей крупных социальных групп (граждан в целом) в государстве.

В концептуальной призме нейронауки массовое сознание можно рассматривать как совокупность типизированных и деперсонализированных нейронных паттернов (соответственно, ментальных образов в виде шаблонов, стереотипов, установок), наличествующих в мозгу у большинства граждан и определяющих их психические процессы, состояние, а также социальное поведение. Например, модель сознания А. Дамасио описывает взаимосвязи между нейронной активностью, психикой и поведенческими реакциями. При этом ментальные образы обрабатываются благодаря наличию «самости», эмоциям и переживаниям в целях, определяемых фундаментальной биологической ценностью (сохранение

² В отличие от коммерческих корпораций, ориентирующихся на целевые аудитории, адресные группы, заинтересованные стороны с соответствующим разделением каналов коммуникации, форм и языка сообщений.

жизни и управление жизненными процессами в пределах гомеостаза) (Дамасио, 2018, с. 44–79).

Это видение соответствует принятому в социальной нейронауке, когнитивной психологии и вычислительных теориях сознания «компьютерно-метафорическому» рассмотрению человеческого мозга как специфической информационно-вычислительной нейронной системы с возможностями мобильного широкополосного соединения с аналогами. Этот механизм, точнее, главные паттерны каузальной организации, на которых основана ментальность как организационный инвариант, вполне может быть описан понятиями вычислительной теории (Chalmers, 2011). В свою очередь ментальность в рамках информационной теории трактуется как информация (или тот самый упорядоченный набор ментальных образов, о котором речь шла выше), объединенная с системой каузальных связей и зависящая от субъективного осознанного опыта, признаваемого реальным (Tononi, Koch, 2015). Причем содержание такой информации может быть передано кодами разного вида (Дубровский, 2013).

Сочетание этих выводов представляет собой довольно ясное общее эмпирическое и теоретическое видение феномена массового сознания в современных условиях, важнейшим из которых является цифровизация. Влияние последней на наделенную сознанием психику раскрывается в трудах киберпсихологов.

Киберпсихология массового сознания

Киберпсихологи вычленяют три главных обстоятельства (фактора), которые определяют специфику массового сознания в условиях цифровизации. Первое – это совмещение и взаимопроникновение материальной, виртуальной, дополненной и, возможно, других реальностей, что позволяет утверждать о возникновении «смешанной реальности» («континуума Милгрэма» как протяженности от базовой реальности до чистой виртуальности, в которой находится «смешанная реальность», где «физические и цифровые объекты сосуществуют и взаимодействуют в режиме реального времени» (Milgram, Kishino, 1994), реальности «онлайнф» (Floridi, 2014).

Второе – уникальное и ранее не наблюдаемое соединение в процессе использования ИКТ двух разнонаправленных типов психической деятельности – опосредованной и опосредующей, сочетающей компоненты как психологического орудия (средства внешней деятельности человека, нацеленного на изменения в окружающем мире) и знака (средства внутренней деятельности человека, направленного на свое или чужое поведение). Иными словами, «орудие и знак начинают работать вместе, и речь идет уже не о противопоставлении, но об их взаимосвязи и взаимопереходах» (Рубцова, 2019, с. 122).

Третье – это оформление ИКТ в один из ведущих факторов коренного перестроения процесса опосредования и рождения новых форм психической деятельности и социального взаимодействия (Rückriem, 2012). Наиболее яркими примерами здесь являются изменения, произошедшие в высших психических функциях (сильнее всего в перцептивных процессах) человека (также обусловивших трансформацию современной культуры) вследствие воздействия мультимедиа, гипертекста, видеоигр. Именно первые два с их фрагментарностью (состоят

из относительно обособленных частей), нелинейностью (предполагают переход к другим связанным фрагментам по гиперссылкам), бесконечностью (включают в себя весь постоянно пополняемый и обновляемый контент Сети), соединением письменных, графических, звуковых элементов, интерактивностью обусловили возникновение клиповой культуры (по Э. Тоффлеру) и связанного с ней типа массового сознания. Речь идет о нарастании субъективного фактора, неопределенности, а также рассеянности внимания в процессе освоения гипертекста, ведь каждый пользователь сам выбирает, по каким гиперссылкам переходить, с каким фрагментом гипертекста и/или мультимедиа знакомиться, при этом постоянно отвлекается на уведомления (входящие сообщения из мессенджеров, подсказки и т.д.), что в итоге приводит к неодинаковым (индивидуализированным) результатам освоения информации у разных людей и более того – к трансформации самого опыта получения сведений (Карр, 2012, с. 111). В свою очередь видеоигры с раннего возраста вовлекают массы людей в запрограммированное виртуальное пространство, в котором, в отличие от мнимой ситуации обычной игры (где участник, действуя творчески, самостоятельно создает линию поведения и свою роль), они делают выбор между заранее заданными игровыми стратегиями и *манипулируют* игровыми персонажами (персонифицированными или нет) с четко определенными параметрами.

Эти обстоятельства не сильно способствуют развитию высшей психической функции воображения, утверждению ценностной установки на свободу, но могут содействовать росту манипулятивной ориентации личности, приводят к созданию новых форм зависимости и девиантного поведения. Данная область очень слабо изучена, а исследователи приходят к противоположным выводам об отрицательных и положительных эффектах, создаваемых контентом. При этом многие согласны с тем, что видеоигры и другие артефакты киберпространства породили новую мощную форму зависимости – кибераддикцию.

Обсуждение вопроса эффективного управления массовым сознанием в современном государстве тесно связано с проблематикой массового политического поведения, ведь именно для инициирования/изменения/прекращения последнего предпринимается целенаправленное воздействие на массовое сознание.

Киберпсихологические и нейронаучные исследования подтверждают ранее известное положение о том, что носителем массового сознания является конкретное индивидуальное сознание, и что любой массовый поведенческий акт восходит к индивидуальной (осознанной или нет) реакции. Иными словами, феномены массового сознания и политического поведения берут начало на личностном уровне, затем увеличиваются в масштабе в ходе межличностного взаимодействия (на котором индивиды, побуждаемые определенными стимулами, влияют друг на друга) и окончательно оформляются посредством массовой коммуникации.

В отличие от политического поведения, имеющего конкретные и регистрируемые проявления, состояния массового сознания не наблюдаемы непосредственно (могут познаваться через политическое поведение), имеющиеся инструменты для их измерения и анализа (опросы и др.) несовершенны, полученные с их помощью результаты часто нерелевантны в силу различных искажений.

Одна из самых больших сложностей при исследовательской и практической работе с психикой, наделенной сознанием как самостью, состоит в том, что субъективное начало непостоянно, трудноуловимо, во многих случаях слабо различимо, на это указывал еще У. Джемс (Джемс, 1913). В большинстве типичных ситуаций для управления жизнедеятельностью мозг, вынужденный экономить вычислительные и другие ресурсы, самостоятельно использует стандартные шаблоны и схемы реагирования (фреймы, нейронные паттерны, карты образов) на внутренние и внешние стимулы. Вследствие чего человек больше времени находится во власти скрытых процессов, чем в полном сознании. На эту удивительную особенность нашей психической жизни обратил внимание М. Пруст: «В обычное время мы живем ничтожной частью нашего существа, почти все наши способности дремлют, полагаясь на привычку, а та знает свое дело и не нуждается в них» (Пруст, 1976, с. 237).

Пока нельзя с точностью сказать, является ли сознание «контролируемой галлюцинацией» (Сет, 2023), независимо ли сознание, или ментальные образы и поведенческие реакции полностью детерминированы информацией, поступающей в мозг. Если последнее предположение верно, то с развитием нейро- и киберпсихотехнологий у общественности исчезнет даже иллюзия свободной воли. Менее радикальные нейробиологи, как например С. Деан, допускают некоторую степень самостоятельности сознания при принятии решений, которая заключается в выборе способов (коллективного) действия, в процессе обсуждения (делиберации по Ю. Хабермасу) всех возможных последствий, недостатков, преимуществ того или иного поступка с самим собой и/или с окружающими (Деан, 2018). Именно в этих моментах человек проявляет себя как личность, а совокупность людей – как общество. Такая модель интуитивно представляется более правдоподобной, нежели механический детерминизм (даже если это просто утешение).

Данные обществоведов, дополненные выводами специалистов по киберпсихологии о характере трансформации высших психических процессов и функций, опосредования³ всех аспектов человеческой практики и деятельности, полученные в последние годы, позволяют более четко проследить влияние цифровизации на человеческую психику и сознание, а также в обобщенном виде представить их современное состояние, которое становится типичным, приобретает массовый характер и определяет социальновидовое политическое поведение.

Управление массовым сознанием в цифровой среде в концептуальной призмe киберпсихологии

Современные подходы к процессу управления массовым сознанием предполагают такие его основные стадии, как принятие решения, организация, мотивация, контроль, координация, оценка эффективности. В каждой из них киберпсихология занимает свое место: при принятии решения берется во внимание

³ Преобразование внешних по отношению к сознанию культурных средств во внутренние психологические средства: психологические орудия и знаки (по Л.С. Выготскому).

заключение о характере проблемы, полученное после киберпсихологического диагностирования (независимо от используемой модели коммуникации: AIDA, RACE, ROPE, 5W+1H, процедура Брума-Дозьера и т. д.); при организации и мотивации внедряются релевантные технологии; при оценке эффективности анализируются полученные эффекты и аффекты, достигнутые психические процессы, состояния, свойства, проявляющиеся в типичных поведенческих актах в киберпространстве, инициированных массовым сознанием.

Изменения, происходящие в психических функциях, состояниях и свойствах под влиянием цифровых средств, породили новые тенденции в массовом сознании: снижение авторитета структур власти, распространение возникшей еще в эпоху телевидения способности бессознательно игнорировать нежелательную информацию и селективного восприятия (Johnson at al., 2020), нарастание гомофилии (Settle, 2018), размножение фильтрационных пузырей и эхо-камер (Bruns, 2019), «алгоритмическое смещение» (Sirbu at al., 2019), расширение slackтивизма и др.

Перечисленное значительно затрудняет работу с массовым сознанием и требуют новых исследовательских стратегий для разработки и реализации эффективных коммуникационных программ. Все более значительной частью последних становится киберпсихология, позволяющая преодолеть возникшие сложности с применением, в основном, таких методов, как опрос интернет-пользователей (часто посредством Qualtrics), систематический обзор научной литературы и метаанализ, систематический и метааналитический синтез и др.

Например, киберпсихологам удалось получить данные, пошатнувшие в целом скептическую позицию в отношении эгоистической деятельности многих пользователей в социальных сетях, которую Н. Кабрера, Л. Матиас и Р. Монтоя назвали «slackтивизмом». Напомню, эти авторы выяснили, что в киберпространстве предпочтительными оказываются такие поведенческие модели, которые предполагают минимальные усилия и низкую вовлеченность, при этом позволяют достичь самоуспокоения (Cabrera at al., 2017). Однако М. Д. Фостер, Э. Хеннесси, Б. Т. Блэнкеншип, Э. Стюарт представили доказательства того, что slackтивизм имеет практический эффект, но только отложенный, а также способствует коллективным действиям в тех случаях, когда пользователи испытывают положительные эмоции в социальных сетях и уверены в своей возможности повлиять на положение дел (когда находятся в «состоянии власти»), особенно при участии влиятельных коммуникантов. Это заключение подкреплено предшествующими тезисами М. ван Зумерена и А. Айера о прямой зависимости между общим ощущением своих возможностей справиться с ситуацией, укреплением убежденности в оказании влияния на эту ситуацию и, наконец, с инициированием и укреплением коллективных действий (van Zomeren, Iyer, 2009). Кроме того, положительные аффекты, полученные от общего поведения (замеченные еще Б. Ф. Скиннером (Skinner, 1971)) и от небольших необременительных совместных актов помогают в нарастании уверенности в своем потенциале и мотивируют к участию в более масштабных групповых акциях в будущем и в реальной жизни. Sic parvis magna⁴. Еще одним следствием является подтверждение положитель-

⁴ Большое начинается с малого (лат.).

ной корреляции между проявлениями ментальных состояний и поведенческими актами в Интернете и реальной жизни (онлайн- и офлайн-активность), которую установили С. Буллиан и Я. Теокарис (Boulianne, Theocharis, 2020). Эти выводы полезны как гражданам активистам, желающим самоорганизоваться для оказания воздействия на политический процесс, так и системам власти, которые ищут поддержку и мобилизуют сторонников, реализуют в Сети программы нарративизации, фрейминга, общественной консолидации, укрепления национального единства; они показывают, что слактивизм – это не сугубо отрицательное явление, его можно использовать в долгосрочных коммуникационных стратегиях, сочетающих активность в Интернете и в материальной реальности (на улицах). Из этих выводов можно вывести одну из специфических черт современного массового сознания, а именно – синтез более выраженной потребительской установки на получение личных положительных эмоций и аффектов с менее явной альтруистической ориентацией на общественно полезную деятельность. Систематическое использование киберсредств в долгосрочных перспективе вполне позволяет трансформировать это парадоксальное сочетание подсознательных, ментальных и поведенческих программ в достигающее цели коллективное действие. И возможно, слактивизм представляет собой форму осуществления древнего принципа “*Festina lente*”⁵ в цифровой среде.

Другую относящуюся к массовому сознанию закономерность обнаружили Дж. Рюи и С. Кюи. Авторы, вновь подтвердив действенность выявленной еще в 1974 г. Э. Ноэль-Нойман спирали молчания, на материалах исследования массового поведения в социальных сетях и сервисах определили влияние технологических возможностей на выражение политических взглядов и раскрыли мотивацию пользователей при повышенных рисках негативного реагирования окружающих. В частности, было показано, что ожидаемые санкции опосредуют отношения между ресурсами Интернета и способами общения на политические темы: в условиях взаимной анонимности и отсутствия связи с оф-лайн средой коммуниканты более склонны к искренности и одновременно к случайным вспышкам агрессии в отношении инакомыслящих (к флеймингу), в случаях деанонимизации и в окружении тех, с кем знакомы лично, они чаще всего избирают тактики ненападения, самоцензуры, фальсификации своих политических. Изложенное проливает свет на скрытые механизмы массового сознания и поведения и позволяет совершенствовать технологии модерации и более эффективно управлять коммуникационными процессами. Кстати, в этом направлении большой практический опыт накоплен китайскими специалистами, особенно теми, кто занимается модерированием общения между пользователями, находящимися по разные стороны границы КНР. Кроме того, исследование показывает, что широкое распространение в массовом сознании получила такая черта, как детерминированный киберсредствами рациональный выбор поведенческой стратегии и сознательный контроль над эмоциональным состоянием.

Иной тип влияния киберсредств на массовое сознание выявили А. Сирбу, Д. Педришчи, Ф. Джианнотти и Дж. Кертеш, которые обнаружили эффект

⁵ Торопись медленно (лат.), ср. (рус.) тише едешь – дальше будешь.

«алгоритмического смещения», создаваемый новыми медиа и новостными агрегаторами. Их упрощающие картину мира сообщения направляются машинными алгоритмами в соответствии с популярностью и ориентацией на целевую аудиторию, параметры которой заданы маркетологами, а не согласно смыслу и актуальности. Вследствие этого поощряются взаимодействия между единомышленниками (гомофилия), нарастает предвзятость, ведущая к фрагментации и поляризации мнений (Sirbu et al., 2019), что делает труднодостижимым консенсус в рамках всего государства. Близкие выводы о специфике массового сознания в цифровой среде (опосредованность цифровыми коммуникациями, отсутствие ценностной однородности и др.) ранее сделали Э. Вааст, Г. Сафади, Л. Лапойнт, Б. Негойта (Vaast et al., 2017).

Усиление «алгоритмического смещения» вкпе с увеличением в киберпространстве эхо-камер, фильтрационных пузырей и других явлений может создать впечатление, что наблюдается размывание массового сознания, происходит его постепенное схождение на нет, а на его месте образуется конгломерат групповых идентичностей с типичными для них наборами ментальных образов. Однако это не совсем так. Более точным будет утверждение именно о фрагментации массового сознания, то есть о нарастании в его границах разнообразия элементов, общими чертами которых является замкнутость, однородность, невосприимчивость к инакомыслию, предвзятость. Эти общие черты не просто проходят сквозь всю структуру современного массового сознания, они представляют собой его «несущий остов», оформившийся в киберпространстве под влиянием ИКТ и электронных устройств.

По перечисленным источникам легко заметить, что исследования сознания и поведения пользователей в киберпространстве ведутся главным образом за рубежом. Российские специалисты пока не действуют в полную силу в области киберпсихологии. Есть отдельные работы, касающиеся управления массовым сознанием в Интернете. Например, А.В. Виловатых, применив диспозициональную модель личности в сочетании с положениями теории подталкивания (Р. Талер и К. Санстейн) и идеей о «симметрии заблуждений» (В.Д. Миловидов), показала появление специфических видов воздействия на массовое сознание в цифровой среде (таргетирование, астротурфинг, троллинг, надж), базирующихся на последних достижениях нейробиологии и коммуникативистики и определяющих «качественно новую декомпозицию отношений между властью и обществом» (Виловатых, 2020, с. 161).

Нехватка отечественных разработок в области киберпсихологии делает уязвимым российское общество, особенно ту его часть, которая много времени проводит в социальных сетях, на каналах сетевых мессенджеров и видеохостингов и потому наиболее подвержена целенаправленным воздействиям извне.

Заключение

Аналитическое рассмотрение современных научных трудов по киберпсихологии и в смежных областях позволяет выделить такие специфические черты современного массового сознания, как синтез более выраженной потребительской установки на получение личных положительных эмоций и аффектов с менее

явной альтруистической ориентацией на общественно полезную деятельность; детерминированный киберсредствами рациональный выбор поведенческой стратегии и сознательный контроль над эмоциональным состоянием; фрагментированность и поляризованность; нарастающая однородность, замкнутость, невосприимчивость к мнению оппонентов и предвзятость в социальных группах его носителей; кибераддикция; склонность к манипулированию и предрасположенность к воздействиям такого рода.

Легко заметить, что часть этих характеристик была присуща массовому сознанию в доэлектронную эпоху, и что ряд их часто воспроизводится вне цифровой среды. Вспомним, как часто мы меняем линию поведения в зависимости от обстоятельств и подстраиваемся к социальному окружению, делаем вид, что не замечаем каких-то вещей, когда нам это выгодно. Специалисты по глубинной психологии могут объяснить эти случаи активацией механизмов адаптации и защиты. Однако вряд ли стоит сомневаться в ценности киберпсихологических исследований и в новизне их результатов (пусть не всех), ведь в них показываются конкретные изменения (например, увеличение интенсивности и масштаба гомофилии), происходящие с наделенной сознанием психикой в киберпространстве под влиянием ИКТ и электронных устройств, а также их движущие силы и последствия.

Текущая трансформация еще более осложняет процесс управления массовым сознанием на всех его этапах независимо от используемой модели коммуникации. Базовые киберпсихологические аспекты политико-государственной деятельности в процессе управления массовым сознанием состоят в определении и диагностике проблем массового сознания в киберпространстве, внедрении технологических решений, нацеленных на коррекцию психических процессов, на создание тех или иных психических состояний в киберпространстве в масштабах всего государства, а также в проведении оценки эффективности полученных результатов. Знания и методы киберпсихологии позволяют уменьшить неопределенность и непредсказуемость этого процесса, на стадии принятия решения помогают выявить проблему, наметить цель, социальные группы и план действий, выбрать соответствующий коммуникационный инструментарий; на стадиях организации, мотивации, контроля профессиональнее и точнее применять технологии. Подтверждением этому служит использование установленных киберпсихологами причинно-следственных связей для разработки новейших стратегий, методов и технологий управления массовым сознанием в киберпространстве. Например, последние данные о слактивизме (slactivism), раскрывшие его позитивный потенциал, открыли новые возможности для долгосрочных программ поддержания лояльности и мобилизации масс. Выводы о фальсификации политических взглядов и самоцензуры в кругу знакомых и склонности к флеймингу в условиях анонимности в Интернете полезны для более изощренного программирования массовых установок, тонкой настройки окна Овертона и т.д. Положения о поляризации и фрагментации массового сознания широко применяются в нацеленных на инициирование социального конфликта информационных кампаниях в странах-противниках для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации во враждебных государствах, подрыва их систем власти.

Сейчас отечественная киберпсихология находится на начальной стадии развития, поэтому имеется большое разнообразие дальнейших направлений в ее исследованиях и, в частности, в области управления массовым сознанием. Ясно, что важным сейчас является, с одной стороны, определение с учетом специфики нашего общества и изучение психических состояний, в которых находятся российские интернет-пользователи. С другой стороны, на повестке дня стоит исследование механизмов массовой консолидации и положительной мотивации в киберпространстве на основании национальных интересов и ценностей с целью укрепления основ российской государственности.

Список литературы

1. Арндт, Х. (1992). Массы и тоталитаризм. *Вопросы социологии*, 1(2), 24–31.
2. Виловатых, А.В. (2020). Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*, 17(2), 149–164. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>
3. Дамасио, А. (2018). *Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания*. Москва: Карьера Пресс.
4. Деан, С. (2018). *Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли*. Москва: Карьера Пресс.
5. Джемс, У. (1913) Существует ли «сознание»? *Новые идеи в философии*, (4), 102–127.
6. Дубровский, Д.И. (2013). Сознание и мозг: информационный подход к проблеме. *Знание. Понимание. Умение*, (4), 92–98.
7. Карр, Н. (2012). *Пустьшка: Что интернет делает с нашими мозгами*. Санкт-Петербург: Best Business Books.
8. Красин, Ю.А. (Ред.) (2017). *Разум на распутье. Общественное сознание между прошлым и будущим*. Москва: Аспект Пресс.
9. Ортега-и-Гассет, Х. (2002). *Восстание масс*. Москва: АСТ.
10. Пруст, М. (1976). *Под сенью девушек в цвету*. Москва: Худож. лит.
11. Рубцова, О.В. (2019). Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая). *Культурно-историческая психология*, 15(3), 117–124. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150312>
12. Сет, А. (2023). *Быть собой. Новая теория сознания*. Москва: Альпина нон-фикшн.
13. Шиллер, Г. (1980). *Манипуляторы сознанием*. Москва: Мысль.
14. Boulianne, S., & Theocharis, Y. (2020). Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*, 38(2), 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>
15. Bruns, A. (2019). Filter Bubble. *Internet Policy Review*, 8(4), 1–14. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1426>
16. Cabrera, N.L., Matias, C.E., & Montoya, R. (2017). Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, 10(4), 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>

17. Chalmers, D. (2011). A Computational Foundation for the Study of Cognition. *The Journal of Cognitive Science*, (12), 323–357.
18. Floridi, L. (2014). *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford Univ. Press.
19. Greenwald, A.G., & Banaji, M.R. (1989). The Self as a Memory System: Powerful, but Ordinary. *Journal of Personality and Social Psychology*, (57), 41–54. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.1.41>
20. Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of The Public Sphere. An Inquiry Into A Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
21. Johnson, B., Neo, R., Heijnen, M., Smits, L., & van Veen, C. (2020). Issues, Involvement, and Influence: Effects of Selective Exposure and Sharing on Polarization and Participation. *Computers in Human Behavior*, (104), 1–12 (Article 106155). <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.031>
22. Hovland, C., Janis, I., & Kelly, H. (1953). *Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change*. New Haven: Yale Univ. Press.
23. Kitchenham, B. (2004). *Procedures for performing systematic reviews* (Joint Technical Report). Department of Computer Science, Keele University (TER/SE-0401) and National ICT Australia Ltd. (04001T.1). Retrieved from <http://www.inf.ufsc.br/~aldo.vw/kitchenham.pdf>
24. Lewin, K. (1968). *Group Dynamics, Research and Theory*. New York.
25. McGuire, W. (1973). *Persuasion, Resistance, and Attitude Change in Handbook of Communication*. Chicago: Rand McNally.
26. Milgram, P., & Kishino, A.F. (1994). Taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*. (E77-D (12)), 1321–1329.
27. Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., & Altman, D.G. (2009). Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement. *Journal of Clinical Epidemiology*, 62(10), 1006–1012. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2009.06.005>
28. Nisbet, R. (1982). *Prejudices. A Philosophical Dictionary*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
29. Rückriem, G. (2012). *Digital technology and mediation – a challenge to activity theory*. Retrieved June 5, 2012, from <https://www.cambridge.org/core/books/abs/learning-and-expanding-with-activity-theory/digital-technology-and-mediation-a-challenge-to-activity-theory/37B557F6112AE5F1C9DBEDAE237FEFF0>
30. Settle, J. (2018). *Frenemies: How Social Media Polarizes America*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
31. Sirbu, A., Pedreschi, D., Giannotti, F., & Kertesz, J. (2019). Algorithmic Bias Amplifies Opinion Fragmentation and Polarization: A Bounded Confidence Model. *PLoS ONE*, 14(3), e0213246. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213246>
32. Skinner, B.F. (1971). *Beyond freedom and dignity*. New York, NY, US: Knopf.
33. Tan, A. (1985). *Mass Communication Theories and Research*. New York: John Wiley.
34. Tononi, G., & Koch, C. (2015). Consciousness: here, there and everywhere?

Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, (370), Article ID 20140167. <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>

35. Vaast, E., Safadi, H., Lapointe, L., & Negoita, B. (2017). Social Media Affordances for Connective Action – An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill. *MIS Quarterly*, 41(3), 1179–1205. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.4.08>

36. Zomeran, M. van, & Iyer, A. (2009). Introduction to the social and psychological dynamics of collective action. *Journal of Social Issues*, (65), 645–660. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01618.x>

References

1. Arendt, H. (1992). Massy i totalitarizm [The masses and totalitarianism]. *Voprosy sotsiologii*, 1(2), 24–31.

2. Boulianne, S., & Theocharis, Y. (2020). Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*, 38(2), 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>

3. Damasio, A. (2018). *Tak nachinaetsya “Ya”*. *Mozg i vzniknovenie soznaniya* [Self comes to mind constructing the conscious brain]. Moscow: Kar’era Press.

4. Dean, S. (2018). *Soznanie i mozg. Kak mozg kodiruet mysli* [Consciousness and the brain. How the brain encodes thoughts]. Moscow: Kar’era Press.

5. Dubrovsky, D.I. (2013). Soznanie i mozg: informatsionnyy podkhod k probleme [Consciousness and the brain: an information approach to the problem]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 92–98.

6. James, W. (1913) Sushchestvuet li “soznanie”? [Does “consciousness” exist?]. *Novye idei v filosofii*, 4, 102–127.

7. Ortega y Gasset, H. (2002). *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Moscow: AST.

8. Boulianne, S., & Theocharis, Y. (2020). Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*, 38(2), 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>

9. Bruns, A. (2019). Filter Bubble. *Internet Policy Review*, 8(4), 29 November. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1426>

10. Cabrera, N.L., Matias, C.E., & Montoya, R. (2017). Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, 10(4), 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>

11. Chalmers, D. (2011). A Computational Foundation for the Study of Cognition. *The Journal of Cognitive Science*, 12, 323–357.

12. Floridi, L. (2014). *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press.

13. Greenwald, A.G., & Banaji, M.R. (1989). The Self as a Memory System: Powerful, but Ordinary. *Journal of Personality and Social Psychology*, (57), 41–54. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.1.41>

14. Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of The Public Sphere*.

An Inquiry Into A Category of Bourgeois Society. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

15. Johnson, B., Neo, R., Heijnen, M., Smits, L., & van Veen, C. (2020). Issues, Involvement, and Influence: Effects of Selective Exposure and Sharing on Polarization and Participation. *Computers in Human Behavior*, (104). Article 106155. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.031>

16. Hovland, C., Janis, I., & Kelly, H. (1953). *Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change*. New Haven: Yale University Press.

17. Karr, N. (2012). *Pustyshka: Chto internet delaet s nashimi mozgami* [The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains]. St. Petersburg: BestBusinessBooks.

18. Kitchenham, B. (2004). *Procedures for performing systematic reviews* (Joint Technical Report). Department of Computer Science, Keele University (TER/SE-0401) and National ICT Australia Ltd. (04001T.1) Retrieved from <http://www.inf.ufsc.br/~aldo.vw/kitchenham.pdf>

19. Krasin, Ju. A. (Ed.). (2017). *Razum na rasput'e. Obshchestvennoe soznanie mezhdru proshlym i budushchim* [The mind is at a crossroads. Public consciousness between the past and the future]. Moscow: Aspect Press.

20. Lewin, K. (1968). *Group Dynamics, Research and Theory*. New York, 1968.

21. McGuire, W. (1973). *Persuasion, Resistance, and Attitude Change*. In De Sola Pool I (Ed.). *Handbook of Communication*. Chicago: Rand McNally.

22. Milgram, P., & Kishino, A.F. (1994). Taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*. 1994, (E77-D (12)), 1321–1329.

23. Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., & Altman, D.G. (2009). Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement. *PLoS Med*, 6(7): Article e1000097.

24. Nisbet, R. (1982). *Prejudices. A Philosophical Dictionary*. Cambridge: Harvard University Press.

25. Rückriem, G. (2012). Digital technology and mediation – a challenge to activity theory. Retrieved June 5, 2012, from <https://www.cambridge.org/core/books/abs/learning-and-expanding-with-activity-theory/digital-technology-and-mediation-a-challenge-to-activity-theory/37B557F6112AE5F1C9DBEDAE237FEFF0>

26. Proust, M. (1976). *Pod sen'yu devushek v tsvetu* [Under the canopy of girls in bloom]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

27. Rubtsova, O. V. (2019). *Tsifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' pervaya)* [Digital Media as a New Means of Mediation (Part One)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 15 (3), 117–124. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150312>

28. Schiller, H. (1980). *Manipulyatory soznaniem* [Manipulators of consciousness]. Moscow: Mysl'

29. Settle, J. (2018). *Frenemies: How Social Media Polarizes America*. Cambridge: Cambridge University Press.

30. Sirbu, A., Pedreschi, D., Giannotti, F., & Kertesz, J. (2019). Algorithmic Bias Amplifies Opinion Fragmentation and Polarization: A Bounded Confidence Model.

- PLoS ONE*, (Vol. 14. No. 3), e0213246. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213246>
31. Skinner, B.F. (1971). *Beyond freedom and dignity*. New York, NY, US: Knopf.
32. Tan, A. (1985). *Mass Communication Theories and Research*. New York: John Wiley.
33. Tononi, G., & Koch, C. (2015). Consciousness: here, there and everywhere? *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, (370), Article ID 20140167. <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>
34. Vaast, E., Safadi, H., Lapointe, L., & Negoita, B. (2017). Social Media Affordances for Connective Action – An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill. *MIS Quarterly*, 41(4), 1179–1205. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.4.08>
35. Zomeran, M. van, & Iyer, A. (2009). Introduction to the social and psychological dynamics of collective action. *Journal of Social Issues*, (65), 645–660. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01618.x>
36. Vilovatykh, A. V. (2020). *Manipulirovanie sotsial'nym povedeniem v usloviyakh tsifrovoy sredy* [Manipulation of Social Behavior Under the Digitalization of Social Environment]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 149–164. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>

Информация об авторе

Максим Владимирович Яковлев, доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-5642>, e-mail: maxvuz@mail.ru

Information about the author

Maksim Vladimirovich Yakovlev, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-5642>, e-mail: maxvuz@mail.ru

«СЛЕПАЯ ЗОНА» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ ПРОПАГАНДЫ УОЛТЕРА ЛИППМАНА

Александр Борисович Белоусов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
ektb@ya.ru

Получена 26.06.2024.

Поступила после рецензирования 20.07.2024.

Принята к публикации 07.08.2024.

Для цитирования: Белоусов А.Б. «Слепая зона» общественного мнения: концепция пропаганды Уолтера Липпмана // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 60–75. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_60

Аннотация

Статья посвящена концепции пропаганды Уолтера Липпмана. Понятие пропаганды у Липпмана традиционно остается в тени другого более известного термина, введенного им в оборот – общественного мнения. Исследования пропаганды имеют особую ценность в текущий момент, поскольку из-за происходящих событий объемы пропаганды и ее влияние на общественно-политическую атмосферу существенно увеличились. Среди исследователей, которые впервые обратили внимание на пропаганду, включая Эдварда Бернейса, Гарольда Лассуэлла и Артура Понсонби, Уолтер Липпман был первым, кто написал о ней. Однако его влияние на исследования пропаганды, как правило, недооценивается. В статье показывается, что и Лассуэлл, и Бернейс, и Понсонби в той или иной степени выполняли исследовательские задачи, впервые поставленные Липпманом. В статье анализируется понимание пропаганды в ключевой работе Липпмана «Общественное мнение», а также в других его после-

© Белоусов А.Б., 2024

военных работах, таких как «Политическая сцена; эссе о победе 1918 года» (1919), «Свобода и новости» (1920), «Призрак общественности» (1927), которые остаются непереуведенными на русский язык и по сей день. Также впервые в российской политической науке исследуется биографический контекст работ Липпмана, а именно его опыт работы пропагандистом в Европе в 1918 году. Было выяснено, что, получив негативный опыт работы в сфере пропаганды и проиграв аппаратную конкуренцию главе американского пропагандистского ведомства Джорджу Крилу, Уолтер Липпман перенес свои антипатии на «фигуру пропагандиста», которую в своих работах награждает самыми яркими негативными эпитетами. Тень этого отношения падает и на саму пропаганду, которая, будучи главным механизмом формирования общественного мнения, фактически замалчивается им в «Общественном мнении», превращаясь в ее «слепое пятно».

Ключевые слова:

пропаганда, общественное мнение, Первая мировая война, стереотип, связи с общественностью

UDC 32.019.5

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_60

THE BLIND SPOT OF PUBLIC OPINION: THE CONCEPT OF PROPAGANDA BY WALTER LIPPMANN

Alexander B. Belousov,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ektb@ya.ru

Received 26.06.2024.

Revised 20.07.2024.

Accepted 07.08.2024.

For citation: Belousov, A.B. (2024). The Blind Spot of Public Opinion: The Concept of Propaganda by Walter Lippmann. *Discourse-P*, 21(3), 60–75. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_60

Abstract

The article examines Walter Lippman's concept of propaganda, which has traditionally been overshadowed by the more widely recognized concept of public opinion. The relevance of studying propaganda has heightened due to current events that significantly increased both the volume of propaganda and its impact on the socio-political atmosphere. Among the early researchers of propaganda, such as Edward Bernays, Harold Lasswell, and Arthur Ponsonby – Lippmann was the first to articulate its complexities. However, his contribution to propaganda research is often underestimated. This article asserts that Lasswell, Bernays, and Ponsonby addressed the research tasks initially proposed by Lippmann. The analysis focuses on Lippmann's understanding of propaganda in his seminal work, *Public Opinion*, as well as in his subsequent post-war writings, including *The Political Scene: an Essay on the Victory of 1918* (1919), *Liberty and News* (1920), and *The Phantom Public* (1927), all of which remain untranslated into Russian. For the first time in Russian political science, the biographical context of Lippman's works is explored, particularly his experiences as a propagandist in Europe in 1918. The study reveals that after encountering negative experience in the field of propaganda and losing the material competition to George Creel, the head of the American propaganda department, Walter Lippman transferred his antipathies into the figure of "propagandist", attributing to it the most vivid negative epithets in his writings. This disdain casts a shadow over propaganda, which serves as a primary mechanism for shaping public opinion, but is ultimately relegated to a "blind spot" in Lippmann's *Public Opinion*.

Keywords:

propaganda, public opinion, World War I, stereotype, public relations

Введение

Уолтера Липпмана традиционно принято считать родоначальником понятия общественного мнения благодаря одноименной работе, вышедшей в 1922 году. Она получила большую известность и оказала серьезное влияние на такие дисциплины, как социология, media studies, теория коммуникации и связи с общественностью. Исследователь творчества Липпмана Рональд Стил отмечал, что данная работа создала целые исследовательские институты – опросы общественного мнения, академические курсы, научные журналы (Steel, 1981, p. 180). Глава о Уолтере Липпмане или, по крайней мере, изложение его концепции общественного мнения является почти обязательной для учебных пособий по данным дисциплинам (см, например: Хубецова, 2017; Франц, 2016; Селькова, 2011; Григорьев, Блошко, 2024 и др.). Число диссертационных работ, в названиях которых употреблено понятие «общественное мнение», по данным электронного ресурса Российской государственной библиотеки приближается к 400¹, число ссылок в электронном каталоге elibrary.ru на работы, упоми-

¹ Поиск осуществлялся среди полнотекстовых диссертационных работ, в качестве

нающих Уолтера Липпмана, достигает почти 1000, а упоминающих понятие «общественное мнение» – почти 140000. Все эти данные указывают на то, что Уолтер Липпман остается влиятельной фигурой спустя 100 лет после выхода его знаменитой работы.

Вместе с тем, несмотря на его фундаментальный вклад в указанные дисциплины, в русскоязычной науке имеются пробелы в осмыслении наследия Липпмана. Единственная монография, посвященная его творчеству, вышла уже 30 лет назад, став библиографической редкостью (Печатнов, 1994). Что же касается диссертационных исследований, то, несмотря на рассмотрение отдельных аспектов концепции Липпмана диссертантами², полноценных работ, посвященных Липпману, в российской науке, увы, не найдено. Еще большие пробелы обнаруживаются, когда речь заходит об изучении его вклада в исследование пропаганды. На текущий момент можно указать лишь одну статью, в которой среди прочих рассматривается позиция Липпмана по данному вопросу (Бакулев 2013), однако ее объем в 3 страницы не позволяет назвать ее сколько-нибудь обстоятельной. Вместе с тем, концепция пропаганды является у Липпмана одна из важнейших по целому ряду причин.

Во-первых, «Общественное мнение», будучи опубликованным в 1922 году, очевидно, писалось по следам Первой мировой войны, а фактически – на материале воздействия пропаганды на общественное мнение. Те искажения в общественном мнении, которые фиксирует Липпман, включая огромную роль стереотипов, являются ни чем иным, как результатом работы чрезвычайно мощной пропагандистской кампании, оказавшейся способной в очень короткие сроки буквально перевернуть с ног на голову точку зрения людей. Особенно заметным данное воздействие было на родине Липпмана в США. Президент США Вудро Вильсон избрался на свой пост в ноябре 1916 г. под слоганом «Он удержал нас от войны» («He Kept Us Out of War») (Milton Cooper Jr. J., 2009, p. 341–342), однако не прошло и полгода, как в апреле 1917 г. США вступают в Первую мировую. За относительно короткий срок после этого рядовые американцы настолько прониклись ненавистью к Германии, что иногда устраивали линчевания ни в чем не повинных сограждан с немецкими корнями³. Липпман был не просто живым свидетелем данных процессов, но и сам успел в Первую мировую поработать пропагандистом, что наложило отпечаток на его взгляды относительно этого предмета. Весной 1920 г., за два года до выхода из печати «Общественного

условий поиска было использовано словосочетание «общественное мнение» среди названий работ с учетом морфологии. Результаты приведены по состоянию на 1 июля 2024 г.: [https://search.rsl.ru/ru/search#col=disser&q=title%3A\(%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5\)](https://search.rsl.ru/ru/search#col=disser&q=title%3A(%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5))

² См., напр., диссертационную работу А. Н. Писаревой (Писарева, 2023).

³ Самый известный случай такого рода – ситуация с Робертом Прагером, шахтером немецкого происхождения, которого толпа из 200 человек линчевала в деревне Коллинсвилле штата Коннектикут, поводом к чему стало его публичное возмущение из-за отказа принять его в местную организацию Объединенных шахтеров Америки (Schwartz, 2002).

мнения», в письме редактору журнала «Атлантик» Эллери Седжвику Уолтер Липпман отмечает влияние своей работы пропагандистом на исследование управления общественным мнением: «Я начал писать довольно длинную статью, посвященную общей идее о том, что свобода мысли и слова предстают в новом свете и поднимают новые проблемы из-за открытия того, что мнением можно управлять... Эта идея пришла ко мне постепенно в результате определенного опыта работы с официальной пропагандистской машиной» (курсив наш. – А.Б.; цит. по: Steel, 1981, p. 171).

Во-вторых, Липпман был одним из первооткрывателей пропаганды вместе с Э. Бернейсом, Г. Лассуэллом и А. Понсонби. Именно эта четверка в 20-е гг. XX в. заложила основы изучения пропаганды как отдельного направления в социально-политических дисциплинах. Не исключено, что Липпман был первым из них, кто начал писать на эту тему, поскольку его «Общественное мнение» вышло на целых 5 лет раньше, чем «Техника пропаганды в мировую войну» Г. Лассуэлла (1927), «Пропаганда» Э. Бернейса (1928) и «Ложь в военное время» А. Понсонби (1929) (Бернейс, 2010; Лассуэлл, 2021; Ponsonby, 1940). Беглый взгляд на упомянутые фамилии показывает, что среди них был только один академический ученый – Гарольд Лассуэлл. Остальные трое, включая Липпмана, были скорее политиками-практиками и публицистами. По мнению исследователей, это позволило Липпману «выйти за рамки бесплодных доктрин традиционной политической науки» (Steel, 1981, p. 180). Итак, очевидно, что при рассмотрении вопроса о том, как начиналось изучение пропаганды после Первой мировой войны, обойти стороной Уолтера Липпмана не представляется возможным.

Изучение взглядов Липпмана на пропаганду необходимо уже хотя бы для того, чтобы читать его «Общественное мнение» с поправкой на ее воздействие. Это помогло бы избежать наивного взгляда на общественное мнение, которое нередко является продуктом пропаганды. Особенно это актуально в наши дни, когда из-за происходящих событий объемы пропаганды и ее влияние на общественно-политическую атмосферу кратно увеличились. При анализе «Общественного мнения» Липпмана на предмет вклада в теорию пропаганды необходимо соблюсти несколько установок. Во-первых, проследить как в его работах позиционируется фигура пропагандиста и разобраться в биографическом контексте такого отношения. Во-вторых, сосредоточиться на исследовании того, как именно Липпман определяет пропаганду. И что не менее важно, как он пишет о ней – с критической проницательностью, в отличие от наивной непосредственности других исследователей того времени.

Как Липпман работал пропагандистом

В работах, посвященных Липпману, часто упоминается расхожий факт, что он успел поработать пропагандистом. Однако мало кто разобрался, в чем именно эта работа заключалась. А между тем, биографические факты проливают свет на то, как именно «определенный опыт работы с официальной пропагандистской машиной» привел к формированию устойчивой антипатии к пропагандистам, а через это и к пропаганде как таковой. Этот период его жизни хорошо описан

Рональдом Стилом в его работе «Уолтер Липпман и американский век» (Steel, 1981). Он подробно разбирает аппаратные перипетии Липпмана, закончившиеся для него не слишком-то удачно.

Уолтер Липпман начал свою политическую карьеру под началом министра обороны США Ньютона Бейкера, а затем стал помощником Эдварда Хауса, советника президента Вильсона. Липпман в этом качестве вошел в аппаратный конфликт за управление информационными потоками с Джорджем Крилом, возглавившим Комитет общественной информации (*англ.* Committee on Public Information), который координировал всю пропагандистскую работу США. Их перепалка вскоре приобрела публичный характер. Липпмана не устраивал грубый характер пропаганды ведомства Крила, основанной на демонизации врага. Уже после окончания войны он дал ей следующую оценку: «Одним из подлинных бедствий, связанных с нашим участием в войне, был характер американской пропаганды в Европе. Она велась так, как будто какой-то бес придумал это, чтобы помешать всем целям, которые, как предполагалось, преследовал мистер Уилсон. Общий тон ее был – неприкрытое хвастовство... Организация, которая “продавала войну Европе” (фраза принадлежит не мне), дала потрясенной Европе понять, что в город приехал богатый деревенщина с оттопыренными карманами и единственным желанием – угодить»⁴. Впрочем, к моменту написания «Общественного мнения» Липпман ушел от жесткой критики работы Крила и ограничился лишь весьма нейтральными упоминаниями своего оппонента (Липпман, 2004, р. 64). Его собственные взгляды на пропаганду были более романтическими: он видел ее характер просветительским, объясняющим австрийским и немецким войскам бескорыстный характер войны, благородство целей, великую надежду человечества и т. п.

С помощью полковника Хауса Липпман получил звание капитана армии Соединенных Штатов и отправился в Европу заниматься реализацией своих идей на месте. Однако, за то время, пока он переплывал Атлантический океан, договоренности о распределении полномочий изменились и теперь армейское информационное управление отвечало только за распространение пропагандистских материалов на фронте, а всем остальным занимался Комитет Крила. Прибыв в Европу, Липпман убедился в своей правоте относительно работы Крила, наслушавшись мнений сотрудников руководителя британской пропаганды лорда Нортклиффа о том, что работа Комитета Крила в Европе была «очень плохой», репутация среди англичан низкая, а текучка кадров высокая. Вместе с другими американскими офицерами они собирались создать независимое от Крила подразделение пропаганды. В своих телеграммах полковнику Хаусу Липпман настаивал, что пропаганда – это не только средство для победы, но и инструмент дипломатии, поскольку «Америка оказывает на умы и сердца людей влияние, превосходящее все, что можно себе представить» (Steel, 1981, р. 148).

Комментарии Липпмана о пропагандистском подразделении Крила вскоре достигли Белого дома. Президент Вудро Уилсон был крайне недоволен позицией Липпмана, в том числе высказанной в журнале *New Republic* в отношении по-

⁴ Lippmann, W. (1919, September 17). For Department of State. *The New Republic*, 20(254), p. 196.

давления инакомыслия его администрацией. Несмотря на то, что сам Вильсон никогда не уважал пропаганду и едва мог ее слушать (Lippmann, 1926, p. 384), он выразил сомнение относительно решения послать Липпмана расследовать вопросы пропаганды, поскольку нашел его суждения в высшей степени необоснованными и, следовательно, совершенно бесполезными. Джордж Крил также направил телеграмму Уилсону с просьбой отозвать своего аппаратного конкурента Липпмана. В итоге Вудро Вильсон написал своему секретарю Роберту Лансингу следующее сообщение: «Я высокого мнения о Липпмане, но очень ревнив в вопросах пропаганды», а министру обороны, курировавшему среди прочего работу Липпмана, Бенедикту Кроувеллу указал, что намерен сохранить управление пропагандой в своих руках (Eulau, 1954, p. 97).

После этого Липпман был определен в созданную «Межсоюзническую комиссию по пропаганде» и отправился из Британии во Францию, где в его обязанности входило написание пропагандистских листовок для заброски в тыл врага. В листовках, выпускаемых новосозданной Комиссией для поощрения дезертирства, подчеркивалась мысль о хорошем обращении с военнопленными. В сентябре и октябре 1918 г. это небольшое подразделение Липпмана выпустило более пяти миллионов экземпляров восемнадцати различных листовок. В книге его коллеги по работе в «Межсоюзнической комиссии» капитана Хебера Блэнкенхорна утверждалось, что накануне перемирия эти листовки можно было обнаружить у каждого второго из трех пленных немецких солдат (Blankenhorn, 1919, p. VI–VII).

В октябре 1918 г. немцы обратились в Вудро Вильсону с предложением о перемирии. Переговоры о мире велись прежде всего среди союзников на основе «Четырнадцать пунктов»⁵, в разработке которых принимали участие и Уолтер Липпман, и его шеф полковник Хаус, которого Вудро Вильсон направил в Европу для разъяснения союзникам условий мирных договоренностей. В ноябре 1918 г. было заключено Первое компьенское перемирие, слабо связанное с «Четырнадцатью пунктами». Президент США в итоге сам решил возглавить мирную конференцию, Хаус и Липпман были отодвинуты от участия в комиссии по мирным переговорам. Вдобавок ко всему они заболели гриппом – той самой испанкой, эпидемия которой унесла жизни около двадцати миллионов человек. Будущий автор концепции общественного мнения был сильно обескуражен произошедшим, впал в депрессию, которая продолжалась у него три месяца, а затем сел на корабль и вернулся обратно в США. Исследователь его творчества Рональд Стил отмечает, что его знаменитое «Общественное мнение» стало результатом именно этой полной аппаратных склок и разочарования поездки (Steel, 1981, p. 152), что в значительной степени объясняет скепсис в отношении пропагандистов и пропаганды, которым пропитана вся его работа. К чести Липпмана, он смог обратить свои аппаратные неурядицы в феноменальный вклад в науку,

⁵ Четырнадцать пунктов Вильсона (*англ.* The Fourteen Points) – разработанный администрацией Вильсона и представленный в январе 1918 г. президентом США Конгрессу проект мирного договора, который частично лег в основу Версальского мира. В нем среди прочего была озвучена идея создания Лиги Наций (подробнее см. Иванян, 2001).

подавая весьма поучительный пример для тех исследователей, кто черпает знания из непосредственной практики.

Фигура пропагандиста: от вытеснения к стигматизации

Пропагандисты находятся в тени основного повествования «Общественного мнения». Через 30 лет их исследование станет одним из разделов *propaganda studies*, а Леонард Дуб и Альфред Макланг Ли под микроскопом изучат виды пропагандистов и их профессионализацию, профессиональные интенции, собственную догматизацию и даже гордость (Doob, 1948; McLung Lee, 1952). Пока же в работе Липпмана пропагандист остается фоном. Чаще всего в «Общественном мнении» он упоминает о пропагандистах через запятую, после цензоров или даже шпионов (Липпман, 2004, с. 123, 173, 314, 329).

Липпман подробно разбирает связку «пропагандист – цензор» на примере России в параграфе «Природа новостей». Он признает, что благодаря цензуре и трудностям русского языка доступ к информации во время Русской революции был закрыт. И в результате редакторам удавалось из шквала российских событий штамповать для иностранной аудитории множество стереотипов, наполненных негативными эмоциями – ненавистью и страхом (Липпман, 2004, с. 328). Липпман делает вывод, что «из беспокойных регионов мира общественность практически не получает ничего, что не было бы пропагандой... о суждении по острым вопросам Европы для среднего американца просто не может быть и речи»⁶. Средний американец знал о войне только то, что ему рассказывали, «у него не было живого личного опыта если только он не придумал его в лице немецкого бармена или учителя музыки», а цензор сделал невозможным рассказать «непредвзятую и неприукрашенную правду» (цит. по: Eulau, 1954, p. 104). Для него пропагандист – лишь один из видов специалистов, задействованных во время войны, некий персонал, выполняющий работу в соответствии с поставленными перед ним целями. Липпман не занимается анализом работы пропагандистов, для него пропагандист – не предмет анализа. И поэтому пропагандист превращается в некую темную, зловещую фигуру, на которой Липпман вымещает все свое негодование. В своих статьях за пару лет до выхода «Общественного мнения» он пишет о «жертвах пропаганды», ставит пропагандистов в один ряд с шарлатанами, мошенниками и террористами⁷ и даже представляет в воображаемой стране Утопии суд над пропагандистом, на котором либо будет доказана правдивость утверждений того, либо тот будет подвергнут унижениям⁸. Все это в какой-то момент приведет Липпмана чуть ли не к крестовому походу против пропаганды в религиозных терминах греха (Lippmann, 2020, p. 16), который затем продолжат и другие

⁶ Lippmann, W. (1919, November). The Basic Problem of Democracy. *Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095/>

⁷ Ibid.

⁸ Lippmann, W. (1919, December). Liberty and the News. *Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/12/liberty-and-the-news/646361/>

критики, например Артур Понсонби, который напишет, что внедрение яда пропаганды хуже, чем реальная гибель, а осквернение души хуже разрушения человеческого тела (Ponsonby, 1940, p. 18). Зная биографическую подоплеку такого отношения к пропагандистам, не нужно быть большим специалистом в области психоанализа, чтобы обнаружить в нем механизмы вытеснения и дискредитации/стигматизации. Но дело не ограничилось одними личными антипатиями Липпмана и механизмами психологической компенсации. Тень стигматизируемой им фигуры пропагандиста падает и на пропаганду как таковую, которая в «Общественном мнении» по большому счету остается нераскрытой, превращаясь в «слепое пятно» этой фундаментальной работы.

Звенья одной цепи: от цензуры до фикций

На другом уровне связка «пропагандист – цензор», о которой шла речь выше, субстантивируется у Липпмана в нечто более существенное – связку «пропаганда – цензура». Единственное предметное описание пропаганды в «Общественном мнении» дается им в главе «Цензура и секретность». Он категорично заявляет, что «без цензуры – в той или иной форме – пропаганда, в строгом смысле этого слова, невозможна» (Липпман, 2004, с. 61). Согласно Липпману, для ведения пропаганды необходим барьер между обществом и событием, а доступ к реальному событию должен быть ограничен.

Барьер необходим и для формирования стереотипа – второго ключевого понятия после общественного мнения. Разбирая тезис Аристотеля о том, что существуют люди, являющиеся рабами по своей природе, Липпман обвиняет его в том, что тот «воздвигает барьер между собой и фактами» (Липпман, 2004, с. 110). Один и тот же барьер действует у него и на общественном уровне между фактами и их потребителем – обществом, и на индивидуальном уровне между фактами и рассудком. В первом случае таким барьером выступает цензура, синонимом которой является секретность. Во втором – деформация внимания, усталость, бессознательные чувства и даже насилие. Действие цензуры и других барьеров ограничивают доступ к среде, в результате чего реальные представления подменяются фикциями, что происходит в интересах неких лиц (Липпман, 2004, с. 91–92), а утрата контроля над релевантными фактами своей среды делает индивидов жертвами пропаганды⁹. Под фикцией Липпман подразумевает «представление о среде, в большей или меньшей мере созданное самим человеком» (Липпман, 2004, с. 38), которая утрачивает связь с реальностью, превращаясь в псевдосреду из сообщений, слухов и догадок¹⁰. При создании фикций большая роль отводится стереотипам, которые содержатся в нашем сознании и помощью которых восполняется отсутствующая информация (Липпман, 2004, с. 104). В политике фикции носят идеологический характер и рисуют картину реального зла – например, немецкой угрозы. Стратегия по созданию фантомов

⁹ Lippmann, W. (1919, November). The Basic Problem of Democracy. *Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095/>

¹⁰ Ibid.

в итоге состояла в использовании всех низких качеств человеческой природы, результатом которой становились «люди-звери» (Липпман, 2004, с. 173).

Между тем, при описании барьеров, равно как при описаний фикций и стереотипов, Липпман обходится без упоминания пропаганды, несмотря на то, что все они выстраиваются в цепочку, результатом которой выступает воздействие пропаганды на индивида, примеров которой в «Общественном мнении» приводится немало (см, напр.: Липпман, 2004, с. 60, 111–114). Понятие пропаганды начинает фигурировать у него только при обсуждении цензуры. Пропаганда как движущая сила, запускающая процессы формирования общественного мнения, скрывается у Липпмана в серой зоне, которую, по его собственному выражению, «если перенести в зону видимости, может служить пробным камнем витальности движения, вызванного стереотипом» (Липпман, 2004, с. 124). Зная о его крайне негативном отношении к американской пропаганде, не сложно догадаться, во что превратилось бы «Общественное мнение», вытащи Липпман ее на свет своих критических прожекторов – она стала бы в один ряд с такой работой, как, к примеру, «Ложь в военное время» Артура Понсонби. Но это была бы уже совсем другая книга.

Зерна и плевела: немного рекламного мастерства и манипуляция мнением в промышленных масштабах

Тогда что же можно извлечь для изучения пропаганды из «Общественного мнения» Липпмана? Какое ее описание, понятие он дает? С большой оговоркой, а именно: «нас приучили называть это пропагандой» – в этой работе он характеризует ее как деятельность группы людей, которая может перекрыть другим прямой доступ к происходящему и подает новости в таком ключе, чтобы они служили целям этой группы (Липпман, 2004, с. 60).

Важные нюансы понимания пропаганды Липпманом можно найти в предшествующих «Общественному мнению» работах, которые он опубликовал по горячим следам после завершения войны. В небольшой брошюре «Политическая сцена; эссе о победе 1918 года» (*The Political Scene; an Essay on the Victory of 1918*) у него озвучивается довольно категоричное мнение об использовании пропаганды для манипулирования мнением. В «Общественном мнении» Липпман тоже заводит речь о манипулировании, но без указания мнения в качестве объекта и в предостерегающей манере, признавая, что предупредить манипулирование новой техникой политического мышления будет непросто (Липпман, 2004, с. 237). А в «Политической сцене» безапелляционно заявляет, что «во время этой войны целенаправленное производство общественного мнения как на экспорт, так и для внутреннего потребления достигло промышленных масштабов». Говоря о масштабах пропаганды и привлекаемых для ее реализации ресурсов он пишет: «...искусство одурманивания привлекает способных людей и привлекает большие ассигнования. Практически во всех странах существуют министерства замешательства, обычно возглавляемые личными представителями ведущих государственных деятелей» (Lippmann, 1919, p. 37–38).

Липпман призывает организовать исследования техники пропаганды и охватить довольно большой спектр тем: от узаконенной цензуры до продаж-

ности прессы, от преднамеренной фабрикации (фактов) до покупки писателей, от прямых субсидий до награждения лентами, от развлечений и стимулированного снобизма до правильных способов проведения экскурсий. И снова здесь, в этих призывах к исследованию, виден скепсис Липпмана по отношению к пропаганде, ибо такие формулировки как «продажная пресса» и «преднамеренная фабрикация» очевидно носят оценочный характер. Поэтому создается впечатление, что Липпман больше призывает не к исследованию, а к расследованию, которое должно завершиться вынесением строгого вердикта. Впрочем, его предложения были услышаны. Через 8 лет после публикации «Политической сцены» Гарольд Лассуэлл подробно изучил техники пропаганды, а еще спустя 2 года Артур Понсонби устроил настоящий суд пропаганде, причем в формулировках, практически совпадающих с данными Липпманом – фабрикации, истории зверств, цензура – все это и еще больше можно найти в его «Лжи в военное время» (Ponsonby, 1940). Для нас же важно, что Липпман признает промышленные масштабы пропаганды для манипуляции общественным мнением – их совершенно невозможно обойти стороной, но именно это и происходит в его «Общественном мнении». Другая тонкость в приведенных формулировках касается предмета манипуляции – Липпман говорит пока лишь о манипуляции мнением (to manipulate opinion), до формулировки «манипуляция общественным мнением» остается всего один шаг и его вскоре сделает другой исследователь пропаганды – Эдвард Бернейс (Бернейс, 2012).

Большинство из приведенных в «Политической сцене» способов пропаганды с позиций сегодняшнего дня принято относить скорее к связям с общественностью. Пожалуй, лишь узаконенная цензура и преднамеренная фабрикация фактов четко ассоциируются с пропагандой. Однако Липпман настаивает на своем и в другой своей статье «Основная проблема демократии» 1919 г. (The Basic Problem of Democracy), которая стала первой главой вышедшей в 1920 г. книги «Свобода и новости» (Liberty and the News), дает нам примеры того, какие методы следует считать пропагандистскими. Он предлагает представить, что если некое государство захочет аннексировать определенную территорию, оно может предпринять целый ряд типичных действий. А именно, если оно пожелает издать за счет своих собственных средств и от собственного имени журнал, защищающий (advocating) аннексию – такая деятельность не встретит возражений. Однако если оно займется публикацией лживых историй о зверствах, совершенных в аннексируемой территории, тем более в случае публикации этих историй с подачи других государств, если она будет приглашать отобранных ею корреспондентов или лидеров партий, а затем селить их в фешенебельных отелях, катать их на лимузинах и заискивать перед ними на банкетах, чтобы они увидели только то, что произведет желаемое впечатление, – все это будет пропагандой в ее более или менее предосудительном смысле (Lippmann, 2020, p. 16).

По мнению Липпмана, пропаганда «включает в себя множество грехов и несколько добродетелей», которые он предлагает переименовать в рекламу или рекламное мастерство. Тем самым Липпман дает старт критической оценке пропаганды, равно как и одновременному выделению и переименованию тех ее практик, которые могут считаться допустимыми в демократическом обществе. Здесь он одним из первых задает тренд на целое десятилетие вперед, который

в 30-е годы XX века приведет к тому, что понятие «пропаганда» окажется окончательно табуированным. Путь этот будет непростой, поскольку найдутся и защитники пропаганды – тот же Эдвард Бернейс, но даже он будет вынужден в итоге отказаться от восхвалений пропаганды и переименовать ее в связи с общественностью, а манипуляцию общественным мнением – в общественное согласие (Белоусов, 2012). Зерна в итоге будут отделены от плевел, но не так, как этого хотел Липпман, ибо большинство упомянутых им пропагандистских способов войдут в набор вполне респектабельных средств связей с общественностью.

Пропаганда и присвоение общественности

Проследить дальнейшее развитие представлений Липпмана о пропаганде можно в книге «Призрак общественности» (Phantom Public, 1927), вышедшей через 5 лет после «Общественного мнения». После завершения войны пройдет уже почти 10 лет, и общественный контекст существенно изменится. И вот уже Липпмана больше беспокоят ошибочные представления об общественности, и среди прочего – необходимость отделить группы, заинтересованные в своих собственных интересах, от общества и его интересов. При этом, как отмечает Липпман, ни одна такая группа никогда не будет по своей воле отделять себя от общества, а напротив, при каждом удобном случае не упустит возможности назвать себя общественностью. По сути, речь идет о присвоении общественности отдельными группами и подчинении общественных интересов частным. Как же происходит это навязывание частных интересов? По мнению Липпмана, при использовании пропаганды, «с помощью которой частные лица стремятся ассоциировать себя с незаинтересованной общественностью» (Lippmann, 2020, p. 103–104). В результате споров наций, классов и даже церквей разобраться обычному наблюдателю в чем-либо уже не представляется возможным – все теряется в «тумане пропаганды» (fog of propaganda)¹¹ (Lippmann, 2020, p. 121). Липпман дает свой способ выявления пропаганды, предлагая делать это с помощью дебатов, которые, возможно, и не прольют никакого света на проблему и ее решения, но за счет разоблачения разными сторонами друг друга выдадут их широкой публике, чем и достигнут своей главной цели.

В таком понимании пропаганды важны два аспекта. Во-первых, Липпман развивает в «Призраке общественности» тезис, обозначенный в «Общественном мнении», который гласил, что пропаганда организуется группой людей и в их целях (Липпман, 2004, с. 60), а не государством, как это принято считать по умолчанию. Несмотря на то, что в другом фрагменте «Общественного мнения» Липпман называет пропаганду правительственной целью (Липпман 2004, с. 65), он не считает ее отвечающей интересам всего общества: обращаясь выше к его биографии, видно, что он подвергал изрядной критике пропаганду, ведущуюся в Первой мировой войне в США, а также лиц, ответственных за эту работу, и выдвигал собственное видение того, как она должна была строиться. Иначе говоря, пропаганда и есть навязывание частного мнения большинству, даже если при

¹¹ Здесь Липпман, как видится, сознательно вводит аналогию с «туманом войны» фон Клаузевица, апеллируя к военному происхождению пропаганды.

этом государство разделяет это частное мнение. Это открывает возможность для критики пропаганды, не попадая в ситуацию, когда эта критика может быть расценена в качестве антигосударственной деятельности, так как критикуется при этом деятельность не государства, а группы лиц, присваивающих себе право говорить от имени государства. Во-вторых, в интерпретации Липпмана пропаганда переносится на мирное время и становится инструментом реализации в информационном пространстве частных или даже коммерческих интересов, а не политических или государственных. Здесь позиция Липпмана максимально сближается с позицией Бернейса, который утверждал, что «любые социально-значимые шаги – в области политики, финансов, промышленности, сельского хозяйства, благотворительности, образования или любой другой – сегодня должны совершаться с помощью пропаганды», и называл это «новой пропагандой» (Бернейс, 2010, с. 140). Бернейс постоянно ссылается на введенное Липпманом в оборот понятие стереотипа, что позволяет таким исследователям пропаганды как Бретт Грэй утверждать, что в своей «Пропаганде» Бернейс популяризирует критику пропаганды Липпмана (Gary, 1999, p. 63). Пропаганда и у того, и другого в конце 20-х годов прошлого века понимается максимально расширительно, что соответствует духу времени, увидевшем в ее методах такую силу влияния, которая «может удивить даже хорошо осведомленного человека» (Бернейс, 2010, с. 17). Хотел ли того Липпман или нет, но его позиция в отношении пропаганды, пусть даже и резко критическая, помогала разрастаться мифу пропаганды.

Выводы

У Уолтера Липпмана было множество поводов недолюбливать пропагандистов и их деятельность, что несложно проследить из его биографии. Его идеалистические представления о том, что пропаганда может нести добро, были сокрушены столкновением с реальностью, где пропаганда велась прямо противоположным образом. Испытанный им шок двояким образом отразился на его работах: от прямых предложений устроить суд над пропагандистами, до их стигматизации и вытеснения пропаганды в «слепую зону». Поэтому пропаганда выступает некоей тенью, отбрасываемой общественным мнением и в которой невозможно различать отдельные детали. Но без учета пропаганды, без учета того, что общественное мнение формируется всеми возможными видами манипуляции в условиях существования барьеров, не дающих доступа к реальным событиям, невозможно сформировать реалистичное представление об общественном мнении. Обсуждение «Общественного мнения» Липпмана в частности и как такового общественного мнения в общем должно вестись с учетом влияния на него пропаганды или других способов манипуляции. В результате личный скептицизм Липпмана дает возможность реалистично смотреть на эти вопросы. Все это делает его вклад чрезвычайно важным, но по достоинству еще не оцененным исследователями общественного мнения. Если же углубиться в изучение пропаганды, выяснится также, что и Лассуэлл, и Бернейс, и даже Понсонби, – каждый по-своему раскрывали те исследовательские установки, которые обозначил в отношении пропаганды первооткрыватель общественного мнения Уолтер Липпман.

Список литературы

1. Бакулев, Г.П. (2013). Теории пропаганды: классики. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 2(3), 18–19.
2. Белоусов, А.Б. (2012). Эдвард Бернейс: от манипуляции общественным мнением к инженерии согласия. *Полис. Политические исследования*, (4), 143–148.
3. Бернейс, Э. (2010). *Пропаганда*. Москва: Hippo Publishing.
4. Бернейс, Э. (2012). Манипуляция общественным мнением: как и почему. *Полис. Политические исследования*, (4), 149–159.
5. Григорьев, Н.Б., Блошко, В.В. (2024). Основы социологии общественного мнения: учебник. Нижний Новгород: Проф. наука. <https://doi.org/10.54092/9785907607576>
6. Иванян, Э.А. (2001). «Четырнадцать пунктов» Вильсона. В Э.А. Иванян (Авт., сост.), *Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века* (с. 117–119). Москва: Международные отношения.
7. Лассуэлл, Г. (2021). *Техника пропаганды в Мировой войне*. Москва: ИНИОН РАН.
8. Липпман, У. (2004). *Общественное мнение*. Москва: Ин-т Фонда «Общественное мнение».
9. Печатнов, В.О. (1994). *Уолтер Липпман и пути Америки*. Москва: Междунар. отношения.
10. Писарева, А.Н. (2023). *Институционализация социальных сетей в современной России как фактор формирования общественного мнения по политическим проблемам: на примере социальной сети «ВКонтакте»* [Дис. ... канд. полит. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)]. https://dissert.spbu.ru/files/2023/disser_pisareva.pdf
11. Селькова, Е.П. (Сост.) (2011). *Социология общественного мнения: учебное пособие*. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та.
12. Хубецова, З.Ф. (2017). *Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. Исследование и преподавание политической коммуникации*. Москва; Санкт-Петербург: Смелый дизайн.
13. Франц, В.А. (2016). *Управление общественным мнением: учебное пособие*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
14. Blankenhorn, H. (1919). *Adventures in propaganda; letters from an intelligence officer in France*. Boston; New York: Houghton.
15. Doob, L. (1948). *Public Opinion and Propaganda*. New York: Henry Holt & Company.
16. Eulau, H. (1954). Wilsonian Idealist: Walter Lippmann Goes to War. *The Antioch Review*, 14(1), 87–108. <https://doi.org/10.2307/4609697>
17. Gary, B. (1999). *The Nervous Liberals: Propaganda Anxieties from World War I to the Cold War*. New York: Columbia Univ. Press.
18. Lippmann, W. (1919). *The political scene; an essay on the victory of 1918*. New York, H. Holt and Company.
19. Lippmann, W. (1926). The Intimate Papers of Colonel House by Charles Seymour (Review). *Foreign Affairs*, 4(3), 383–393. <https://doi.org/10.2307/20028461>

20. Lippmann, W. (2020). *Liberty and the News*. Bethlehem, PA: A mediastudies. press.
21. McLung Lee, A. (1952). *How To Understand Propaganda*. New York: Rinehart & Company.
22. Milton Cooper, Jr. J. (2009). *Woodrow Wilson: a biography*. Knopf Doubleday Publishing Group.
23. Ponsonby, A. 1940. *Falsehood in War-Time*. 10th ed. London: George Allen & Unwin LTD.
24. Schwartz, E. (2002). The Lynching of Robert Prager, the United Mine Workers, and the Problems of Patriotism 1918. *Journal of the Illinois State Historical Society*, 95(4), 414–437.
25. Steel, R. (1981). *Walter Lippmann and the American Century*. Bodley Head.

References

1. Bakulev, G. (2013). Teorii propagandy: klassiki [Propaganda Theories: Classics]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2(3), 18–19.
2. Belousov, A.B. (2012). Edvard Bernays: ot manipulyatsii obshchestvennym mneniem k inzhenerii soglasiya [Edward Bernays: From Manipulating Public Opinion to engineering consent]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 143–148.
3. Bernays, E. (2010). *Propaganda* [Propaganda]. Moscow: Hippo Publishing.
4. Bernays, E. (2012). Manipulyatsiya obshchestvennym mneniem: kak i pochemu [Manipulation of Public Opinion: the Why and the How]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 149–159.
5. Grigoryev, N.B., & Bloshko, V.V. (2024). *Osnovy sotsiologii obshchestvennogo mneniya: uchebnik* [Fundamentals of the Sociology of Public Opinion: Textbook]. Nizhniy Novgorod: Prof. nauka. <https://doi.org/10.54092/9785907607576>
6. Ivanyan, E.A. (2001). “Chetyrnadtsat' punktov” Vil'sona [Wilson's “Fourteen Points”]. In E.A. Ivanyan (Aut., comp.), *Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. XVIII–XX veka* (pp. 117–119). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. Lasswell, H.D. (2021). *Tekhnika propagandy v Mirovoy voyne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow: INION RAN.
8. Lippman, W. (2004). *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow: In-t Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
9. Pechatnov, V.O. (1994). *Uolter Lippman i puti Ameriki* [Walter Lippman and the Ways of America]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
10. Pisareva, A.N. (2023). *Institutsionalizatsiya sotsial'nykh setey v sovremennoy Rossii kak faktor formirovaniya obshchestvennogo mneniya po politicheskim problemam: na primere sotsial'noy seti “VKontakte”* [Institutionalization of Social Networks in Modern Russia as a Factor in the Formation of Public Opinion on Political Issues: on the Example of the VKontakte Social Network] [Dissertation, St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”]. https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_pisareva.pdf
11. Selkova, E.P. (Comp.) (2011). *Sotsiologiya obshchestvennogo mneniya: uchebnoe posobie* [Sociology of Public Opinion: Textbook]. Blagoveshchensk: Izd-vo

Amur. gos. un-ta.

12. Khubetsova, Z. F. (2017). *Politicheskaya kommunikatsiya. Teoriya, obrazovanie, opyt: ucheb. posobie. V 2 ch. Ch. 1. Issledovanie i prepodavanie politicheskoy kommunikatsii* [Political Communication. Theory, Education, Experience: Studies Stipend. Pt. 1. Research and Teaching of Political Communication]. Moscow; St. – Petersburg: Smelyy dizayn.

13. Frants, V. A. (2016). *Upravlenie obshchestvennym mneniem: uchebnoe posobie* [Public Opinion Management: Textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

14. Blankenhorn, H. (1919). *Adventures in propaganda; letters from an intelligence officer in France*. Boston; New York: Houghton.

15. Doob, L. (1948). *Public Opinion and Propaganda*. New York: Henry Holt & Company.

16. Eulau, H. (1954). Wilsonian Idealist: Walter Lippmann Goes to War. *The Antioch Review*, 14(1), 87–108. <https://doi.org/10.2307/4609697>

17. Gary, B. (1999). *The Nervous Liberals: Propaganda Anxieties from World War I to the Cold War*. New York: Columbia Univ. Press.

18. Lippmann, W. (1919). *The political scene; an essay on the victory of 1918*. New York, H. Holt and Company.

19. Lippmann, W. (1926). The Intimate Papers of Colonel House by Charles Seymour (Review). *Foreign Affairs*, 4(3), 383–393. <https://doi.org/10.2307/20028461>

20. Lippmann, W. (2020). *Liberty and the News*. Bethlehem, PA: A mediastudies. press.

21. McLung Lee, A. (1952). *How To Understand Propaganda*. New York: Rinehart & Company.

22. Milton Cooper, Jr. J. (2009). *Woodrow Wilson: a biography*. Knopf Doubleday Publishing Group.

23. Ponsonby, A. 1940. *Falsehood in War-Time*. 10th ed. London: George Allen & Unwin LTD.

24. Schwartz, E. (2002). The Lynching of Robert Prager, the United Mine Workers, and the Problems of Patriotism 1918. *Journal of the Illinois State Historical Society*, 95(4), 414–437.

25. Steel, R. (1981). *Walter Lippmann and the American Century*. Bodley Head.

Информация об авторе

Александр Борисович Белоусов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>, e-mail: ektb@ya.ru

Information about the author

Alexander Borisovich Belousov, Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>, e-mail: ektb@ya.ru

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ ПАРТИЦИПАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РЕГИОНОВ

Игорь Владимирович Аксёнов,

Законодательное Собрание Свердловской области,
Екатеринбург, Россия,
aksenov@zssso.ru

Получена 15.04.2024.

Поступила после рецензирования 25.06.2024.

Принята к публикации 05.08.2024.

Для цитирования: Аксёнов И.В. Референдум как институт партиципации: перспектива использования для изменения политического статуса регионов // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 76–91. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_76

Аннотация

Статья посвящена анализу перспективы использования института референдума для изменения политического статуса региона. Целью исследования является обобщение международного опыта организации такого рода референдумов и концептуализация основных особенностей их проведения на региональном уровне в отличие от общенациональных голосований. Рассматриваются особенности спорных институализированных регионов на постсоветском пространстве и использование референдума с целью разрешения политических конфликтов вокруг их политического статуса. Выдвигается тезис о том, что референдум является общепризнанным институтом политической партиципации, применяемым для решения общественно значимых политических вопросов на национальном уровне. В то же время, на региональном уровне его проведение сопряжено с некоторым количеством сложностей.

© Аксёнов И.В., 2024

Анализ регионального опыта происходит путем рассмотрения исторических примеров и анализа политических последствий. В работе отмечается, что исторически первым прецедентом использования референдума для определения политического статуса региона является голосование о независимости Норвегии. Анализируются и другие примеры: референдумы в Исландии, Монголии, Восточном Тиморе. Автор обобщает все наиболее значимые голосования такого рода, происходившие с 2006 по 2021 гг. Делается вывод о наличии большого количества примеров, когда голосования организовывались в отсутствие нормативной возможности их проведения на национальном уровне (в условиях вооруженных конфликтов и военного присутствия иностранных юрисдикций), что никак не влияет на признание результатов референдума и предопределяет организационные особенности их проведения. Международную реакцию на решения обуславливают сугубо политические факторы, а также возможность отстоять результат путем контроля над регионом.

Ключевые слова:

референдум, политическая партиципация, регион, регионализм, постсоветское пространство, политический конфликт, новые территории

UDC 342.573

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_76

THE REFERENDUM AS AN INSTITUTION OF PARTICIPATION: PROSPECTS FOR ITS USE IN CHANGING THE POLITICAL STATUS OF REGIONS

Igor V. Aksenov,

Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia,
aksenov@zssso.ru

Received 15.04.2024.

Revised 25.06.2024.

Accepted 05.08.2024.

For citation: Aksenov, I.V. (2024). The Referendum as an Institution of Participation: Prospects for Its Use in Changing the Political Status of Regions. *Discourse-P*, 21(3), 76–91. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_76

Abstract

The article analyzes the prospects of employing referendums to change the political status of regions. The primary objective of this study is to generalize international experience regarding such referendums and to conceptualize their key characteristics at the regional level, distinguishing them from national votes. The article examines the unique features of disputed institutionalized regions in the post-Soviet context and the utilization of referendums to address political conflicts concerning their status. It is argued that the referendum is a generally recognized instrument for political participation, employed to resolve significant political issues at the national level. However, its implementation at the regional level is fraught with a number of challenges. The analysis of regional experiences is conducted through historical examples and an examination of policy implications. Notably, the article identifies the first historical precedent for a referendum to determine a region's political status as Norway's independence vote. Additional case studies include Iceland, Mongolia, East Timor. The author summarizes the most significant referendums conducted from 2006 to 2021, concluding that numerous instances have occurred where voting was organized without regulatory frameworks for such actions at the national level. Cases are also presented in which referendums were facilitated in conditions of armed conflicts and foreign military presence. These factors did not appear to undermine the legitimacy of referendum results, or organizational aspects of referendum's execution. Instead, the international response to these decisions is shaped by mere political reasons – the ability to substantiate the outcome through imposing control over the region.

Keywords:

referendum, political participation, region, regionalism, post-Soviet space, political conflict, new territories

Введение

Трансформация политики в современном мире приводит к появлению новых и переосмыслению традиционных политических институтов. Основным направлением изменений является рост политической инклюзии за счет расширения политической партиципации. Наиболее традиционным институтом являются выборы. Но наибольшую актуальность приобретают те институты, которые позволяют решать политические противоречия и формулировать решения, влияющие на будущее народов. Для принятия подобных решений необходимы иные подходы, позволяющие найти политический консенсус.

Одним из таких институтов является референдум. Его проведение предполагает перенос акцента принимаемых решений с представительной власти на непосредственное участие населения. Результаты такого волеизъявления могут носить как императивный, так и факультативный характер. В обоих случаях факт проведения голосования может стать основой для принятия институциональных решений.

Особое значение референдум имеет на региональном уровне, выступая в качестве основы для трансформации политического статуса региона. Он становится универсальным методом определения мнения граждан относительно общественно значимых вопросов и урегулирования вертикальных конфликтов в государстве. Проведение голосования способно разрешать споры, снижать уровень эскалации, способствовать прекращению политических и вооруженных конфликтов. Характер решений может быть полярно отличным: от вектора на более глубокую интеграцию до «цивилизованного развода» с последующим получением независимости.

Несмотря на то, что в настоящее время фокус исследовательского внимания смещен на бывшие регионы юго-востока Украины, ставшие полноправными субъектами РФ, прецедентов фундаментального изменения политического статуса регионов несколько больше. Только на территории постсоветского пространства существует множество примеров конфликтных ситуаций, разрешение которых может быть реализовано путем проведения и реализации результатов референдума. Как правило, в данном контексте упоминаются Гагаузия, Приднестровье, Крым, Севастополь, Херсонская область, Запорожская область, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, отчасти – Республика Каракалпакстан. Данный перечень политических кейсов не является уникальным и отсылает к фундаментальному вопросу, можно ли использовать те или иные формы политической партиципации для изменения политического статуса региона.

Для ответа на данный вопрос необходимо очертить рамки того, насколько международный опыт применим для анализа политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве. А также возможности его экстраполяции для идентификации инструментов решения политических конфликтов и определения политического будущего для институализированных регионов, имеющих спорный статус. Существует устоявшееся мнение о возможности применения международного опыта и универсальных принципов для организации референдума на национальном уровне, когда голосование проходит на всей территории страны. Насколько данный опыт применим для решения региональных вопросов – остается предметом для дискуссии.

Изменение политического статуса региона путем референдума

Региональные референдумы (или иные схожие формы политической партиципации) подобного рода будут иметь ряд фундаментальных отличий. Во-первых, они проходят на региональном уровне в условиях, когда со стороны национального уровня осуществляется политическое или административное давление. Как правило, центр имеет собственную диспозицию относительно результатов голосования. В том числе, может осуществляться административное или политическое противодействие. Подведение итогов волеизъявления, как правило, тоже происходит не на региональном, а на национальном уровне.

Во-вторых, применение инструментов такого рода для голосования в части государства может не иметь исчерпывающей правовой базы. Такая ситуация

является естественной, так как в большинстве случаев при наличии политических отличий между регионами государство, в которое они входят, может быть не заинтересовано в расширении доступных инструментов политической партиципации на любых уровнях, кроме национального. В такой ситуации регионы могут апеллировать к международным нормам, стандартам и практикам политической партиципации, а также создавать необходимые нормы, опираясь на доступные механизмы формирования правовой базы для реализации волеизъявления граждан.

В-третьих, вопрос признания результатов такого волеизъявления носит скорее политический характер и не основывается на анализе легальности и легитимности проведенного голосования. Для имплементации результатов волеизъявления регион в свою очередь вынужден либо апеллировать к международным нормам и практикам, активно привлекая внимание мирового сообщества с использованием средств массовой информации, либо продавливать данное решение путем укрепления собственной государственности и заключения межгосударственных соглашений как свидетельства признания нового политического статуса. Заключение подобных соглашений в рамках парадипломатии до самого проведения референдума увеличивает вероятность признания его результатов (Баков, Керимов, 2018).

Сам факт появления необходимости определения и модернизации политического статуса регионов обусловлен процессом развития региональной идентичности как таковой и ее институционализации (Стризое, 2021). Соответственно, попутно появлению данной политической проблематики, запроса со стороны общества, закономерно появляются и формы репрезентации интересов, основной из которых является институт референдума.

Научный анализ проведения региональных референдумов касательно политического статуса региона возможно осуществить с помощью переосмысления устоявшихся классификаций референдума. В частности, один из подходов предполагает, что формы политического участия могут быть двух видов: институциональные и внеинституциональные (Болховитина, 2011). Традиционно в понимание институциональных форм включаются такие формы политического участия, которые всецело основываются на действующем законодательстве. Внеинституциональные образования при этом представляют собой такие формы политического участия, которые не соответствуют действующему законодательству. Иногда последние могут маркироваться как маргинальные и нелегальные. С другой стороны, их допустимо рассматривать как способ компенсировать отсутствие легальных инструментов политической партиципации в условиях, когда данные инструменты могут не создаваться государствами вполне намеренно.

Эти механизмы необходимы, чтобы быть основой для институционализации региона как политического сообщества, что отвечает актуальному тренду на рост регионализма по всему миру (Бутенко, Мохаммади, 2020). В отдельных случаях этот тренд обличается конкретными политическими действиями, в том числе – с использованием референдума как института политической партиципации.

Обращаясь к анализу вопроса более подробно, стоит отметить наличие достаточно исчерпывающего количества подобных референдумов в странах дальнего зарубежья, основная часть которых приходится на XX век. Как отме-

чается в исследованиях, есть группа стран, проведение референдума в которых стало основой для их современной государственности (Пономаренко, 2019).

Так, первым значимым прецедентом было получение независимости Норвегии после проведения референдума в 1905 г. На момент организации инициативы о проведении референдума страна была частью королевства Швеция, но в силу исторических причин имела политически институализированный статус как за счет предшествующего опыта самостоятельной государственности, так и за счет культурных и языковых отличий. Какой-либо правовой базы на национальном уровне для проведения данного референдума не существовало.

Следующим историческим прецедентом стала независимость Исландии в 1944 г. Референдум проходил на фоне Второй мировой войны в условиях, когда материковая часть Дании была оккупирована немецкими войсками, а часть ее территории – остров Исландия – был под оккупацией американских войск. Соответственно, голосование проходило без одобрения национальными властями на территориях, физический контроль за которыми осуществлялся иностранной юрисдикцией. Признание результатов этого референдума носит скорее политический характер и связано с позицией стран-победительниц.

В 1945 г. актуализировался вопрос о независимости Монголии. Юридически это была территория Китая, фактически неподконтрольная ему с 1911 г. Референдум фиксировал реально сложившуюся ситуацию, проводился в условиях военного конфликта в самом Китае, не имел опоры на национальное законодательство. Результаты референдума были признаны основными странами того времени и на сегодняшний день не оспариваются.

Также интересным международным прецедентом стал референдум о статусе Восточного Тимора. Бывшая португальская колония стала объектом крупного международного конфликта, основными акторами которого являлись индонезийская и австралийская военные группировки, а также различного рода локальные силы. Длительная оккупация региона со стороны Индонезии только увеличила желание местных жителей изменить политический статус региона в сторону суверенизации. Голосование по этому вопросу было инициировано резолюцией Совета Безопасности ООН от 11 июня 1999 г. Референдум был проведен 30 августа 1999 г., в его результате курс на независимость региона был поддержан 78,5% проголосовавших. На реализацию результатов понадобилось три года, спустя которые в 2002 г. появилось новое государство – Демократическая Республика Восточный Тимор (Пономаренко, 2019).

Данные прецеденты и их международное признание позволяет говорить о том, что референдум в отдельно взятом регионе по вопросу его политического самоопределения является устоявшимся институтом политической партиципации. При том, что данные голосования могли проводиться в ситуации, когда национальное законодательство не предполагает права на региональный референдум, а в ходе его проведения существуют значимые политические разногласия между регионом и государством.

Предметом референдума о политическом статусе региона не обязательно должна выступать независимость. В этом качестве могут выступать любые аспекты модернизации политического статуса: изменение характера правоот-

ношений с учетом национальных особенностей, вопрос о политической, административной, культурной или иной автономии.

На протяжении XXI в. было проведено как минимум 22 региональных референдума, касающихся изменения политического статуса конкретного региона. Данные голосования в процентном отношении приводятся автором настоящей статьи в Таблице 1, составленной на основе изучения материалов ряда теоретических (Киселев, Киселёва, 2019; Пономаренко, 2019) и эмпирических источников¹.

Таблица 1 – Референдумы об изменении политического статуса региона в период с 2006 по 2021 годы (данные сгруппированы по уровню поддержки населением нового политического статуса)

Table 1 – Referendums on the regional political status changing in the period from 2006 to 2021 (data grouped by level of population support for the new political status)

Часть света	Год референдума	Регион	Уровень поддержки, %
Азия	2006	Южная Осетия	99,8
Америка	2013	Фолклендские острова	99,8
Европа	2014	Гагаузия	98,9
Африка	2011	Южный Судан	98,8
Европа	2006	Приднестровье	98,1
Америка	2017	Пуэрто-Рико	97,2
Африка	2001	Сомалиленд	97,1
Европа	2014	АР Крым	96,8
Европа	2009	Ареньс-де-Мунт (Каталония)	96,2
Европа	2014	Луганская НР	96,2
Европа	2014	Севастополь	95,6
Азия	2017	Иракский Курдистан	92,7
Европа	2014	Каталония	91,8
Европа	2017	Каталония	90,2
Европа	2014	Венето	89,1
Европа	2014	Донецкая НР	89,1
Океания	2007	Токелау	64,5
Океания	2006	Токелау	60,1

¹ Как проходили референдумы о самоопределении в некоторых странах (2022, 23 сентября). Взято 15 мая 2024, с <https://tass.ru/info/15843213>

Часть света	Год референдума	Регион	Уровень поддержки, %
Европа	2006	Черногория	55,5
Америка	2012	Пуэрто-Рико	46,0
Европа	2014	Шотландия	44,7
Океания	2018	Новая Каледония	43,6

Данные референдумы могли быть нацелены как на отделение (например, Сомалиленд (2001) или Южный Судан (2011)), но также и на более плотную интеграцию (Пуэрто-Рико (2012 и 2017) или Фолклендские острова (2013)). Большая часть подобных референдумов проходила при высоком перевесе голосов за вариант, предполагавший изменение политического статуса региона, но есть ряд исключений. В случае пуэрториканского референдума предмет голосования предполагал сохранение свободной ассоциации и вхождение в состав США в качестве штата. Вынесенный вопрос был сформулирован таким образом, чтобы узнать, выступают ли жители острова за сохранение текущего статуса. Отрицательный результат стал основой для дальнейшей парламентской сессии с предложением о трансформации политического статуса. Фактически, полученные результаты соответствовали первоначальной инициативе.

Референдум о независимости Черногории путем ее отделения от союзного государства Сербии и Черногории прошел с минимальным отрывом, но законодательная база предусматривала принятие решения простым большинством. Иная ситуация сложилась в Токелау (Подвинцев, 2015). Организаторами референдума выступили структуры ООН. Плебисцит рассматривался как способ деколонизации данной территории путем придания ей суверенитета с последующей возможной ассоциацией с Новой Зеландией. Как ООН, так и власти Новой Зеландии настаивали на принятии решения квалифицированным большинством в 2/3 от участников голосования. Обе попытки провести референдум не набрали искомого значения – процесс суверенизации был остановлен. Референдумы в Шотландии и Новой Каледонии имели долгую процессуальную историю согласования и проводились в тех нормативных рамках, которые были очерчены на национальном уровне (Зверева, 2020). Предшествующий период агитации и ожидания также повлиял на результаты – в обоих случаях территории отказались от независимости и предпочли сохранение текущего статуса.

Среди примеров, не указанных в таблице, можно также отметить референдум о независимости острова Бугенвиля². Данная самоуправляемая часть Папуа-Новой Гвинеи боролась за образование нового государства. Плебисциту предшествовала длительная гражданская война, окончившаяся в 2001 г. Голосование было организовано международной комиссией и не оспорено ООН,

² Салов, Д. (2019, 11 декабря). *Жители острова Бугенвиль в Океании проголосовали за отделение от Папуа-Новой Гвинеи*. Взято 15 мая 2024, с <https://anna-news.info/zhiteli-ostrova-bugenvil-v-okeanii-progolosovali-za-otdelenie-ot-papua-novoj-gvinei/?ysclid=m0p19qw97r847530810>

однако в учредительных документах было отмечено, что результаты референдума не имеют императивного характера. Вопрос о признании результата и его реализации является предметом политических дискуссий и по настоящее время.

Само наличие столь значимого числа региональных референдумов по изменению политического статуса региона свидетельствует о следующем:

Во-первых, в международной практике использование референдума для определения политического статуса регионов является устоявшейся практикой. В большинстве случаев их результатом могут быть три вида последствий: 1) может быть достигнута более тесная интеграция региона и государства; 2) региону может быть предоставлена более широкая автономия; 3) региону может быть предоставлено право самоопределения вплоть до обретения суверенитета и независимости.

Во-вторых, референдумы по изменению политического статуса регионов могут проходить при отсутствии национально-политических традиций проведения референдума и исчерпывающей правовой базы. В таких случаях вопрос о легальности их проведения прямо пропорционален уровню легитимности результата.

В-третьих, вопрос о модернизации политического статуса региона может и должен решаться путем использования института референдума.

С опорой именно на данные позиции исходило руководство территориями со спорным политическим статусом на пространстве бывшего СССР. В частности, распад советского государства актуализировал потребность в новых формах политической партиципации по национальной проблематике, результатом чего стало проведение в 1991 г. следующих референдумов: о независимости Приднестровья (референдум по утверждению Конституции проведен в 1995 г.), о независимости Нагорно-Карабахской республики (референдумы по Конституции состоялись в 2006 и 2017 гг.), референдумы о независимости и воссоединении с Россией в Южной Осетии (Гаглоев, 2017).

В 1991–2014 гг. на Украине состоялась целая серия региональных референдумов: в 1991 г. – референдум об автономном статусе Крыма, а в 2014 г. – референдумы о присоединении Крыма и Севастополя к Российской Федерации; в 1994, 2004 и 2006 гг. – голосование («совещательный опрос») относительно автономии Донецкой и Луганской областей, о федерализации Украины (Груздев, Левченко, 2019). Вдохновляясь примером Крыма, жители ДНР (Донецкая Народная Республика) и ЛНР (Луганская Народная Республика) в мае 2014 г. провели референдумы, на которых подавляющее большинство граждан высказалось за независимость данных территорий от Украины³.

В целом ряде случаев результаты региональных референдумов не признавались на национальном уровне и реализовывались в меру нарастания вооруженного конфликта с последующими попытками силовой имплементации результатов волеизъявления. Существуют разные оценки данных событий. На Украине, к примеру, полностью отсутствовала нормативно-правовая база для

³ «Была надежда, что мы повторим путь Крыма». 10 лет назад в ДНР и ЛНР прошли референдумы о независимости. Как это было? (2024, 11 мая). Взято 15 мая 2024, с <https://lenta.ru/articles/2024/05/11/referendum/?ysclid=m0p3k8buey528735538>

проведения регионального референдума. Однако следует заметить, что подобная правовая база отсутствовала и при проведении большинства иных региональных референдумов, признанных в последствии мировым сообществом.

В целях обеспечения высокого уровня легитимности процедуры территориального отделения от национально-государственных структур посредством партиципации регионы вынуждены были обращаться к международным традициям проведения референдумов. В этом отношении, при наличии вопросов к нормативной части, у экспертов не вызывает сомнения соответствие результатов голосования политической воле жителей отделяемых территорий. Это свидетельствует о том, что даже при низкой правовой институционализации, на первый взгляд недостаточной для проведения голосования согласно установленной процедуре, референдум является легитимным инструментом политической партиципации в целях решения вопроса о политическом статусе региона (Токарев, 2015). Решение о присоединении к Российской Федерации также было принято в соответствии с международными традициями, а именно: регионы сначала провозгласили свою самостоятельность, были признаны в качестве полноценных акторов международных отношений и лишь после этого приняли решение о вхождении в состав соседнего государства. Последующая интеграция данных субъектов имела четко выраженную цивилизационную природу (Карнаух, 2022) и основывалась на общей идентичности (Кислицын, 2019).

В украинском законодательстве по настоящее время не было и нет возможности проведения референдумов на региональном уровне. Это свидетельствует о недостаточном развитии инструментов политической партиципации. Данная ситуация является типичной в государствах с высоким уровнем политических отличий между регионами и обусловлена желанием противопоставить регионализации централизацию. Данный процесс может иметь не только правовую природу, но и аксиологическую, в виде целенаправленной политики памяти, направленной на лишение региона политической субъектности (Русакова, 2023; Русакова, Грибовод, Моисеенко, 2022).

Вопрос о присоединении к России в 2022 г. новых территорий сегодня активно дискутируется. Если Крым и Севастополь сразу после получения независимости изъявили желание войти в состав Российской Федерации, то ДНР и ЛНР, не смотря на аналогичный декларируемый курс, до 2022 г. были вынуждены осуществлять государственное строительство в качестве независимых субъектов. Отмечается, что «была проделана огромная работа, отражающая последовательное становление и укрепление Луганской Народной Республики как демократического, правового и социального государства: нормативно закреплены базовые принципы народовластия, запущены механизмы, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека, гарантирующие выполнение социальных обязательств перед населением» (Бабичева, 2017). Аналогичные процессы происходили и в Донецкой Народной Республике.

Становление субъектности данных образований, на наш взгляд, позволило продвинуться в деле развития института референдума уже на национальном уровне. Говорить о возможности политической партиципации такого рода позволяет тот факт, что в период 2014–2022 гг. народные республики обладают всеми признаками государственности (Бабичева, 2017), а также признаками

актора международных отношений, который может вступать в сношения с другими акторами мировой политики (Груздев, Левченко, 2019). В частности, среди важнейших признаков отмечаются следующие: признание в других государствах документов, выданных в этих странах (в том числе удостоверения личности и документы об образовании), наличие внешних экономических связей, способность вступать в сношения с другими государствами по взаимному согласию (Худолей, 2020). Это позволило им в качестве независимых государств уже в 2022 г. принять решение о проведении новых референдумов – на предмет вхождения в состав Российской Федерации на правах субъектов. В сентябре 2022 г. состоялись соответствующие референдумы в Донецкой и Луганской Народных Республиках, а также в Херсонской и Запорожской областях.

Референдумы 2022 года проходили в разных правовых обстоятельствах, так как ЛНР и ДНР к тому времени были уже вполне сложившимися государствами, имеющими опыт независимого развития, а Херсонская и Запорожская область находились еще на стадии становления собственной государственности.

Международная реакция на данные референдумы со стороны коллективного Запада, в целом, негативна: «Ряду регионов, жители которых абсолютным большинством высказались за изменение политического статуса своих территорий, «мировое сообщество» в признании результатов прямого волеизъявления отказывается» (Киселев, Киселёва, 2019). Вместе с тем, стоит заметить, что сам факт проведения данных референдумов не носит уникальный характер и не создает политический прецедент, а лишь продолжает устоявшуюся мировую практику использования референдума как института политической партиципации для определения политического будущего региона.

Для дальнейшего изучения референдумов, проводимых на постсоветском пространстве, мы предлагаем к рассмотрению авторскую классификацию региональных референдумов, затрагивающих вопросы политического будущего, возникновение которых в значительной степени обусловлено распадом СССР (Скоробогачкий, 2023).

Итак, по наличию у региона опыта институционального законодательства, референдумы можно разделить на следующие типы: 1. *Образующие*. Такие референдумы проводятся на основе устоявшихся региональных норм и законов. Референдумы данного рода проходили в Абхазии, Нагорно-Карабахской Республике, Крыму и Севастополе, ДНР и ЛНР; 2. *Формирующие*. Такие референдумы сами становились основой для будущего формирования региональных норм и законов. Референдумы этого рода проходили в Южной Осетии, Приднестровье, Запорожье, Херсоне.

Заключение

Обобщая полученные результаты исследования, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, институт референдума используется как способ изменения политического статуса региона. Региональные референдумы о политическом статусе возникают в международной практике в начале XX века. С тех пор прошло множество голосований, признанных международным сообществом.

Во-вторых, голосование, как правило, может проводиться безотносительно наличия возможности проведения референдума в нормативно правовой базе на национальном уровне. Такая база, чаще всего, не предполагается ввиду либо отсутствия потребности, либо в случае отсутствия политической воли на национальном уровне. Чаще всего государства не заинтересованы в модернизации политического статуса отдельных регионов и могут искусственно затруднять данный процесс. В таком случае, организационная основа проведения голосования создается регионом самостоятельно с учетом международного опыта проведения плебисцитов и путем апелляции к праву наций на самоопределения.

В-третьих, в международной практике достаточно много региональных референдумов по изменению политического статуса региона, реализуемых в условиях военного конфликта, в том числе с присутствием войск иностранной юрисдикции. Первым таким референдумом стал референдум о независимости Исландии, проводимый под американской оккупацией.

В-четвертых, с инициативой о проведении регионального референдума, в случае политического и вооруженного конфликта, может выступать ООН. Однако вмешательство данной организации возможно только в том случае, если спорный вопрос не касается одной из стран-членов Совета Безопасности или их ближайших политических союзников. В данной ситуации высок риск использования права вета, которым обладают постоянные члены. Учитывая данную практику, допустимо предположить, что в будущем с инициативой референдума могут выступать иные универсальные международные организации, например Шанхайская Организация Сотрудничества или Лига Арабских Государств.

В-пятых, голосования по изменению политического статуса региона, как правило, носят факультативный характер. Они используются для агрегации и артикуляции политической воли населения и, впоследствии, реализуются органами публичной власти. Императивная природа референдума, в данном случае, затруднительна из-за инструментальной сложности реализации принимаемых решений.

В-шестых, вопрос реализации результата референдума об изменении политического статуса региона напрямую коррелирует с возможностью и способностью отстоять его политическими, административными и военными методами. Для воплощения результата необходим высокий уровень контроля организующих голосование властей за регионом.

В-седьмых, вопрос признания результатов носит политизированный характер и зависит от диспозиции сил на международной арене. Возникающие после проведения плебисцита правовые и политические последствия мало зависят от механизма и характера проведения самого голосования.

В-восьмых, постсоветское пространство не имеет каких-либо значимых особенностей, позволяющих говорить о неприменимости международного опыта к местным институциональным регионам. Соответственно, проведение референдумов по вопросу изменения политического статуса региона в конфликтных точках бывшего СССР подчиняется логике текущего соотношения сил.

Список литературы

1. Бабичева, Н. А. (2017). Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом. *Вестник Костромского государственного университета*, 23(3), 234–238.
2. Баков, А. А., Керимов, А. А. (2018). Регионы в международной деятельности: факторы развития парадипломатии. *Дискурс-Пи*, (3–4), 164–172. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.164172>
3. Болховитина, Т. С. (2011). Дискурсивные аспекты классификации форм политического участия. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*, (3–1), 247–253.
4. Бутенко, В. А., Мохаммади, Ш. (2020). Регионализация и «новый» регионализм. *Право и политика*, (7), 105–113.
5. Гаглоев, Д. В. (2017). Непризнанные (частично признанные) государства как феномен конституционного права на современном этапе. *Юридическая наука*, (1), 33–36.
6. Груздев, В. В., Левченков, А. И. (2019). Республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент. *Вестник Костромского государственного университета*, 25(3), 143–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-143-147>
7. Зверева, Т. В. (2020). Современные подходы Франции к разрешению территориальных споров. *Современная Европа*, (5), 155–164. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020155164>
8. Карнаух, Е. И. (2022). Интеграция Крыма и Донбасса с Российской Федерацией в контексте полицивилизационной парадигмы Хантингтона. *Постсоветский материк*, (1), 13–22. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2022_1_13
9. Киселев, С. Н., Киселёва, Н. В. (2019). Референдумы XXI в. По изменению территориально-политического статуса регионов и двойные стандарты «мирового сообщества». *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 5(2), 50–57.
10. Кислицын, С. А. (2019). Предпосылки интеграции де-факто суверенных народных республик Донбасса в постсоветские объединения с участием Российской Федерации. *Власть*, 27(4), 138–141. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6618>
11. Подвинцев, О. Б. (2015). О типах островных автономий в современном мире. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (4), 95–109.
12. Пономаренко, А. Н. (2019). Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение. *Закон и право*, (5), 57–60. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10196>
13. Русакова, О. Ф. (2023). Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России. *Дискурс-Пи*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
14. Русакова, О. Ф., Грибовод, Е. Г., Моисеенко, Я. Ю. (2022). Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов. *Дискурс-Пи*, 19(2), 154–171. https://doi.org/10/17506/18179568_2022_19_2_154

15. Скоробогачкий, В.В. (2023). Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф? *Антиномии*, 23(4), 67–95. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67
16. Стризов, А.Л. (2021). Пути политической модернизации России и традиции политической культуры. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26(3), 95–107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>
17. Токарев, А.А. (2015). Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России. *Вестник МГИМО-Университета*, (5), 32–41.
18. Худoley, К.М. (2020). Организация государственной власти в самопровозглашенных (непризнанных и частично признанных) государствах республик бывшего Советского Союза. *Ex Jure*, (3), 50–63. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-3-50-63>

References

1. Babicheva, N. A. (2017). *Priznaki gosudarstvennosti v kontekste priznaniya Luganskoj Narodnoy Respubliki mezhdunarodnym soobshchestvom* [Signs of Statehood in the Context of the Recognition of the Lugansk People's Republic by the International Community]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(3), 234–238.
2. Bakov, A. A., & Kerimov, A. A. (2018). *Regiony v mezhdunarodnoy deyatel'nosti: faktory razvitiya paradiplomatii* [Regions in International Activity: Factors of Development of the Paradiplomacy]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 164–172. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.164172>
3. Bolkhovitina, T. S. (2011). *Diskursivnye aspekty klassifikatsii form politicheskogo uchastiya* [Classification Discursive Aspects of the Political Participation Forms]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, (3–1), 247–253.
4. Butenko, V. A., & Mokhammad, Sh. (2020). *Regionalizatsiya i "novyy" regionalizm* [Regionalization and "New" Regionalism]. *Pravo i politika*, (7), 105–113.
5. Gagloev, D. V. (2017). *Nepriznannye (chastichno priznannye) gosudarstva kak fenomen konstitutsionnogo prava na sovremennoy etape* [Unrecognized (Partially Recognized) States as a Phenomenon of Constitutional Law at the Present Stage]. *Yuridicheskaya nauka*, (1), 33–36.
6. Gruzdev, V. V., & Levchenkov, A. I. (2019). *Respubliki Donbassa kak mezhdunarodnyy politiko-pravovoy pretsedent* [Republics of Donbass as an International Political and Legal Precedent]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25(3), 143–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-143-147>
7. Zvereva, T. V. (2020). *Sovremennyye podkhody Frantsii k razresheniyu territorial'nykh sporov* [France's Approaches to Territorial Disputes Settlement]. *Sovremennaya Evropa*, (5), 155–164. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020155164>
8. Karnaukh, E. I. (2022). *Integratsiya Kryma i Donbassa s Rossiyskoy Federatsiey v kontekste politsivilizatsionnoy paradigmy Khantingtona* [Integration of Crimea and Donbass With the Russian Federation in the Context of Huntington's

Polycivilizational Paradigm]. *Postsovetskiy materik*, (1), 13–22. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2022_1_13

9. Kiselev, S.N., & Kiseleva, N.V. (2019). Referendумы XXI v. Po izmeneniyu territorial'no-politicheskogo statusa regionov i dvoynye standarty "mirovogo soobshchestva" [The Referendums of the XXI Century to Change the Territorial and Political Status of the Regions and the Double Standards of the "World Community"]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 5(2), 50–57.

10. Kislitsyn, S.A. (2019). Predposylki integratsii de-fakto suverennykh narodnykh respublik Donbassa v postsovetskie ob»edineniya s uchastiem Rossiyskoy Federatsii [Prerequisites for the De Facto Integration of the Sovereign People's Republics of Donbass Into Post-Soviet Associations with the Participation of the Russian Federation]. *Vlast'*, 27(4), 138–141. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6618>

11. Podvintsev, O.B. (2015). O tipakh ostrovnykh avtonomiy v sovremennom mire [About the Types of Island Autonomies in the Modern World]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, (4), 95–109.

12. Ponomarenko, A.N. (2019). Konstitutsionnye i nadnatsional'nye standarty v sfere referenduma i pravo narodov na samoopredelenie [Constitutional and Supranational Standards in the Field of Referendums and the Right of Peoples to Self-Determination]. *Zakon i pravo*, (5), 57–60. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10196>

13. Rusakova, O.F. (2023). Diskurs gosudarstvennoy politiki pamyati kak faktor formirovaniya natsional'noy identichnosti sovremennoy Rossii [The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32.

14. Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., & Moiseenko, Ya.Yu. (2022). Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskikh aspektov [Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 154–171. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

15. Skorobogatkiy, V.V. (2023). Sud'ba SSSR: teoreticheskaya zagadka ili ideologicheskii mif? [The Fate of the USSR: A Theoretical Mystery or an Ideological Myth?]. *Antinomii*, 23(4), 67–95. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67

16. Strizoe, A.L. (2021). Puti politicheskoy modernizatsii Rossii i traditsii politicheskoy kul'tury [Ways of Political Modernization of Russia and Traditions of Political Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 26(3), 95–107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

17. Tokarev, A.A. (2015). Elektoral'naya istoriya postsovetskogo Kryma: ot USSR do Rossii [The Electoral History of the Post-Soviet Crimea: From UkSSR to Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (5), 32–41.

18. Khudoley, K.M. (2020). Organizatsiya gosudarstvennoy vlasti v samoprovozglashennykh (nepriznannykh i chastichno priznannykh) gosudarstvakh respublik byvshego Sovetskogo Soyuza [The Organization of State Authority in the Contested States of the Republic of the Former Soviet Union]. *Ex Jure*, (3), 50–63. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-3-50-63>

Информация об авторе

Аксёнов Игорь Владимирович, депутат, Законодательное Собрание Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aksenov@zssso.ru

Information about the author

Aksenov Igor Vladimirovich, Member, Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aksenov@zssso.ru

УДК 1:304.4

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_92

СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В КИТАЕ

Маина Харлановна Бадмаева,

Районный центр дополнительного образования Курумканского района,
Улан-Удэ, Россия,
badmaevamaina@gmail.com

Оюна Баировна Бальчиндоржиева,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия,
baoyu2008@yandex.ru

Мария Валентиновна Золхоева,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия,
badmaeva_maria@mail.ru

Получена 13.01.2024.

Поступила после рецензирования 19.03.2024.

Принята к публикации 17.06.2024.

© Бадмаева М.Х., Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В., 2024

Для цитирования: Бадмаева М.Х., Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. Системы искусственного интеллекта: современное состояние и перспективы его развития в Китае // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 92–106. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_92

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы применения систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в Китае, их осмысление обществом и поиск путей решения. Китай сегодня – один из лидеров цифровизации, что подтверждается масштабами финансирования в разработку и внедрение новых технологий, количеством коммерческих структур, работающих в области ИИ, пристальным вниманием государственных институтов и научного сообщества к вопросам и проблемам применения ИИ в различных сферах жизни китайского общества. Исследование значительного объема эмпирического материала о применении систем ИИ в различных областях социальной реальности позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что Китай напрямую связывает развитие страны с возможностями и прогрессом технологий ИИ. В то же время столь глубокое взаимодействие с указанными технологиями, считают авторы, позволило китайским ученым, политикам, представителям бизнеса значительно продвинуться в изучении негативных последствий использования ИИ. Об этом свидетельствуют многочисленные попытки определить этические нормы и стандарты, призванные обеспечить здоровье и благополучие людей, принятые как на уровне государства, так и на уровне частных компаний. По мнению авторов, успехи Китая в развитии технологий ИИ обусловлены, помимо прочего, традиционными для культуры Китая неантропоцентричными мировоззренческими представлениями, сосредоточенными на целостном восприятии мира, на гармонии во взаимоотношениях человека и мира. В заключение авторы приходят к выводу о том, что позиция Китая, разделяющего опасения и тревоги в отношении дальнейшего применения ИИ, свидетельствует о возможности плодотворного международного сотрудничества в вопросах управления развитием и совершенствованием систем ИИ.

Ключевые слова:

цифровизация, системы искусственного интеллекта, Китай, цифровая диагностика, этические нормы, конфуцианская мораль, международное сотрудничество

ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS: CURRENT STATUS AND FUTURE DEVELOPMENT PROSPECTS IN CHINA

Maina Kh. Badmaeva,

Additional Education Center of Kurumkansky District,
Ulan-Ude, Russia,
badmaevamaina@gmail.com

Oyuna B. Balchindorzhieva,

Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia,
baoyu2008@yandex.ru

Maria V. Zolkhoeva,

Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia,
badmaeva_maria@mail.ru

Received 13.01.2024.

Revised 19.03.2024.

Accepted 17.06.2024.

For citation: Badmaeva, M.Kh., Balchindorzhieva, O.B., Zolkhoeva, M.V. (2024). Artificial Intelligence Systems: Current Status and Future Development Prospects in China. *Discourse-P*, 21(3), 92–106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_92

Abstract

The article discusses the achievements and potential of artificial intelligence (AI) technology development in China. Currently, China stands as a leader in digitalization, as evidenced by substantial funding in the development and implementation of new technologies, the proliferation of commercial entities engaged in AI, and the significant attention given by state institutions and the scientific community to the application of AI across various sectors of Chinese society. Through the analysis of a substantial amount of empirical material on the application of AI systems in diverse areas of social reality, the authors conclude that China directly associates its national development with the capabilities and advancement of AI technologies. Furthermore, the authors argue that this profound engagement with AI has enabled Chinese scientists, politicians and businessmen to make significant progress in comprehending the negative consequences associated with AI usage. This is reflected in the numerous attempts to establish ethical norms and standards designed to ensure health and well-being of people, which have been adopted

at both governmental corporate levels. The authors suggest that China's success in the AI development is further influenced by traditional Chinese culture, which encompasses a non-anthropocentric worldview. This world-view emphasizes a holistic perception of the world and harmony in the relationship between humanity and the world. The authors conclude that China shares concerns about the further use of AI, and thus shows willingness to cooperate internationally in managing the development and enchantment of AI systems.

Keywords:

digitalization, artificial intelligence systems, China, digital diagnostics, ethical standards, Confucian morality, international cooperation

Введение

Цифровизация прочно вошла в жизнь социума, в значительной степени изменив его внешний облик, внутреннее содержание протекающих в нем процессов, привычные мировоззренческие представления, смыслы и ценности. Отечественные и зарубежные ученые в течение ряда лет исследуют усиливающееся воздействие цифровизации на социальную реальность. В центре их внимания – бурное внедрение в повседневную жизнь и популяризация разнообразных цифровых платформ, растущее использование технологичного искусственного интеллекта (далее – ИИ), угрозы и вызовы, возникающие вследствие проникновения последних в жизнь человека и общества. Как справедливо отмечает В.И. Дудина, «цифровое общество – это не просто приращение цифровых технологий к социальным отношениям, но принципиально другой способ организации социальности, другие методы исследования, другая эпистемология» (Дудина, 2022, с. 3). По мнению А.М. Пономарёва, цифровые платформы являются также технологической основой формирования цифровой виртуальной социальности – необходимого элемента воспроизводства усложняющегося общества, превращающегося в гибридную социальность (Пономарёв, 2022, с. 159).

Одним из лидеров цифровизации в современном мире является Китай, своеобразный центр глобального развития ИИ. Значительное в количественном отношении население страны, множество предприятий, представляющих широкий спектр отраслей современной промышленности, генерируют огромные объемы данных, обеспечивая национальный рынок и создавая основу для развития ИИ. Крупнейшие технологические компании Китая содействуют росту внедрения самых современных технологий ИИ, вкладывая значительные средства в исследования и разработки в области теории «искусственного разума». С помощью ИИ современный Китай стремится повысить производительность производства и обеспечить будущий экономический рост государства, несмотря на прогрессирующее сокращение численности населения трудоспособного возраста.

Системы искусственного интеллекта можно трактовать как совокупность программно-аппаратных технологий, позволяющих осуществлять сбор данных

об окружающей среде, интерпретировать их и вырабатывать решения о наилучших способах достижения человеком поставленных целей¹.

Результаты исследования

Китай активно демонстрирует собственный потенциал и реальную возможность возглавить международное сотрудничество в области разработки и управления ИИ. Согласно ежегодному отчету Стэнфордского университета «The AIIndex 2021», Китай лидирует в мире как по общему количеству публикаций в журналах по ИИ, так и по их цитируемости (Zhang et al., 2021), что свидетельствует о существующей в Китае чрезвычайно оживленной дискуссии, объединяющей широкий круг заинтересованных лиц и посвященной изучению опыта, перспектив и проблем использования ИИ в экономике, социальной сфере, других областях жизни общества.

В 2017 году Государственный Совет Китая опубликовал стратегию развития искусственного интеллекта нового поколения², в которой сформулирована цель сделать Китай мировым лидером в области ИИ к 2030 году. При этом в числе приоритетных задач названы решение этических вопросов, определение основных ценностей и социальных норм, необходимых для безопасного взаимодействия человека с системами ИИ³.

Анализ стратегии позволяет сделать вывод о том, что Китай напрямую связывает развитие страны с возможностями ИИ и высоко оценивает свои шансы на успех. Этот вывод подтверждает недавнее исследование Е. Хайна и Л. Флориди (Hine, Floridi, 2022, p. 44), установивших, что в государственных документах, принятых в последнее время в Китае, содержится более 400 упоминаний об инновационном развитии страны на основе новых цифровых технологий.

Наука и коммерческие структуры также поддерживают инициативы по развитию ИИ. Общий объем китайских коммерческих структур, занятых в сфере ИИ, достиг 70% от общемирового, что позволило стране занять первое место по уровню инвестиций в данную область⁴. В 2018 г. Китай открыл Международный

¹ *High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI* (n.d.). Retrieved January 14, 2023, from <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai>

² 新一代人工智能发展计划 // 国发. 2017. 35号 [План развития искусственного интеллекта нового поколения // Государственный комитет по развитию и реформам. 2017. № 35]. (На кит. яз.). Взято 21 апреля 2023, с http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm

³ 新一代人工智能发展计划 // 国发. 2017. 35号 [План развития искусственного интеллекта нового поколения // Государственный комитет по развитию и реформам. 2017. № 35]. (На кит. яз.). Взято 21 апреля 2023, с http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm

⁴ 中国人工智能产业白皮书 [Индустрии искусственного интеллекта в Китае] Белая книга (официальный правительственный документ). Взято 14 апреля 2023 с, <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/innovation/deloitte-cn-innovation->

научно-исследовательский институт ИИ⁵, который специализируется в сфере глубокого машинного обучения и разработки сервисов на основе ИИ.

Китайские исследователи все больше внимания уделяют этическим аспектам применения ИИ. Например, Сян Бяо, специалист в области антропологии, выступил с речью на конференции Tencent «Технологии во благо», в которой выразил серьезную озабоченность характером отношений, складывающихся между людьми и системами ИИ⁶. Ученые занимают высокие должности в местных этических комитетах по управлению ИИ. Так, эксперт в области государственной политики и управления Сюэ Лань является директором Китайского института научно-технической политики, а также председателем Национального экспертного комитета по управлению ИИ нового поколения, который разработал официальные принципы управления для ответственного ИИ⁷.

Применение систем ИИ в Китае достигло значимого прогресса в области медицины. ИИ сегодня интенсивно используется в медицинской диагностике, профилактике и при назначении лечения пациентам, обрабатывая огромный банк данных и успешно выполняя разноплановый спектр задач. С завидной для человека легкостью ИИ, основываясь на тысячах доступных ему историй болезней, устанавливает диагноз, обнаруживает патологии, оценивает состояние пациента, помогает в выборе необходимых медикаментов.

В качестве примера может быть приведена разработанная в Китае система ИИ, способная построить модель сегментации поражения легких больного и поставить ему диагноз, опираясь на базу данных, принадлежащую Китайскому консорциуму исследования изображений КТ грудной клетки (от 3777 пациентов) (Zhang et al., 2020, p. 1423–1425). Эффективность диагностического прогнозирования этой системы ИИ была проверена в пилотных исследованиях. Установлено, что данная система ИИ может оказать помощь врачам и рентгенологам в проведении предварительного обследования и скрининга, сократить рабочий процесс диагностики и время ожидания пациента, снизить общую нагрузку рентгенологов, реагировать на запросы больных в чрезвычайных ситуациях более эффективно и быстро по сравнению с медицинским персоналом.

По всему Китаю сегодня открыты созданные на основе технологий ИИ и работающие в автономном режиме онлайн-кабинеты «Ping An Good Doctor». Пациенты могут зайти в кабинет, описать симптомы, свою историю болезни и получить автоматический диагноз с планом лечения. Благодаря данной технологии

ai-whitepaper-zh-181126.pdf

⁵ Great strides. China's quest to become an AI superpower starts in the classroom. Retrieved April 12, 2023, from <https://innovation.matters.economist.com/beijing/education-artificial-intelligence>

⁶ Tencent Research Institute. Three questions from Biao Xiang, Internet Frontiers. Retrieved May 17, 2023, from <https://tisi.org/17654.2021> (На кит.: 项飙的三个问题).

⁷ Ministry of Science and Technology. Governance Principles for a New Generation of AI: Develop Responsible AI. 2019. Retrieved May 12, 2023, from <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-chinese-expert-group-offers-governance-principles-responsible-ai/> (На кит.: 新一代人工智能治理原则——发展负责任的人工智能).

снимается чрезмерная нагрузка на первичное звено медицинских учреждений, а первичная медицинская помощь становится доступной максимально широкому кругу лиц.

Системы ИИ успешно справляются со своими функциями и в области экологии. Быстрый экономический рост государства в свое время породил серьезные экологические проблемы в Китае: загрязнение водоемов, вырубка лесов, загрязнение воздуха, опустынивание земель и пр. Сегодня системы ИИ широко используются в Поднебесной для прогнозирования и снижения уровня загрязнения воздуха (Knight, 2015). Отметим, что плохое качество воздуха напрямую связано с повышенным риском возникновения целого ряда заболеваний. Именно оно, по оценкам китайских специалистов, занимает четвертую строчку в рейтинге причин летального исхода при лечении пациентов с заболеваниями различной этиологии (Delang, 2017, p. 116).

Другой пример применения ИИ в сфере экологии – использование «умных» мусорных баков, хорошо зарекомендовавших себя уже в 33 городах Китая (Kostka, Zhang, 2018). Они автоматически распознают поступающие отходы и распределяет их по секциям. Более того, эти мусорные контейнеры платят пользователям, сдающим на переработку металл, пластик и бумагу. Китайское руководство на самом высоком уровне регулярно поднимает вопросы «зеленой повестки дня. Председатель КНР Си Цзиньпин продвигает политику «цифровой защиты окружающей среды», которая должна, по его мнению, стать действенным шагом государства на пути к преодолению существующих экологических проблем (数字环保) (Kostka, Zhang, 2018).

В области правосудия системы ИИ используются в Китае с целью сделать судебную систему более справедливой и профессиональной, избавить ее от проблем местного протекционизма, вмешательства в судебные дела местных властей. Высший народный суд Хайнаня ввел подобную систему, предназначенную для вынесения судебных решений на базе изучения прецедентов⁸. Указанная система ИИ помогает работникам судебных органов найти решения по ранее рассмотренным делам и предоставляют эту информацию судьям в качестве вспомогательного материала. Использование подобных систем, по мнению их разработчиков, призвано снизить нагрузку на судей и содействовать устранению коррупционных проявлений в судопроизводстве Китая.

Очевидно, что применение систем ИИ дает целый ряд значимых социальных преимуществ, но важно понимать, что их внедрение и использование одновременно создает существенные риски и проблемы, среди которых потенциальная безработица, возникающая вследствие замещения людей системами ИИ на рынке труда, декалфикация специалистов из-за чрезмерного делегирования полномочий от человека к ИИ, негативные последствия для всей системы человеческих взаимодействий и деятельности, целеполагающей сущности человека.

Не менее опасно широкое применение ИИ в политике, в международных отношениях. Китайские ученые обеспокоены тем, что ИИ может привести к эскалации гонки вооружений, стать катализатором войн, использоваться тер-

⁸ Yu, M., Du, G. Why are Chinese courts turning to AI? Retrieved March 12, 2023, from <https://thediplomat.com/2019/01/why-are-chinese-courts-turning-to-ai/>

рористическими группами для распространения фейковых новостей, политической пропаганды и манипулирования общественным мнением (Shi et al., 2020).

Наличие этих проблем, имеющих по сути экзистенциальное значение для человека, тем не менее, не означает исключения ИИ из жизнедеятельности современного общества. Оно призывает людей к более осторожному и обдуманному внедрению систем ИИ в различные сферы социальной жизни.

Понимая преимущества использования ИИ, ученые Китая ясно осознают проблемы и трудности, порождаемые ИИ. Так, работа систем ИИ, используемых в правосудии, в настоящее время подвергается ими вполне обоснованной критике. Теоретики права на основании собственных исследований утверждают, что такая система способна вынести бесчеловечные приговоры без каких-либо объяснений и приведения необходимых аргументов (Ji, 2013). Кроме того, если в человеческом сообществе существует многозначность в интерпретации таких понятий, как благо, справедливость, прозрачность, добро и т. д., требовать от машины безупречного выполнения требований нравственности становится невозможно. Внедрение данных систем может поставить под вопрос сам статус судьи, поскольку ответственность за вердикт всегда ложится именно на судью. По всей видимости системы ИИ должны остаться в роли вспомогательных и обучающих наставников, действующих лишь до определенного момента.

В медицине применение систем ИИ также порождает массу сомнений и тревог. Не заменят ли системы ИИ, которые постоянно совершенствуются, большую часть врачей? Не возникнет ли ситуация, при которой консультация врача-человека станет редкой и практически недоступной опцией для абсолютного большинства пациентов учреждений здравоохранения? Не повлияет ли упомянутое выше внедрение онлайн-кабинетов негативным образом на качество и уровень первичной помощи в сфере, где так необходимы человеческое соучастие, эмоциональная поддержка и забота? Не оказывают ли системы ИИ, призванные стать помощниками для специалистов, «медвежью услугу» этим людям, постепенно способствуя отмиранию такого необходимого для врача навыка, как клиническое мышление, которое принципиально недоступно ИИ, поскольку никогда не сводится к набору правил? Не случайно С. А. Кравченко отмечает, что цифровизация здравоохранения предполагает оптимальное соотношение протокола лечения с сохранением искусства врачевания. Распространение цифровой диагностики и лечения пациента при всех достоинствах этих практик, особенно в период эпидемий, латентно минимизирует роль искусства врачевания как непреходящей ценности (Кравченко, 2022, с. 34). Стоит в связи с вышесказанным заметить, что системы ИИ не способны давать обоснованное объяснение причин и аргументов, на основании которых они пришли к конкретному решению, следовательно, с ними живая дискуссия на уровне работы врачебной комиссии невозможна. Любой врач может привести аргументы в пользу своей позиции, объяснить принятое им решение. ИИ на это не способен.

И наконец, невозможность однозначного определения того, кто именно будет нести ответственность в случае нанесения системой ИИ вреда человеку, порождает проблему отсутствия ответственности. Поскольку ИИ не является самостоятельным субъектом, обладающим сознанием, именно врач должен принимать в каждом отдельном случае окончательное решение и нести в дальней-

шем за него полную ответственность. Это, помимо прочего, поможет обеспечить автономию, самостоятельность человека в принятии решений и сохранит тем самым его человеческое достоинство, человеческую сущность.

Помимо упомянутых проблем, системы ИИ на основе глубокого машинного обучения «страдают предвзятостью». Проблема предвзятости возникает, когда программное обеспечение без преднамеренного умысла начинает дискриминировать отдельных лиц или группы людей, бесосновательно отдавая одним приоритет при решении каких-либо вопросов, а других лишая социальных благ или ущемляя их права и свободы. З. Обермейер с соавторами отмечает, что алгоритмы могут воспроизводить расовые и гендерные предубеждения через данные, используемые для их обучения (Obermeyer et al., 2019). В упомянутом исследовании приводятся различные примеры дискриминации: объявления о поиске работы на высокооплачиваемых должностях системы ИИ с меньшей вероятностью представляют женщинам; поиск имен, принадлежащих афроамериканцам, выдает записи об арестах и т. д.

В ответ на возникающие проблемы и вызовы в Китае был принят ряд документов регламентирующего характера, содержащих этические принципы взаимодействия человека с системами ИИ. Источником их стали органы государственной власти, научные учреждения и коммерческие структуры, которые попытались таким образом обобщить и упорядочить имеющийся у них опыт применения ИИ для решения разноплановых задач.

В программах документов национального уровня отражено намерение китайского государства разрабатывать и внедрять ИИ в различных областях жизни китайского общества. При этом в «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения»⁹ утверждается, что ИИ может представлять собой как гарантию социальной стабильности, так и угрожающий ей фактор общественной жизни. Поэтому необходимо установить своего рода баланс, равновесие в стремлении к процветанию человечества и достижению им гармонии (和谐 – hexie). Ли Чэньян, признанный авторитет в области исследования понятия «гармония», отмечает пять ключевых ее характеристик: неоднородность, напряженность, согласованность, трансформация, рост и обновление (Li, 2014, p. 9). По его мнению, гармония в китайском представлении не относится к чему-то статичному, а представляет динамический процесс, в котором взаимодействуют в согласии и балансе различные силы, противоположные элементы.

В 2019 г. Министерство науки и технологий Китая учредило Национальный экспертный комитет по управлению искусственным интеллектом нового поколения. В июне того же года комитет опубликовал «Принципы управления для нового поколения искусственного интеллекта»¹⁰. В данном документе под-

⁹ 新一代人工智能发展计划 // 国发. 2017. 35号 [План развития искусственного интеллекта нового поколения // Государственный комитет по развитию и реформам. 2017. № 35]. (На кит. яз.). Взято 21 апреля 2023, с http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm

¹⁰ 发展负责任的人工智能: 新一代人工智能治理原则发布 [Принципы управления для нового поколения искусственного интеллекта]. Взято 18 апреля 2023, с <https://perma.cc/7USU-5BLX>

черкивалось, что приоритетной задачей развития ИИ должно стать сохранение благосостояния человечества, обеспечение общественной безопасности и соблюдение прав человека, а сотрудничество в области управления ИИ должно строиться на «гармонии и дружелюбии» (和谐 и 友好). Помимо упомянутых принципов подчеркивалось приоритетное значение прав человека, принципов неприкосновенности частной жизни и социальной справедливости, требований прозрачности, ответственности, сотрудничества и гибкости при возникновении новых рисков и проблем.

Вслед за появлением данного документа Администрация по стандартизации Китайской Народной Республики (орган национального уровня), ответственная за разработку технических стандартов, издала «Белую книгу» по стандартам искусственного интеллекта¹¹. В документе обсуждаются вопросы безопасности и этические нормы, связанные с применением технологий ИИ, а также сформулированы три ключевых принципа внедрения ИИ в социальную практику: учет человеческих интересов, ответственность, согласованность прав и обязанностей. Первый принцип диктует, что конечной целью деятельности ИИ является благополучие человечества. Принцип ответственности указывает на необходимость установления строгой отчетности как при разработке, так и в процессе внедрения систем ИИ. Принцип согласованности прав и обязанностей сопряжен с требованием прозрачности, интерпретируемости, понимания принципов работы систем ИИ человеком. Согласно указанному принципу, с одной стороны, алгоритмы деятельности системы ИИ должны быть открыты, понятны человеку.

Завершая разговор об участии государственных институтов в процессе регулирования ИИ, необходимо упомянуть о первом в своем роде специальном регламенте «Cyberspace Administration of China», утвержденном в Китае и направленном против использования ИИ в целях манипуляции¹².

Многочисленные структуры, связанные с правительством Китая, и частные компании также разработали собственные документы, содержащие этические принципы взаимодействия с ИИ. Например, Пекинская академия искусственного интеллекта, занимающаяся исследованиями и разработками в области ИИ, сотрудничающая с ведущими промышленными гигантами Китая и пекинскими университетами, опубликовала «Пекинские принципы ИИ»¹³, включающие следующие требования и нормы: ИИ должен приносить в первую очередь пользу человечеству; необходимо использовать ИИ, учитывая долгосрочные последствия; следует выработать адекватные подходы для разрешения существующих в сфере ИИ проблем, а также в отношении возникающих вследствие его использования угроз для общества и человека. Данный документ нацелен

¹¹ 人工智能标准化白皮书 (2018 版). Взято 18 апреля 2023, с <http://www.cesi.cn/images/editor/20180124/20180124135528742.pdf>

¹² Cyberspace Administration of China. Management and Regulations on Algorithm Recommendation of Internet Information Service. 2022. Retrieved May 14, 2023, from <https://mp.weixin.qq.com/s/RrISlnVQ-0eQPK0kJFe8tg>

¹³ Beijing AI Principles. Beijing Academy of Artificial Intelligence. Retrieved April 28, 2023, from <https://www.baai.ac.cn/blog/beijing-ai-principles>

на оптимизацию отношений между человеком и ИИ, что выражается в принципе симбиоза (优化共生) между человеком и ИИ, проистекающим из традиционной китайской философии гармонии (和谐). Цзэн И, автор документа и член специальной группы экспертов ЮНЭСКО по рекомендациям в области этики ИИ, предложил считать этот принцип в качестве основной ценности¹⁴. Идея была сохранена в рекомендации, требующей, чтобы жизненный цикл систем ИИ не угрожал гармоничному сосуществованию людей, всех живых существ и природной среды. «Пекинские принципы» определяют принцип «гармонии и сотрудничества» в качестве одного из ведущих условий развития ИИ. При этом сотрудничество подразумевает совместную работу, что указывает на то, что внедрение ИИ должно происходить на основе широкого междисциплинарного взаимодействия и вовлечения общественности.

Академическое сообщество также пытается внести свой вклад в регулирование ИИ. Китайский исследователь Ли Чэньян рекомендует связать ИИ с конфуцианской моралью, в которой проповедуется ступенчатая любовь, обуславливающая понимание заботы и ответственности уровнем и характером социальных отношений. Древнекитайский последователь Конфуция философ Мэн Цзы формулировал суть конфуцианской морали в известном выражении «любить семью, быть гуманным по отношению к людям, ценить вещи» (亲亲仁民爱物). Ли Чэньян полагает, что ИИ можно рассматривать в качестве вещи или «у» (物), т. е. того, что может быть использовано и признано ценным, ценностью в контексте понимания структуры ступенчатой любви и конфуцианского порядка, если ИИ будет способен принимать решения, соответствующие требованиям морали (Li, 2014, p. 9).

По нашему мнению, исследование развития современных технологий в Китае необходимо осуществлять с учетом традиционных для культуры Китая мировоззренческих представлений, китайского типа мышления, который является холистичным. В традиционном китайском мировоззрении человек не рассматривается в качестве центра мироздания. Типичным конструктом для понимания мира является «взаимосвязь Неба, Земли и Человека» (天地人), в которой человек должен существовать в единстве с миром, следовать небу и земле. Более того, согласно традиционной китайской философии, индивидуальное сознание не есть производное от истинной сущности бытия, а есть тождество с ним. При этом тождество понимается не как абсолютное равенство, а скорее как единство, слитность. «Оно подобно тождеству нирваны и сансары, рассмотренному в психологическом контексте» (Янгутов, 2013, с. 21).

Возможно, что доминирующий в китайской философской мысли неантропоцентричный взгляд на мир способствовал в какой-то мере ускоренному внедрению систем ИИ в китайский социум. Однако негативные последствия такого поспешного применения ИИ заставили китайских специалистов задуматься о необходимости выработки новой стратегии управления ИИ с учетом возможных рисков и угроз для человека и общества. Сегодня Китай в своем понимании успешного взаимодействия человека с ИИ основывается на по-

¹⁴ UNESCO. Draft Text of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. Retrieved May 19, 2023, from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377897>

зиции, согласно которой новые технологии должны нести благо человечеству, а не представлять угрозу для достоинства человека.

Закключение

Наше исследование показывает, что Китай сегодня обладает огромным потенциалом в области развития ИИ и существенно продвигается вперед, реализовывая в указанном направлении множество продуктивных и эффективных инициатив. Безусловно, ИИ повышает производительность труда и обеспечивает высокие темпы экономического роста, однако, помимо явных преимуществ, его использование порождает ряд проблем, требующих незамедлительного отклика. Китай в ответ на возникающие угрозы стремится определить необходимые этические нормы и стандарты, призванные обеспечить здоровье и благополучие людей. Несмотря на то, что в китайском обществе имеются свои особенности в рассмотрении ИИ и перспектив его развития, очевидно, что оно разделяет те же опасения и тревоги в отношении применения ИИ, о которых пишут и говорят ученые, инженеры, разработчики, пользователи систем ИИ во всем мире.

Это позволяет сделать вывод о наличии общей основы для межкультурного сотрудничества в вопросах управления развитием и совершенствованием систем ИИ. Столкнувшись с глобальными вызовами и экзистенциальными рисками, современный социум все яснее осознает необходимость кооперации, объединения усилий в данном вопросе, исходя из идеалов эффективного и безопасного развития новых технологий для обеспечения блага всего человечества. Опыт Китая в области регулирования ИИ и выработки основополагающих принципов его надежного применения может способствовать осмыслению масштаба и глубины возникающих проблем и угроз, связанных с использованием ИИ и других современных технологий.

Список литературы

1. Дудина, В.И. (2022). Концептуализация социальной активности в условиях общественной нестабильности: между микро- и макроуровнями. *Социологические исследования*, (11), 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250021526-1>
2. Кравченко, С.А. (2022). Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития. *Социологические исследования*, (9), 29–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>
3. Пономарёв, А.М. (2022). Технологии искусственного интеллекта в контексте современной трансформации социальности. *Дискурс-Пи*, 19(4), 159–177. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159
4. Янгутов, Л.Е. (2013). Концепция сознания и пустоты в сочинении Фа Цзана «Хуаянь цзин и хай бай мэнь». В Л.Е. Янгутов (Ред.), *Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии* (с. 7–23). Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета.

5. Delang, C.O. (2017). *China's air pollution problems*. Routledge: Abingdon.
6. Hine, E., & Floridi, L. (2022). Artificial intelligence with American values and Chinese characteristics: a comparative analysis of American and Chinese governmental AI policies. *AI & Society*, 39(2), 257–278. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01499-8>
7. Ji, W. (2013). The judicial reform in China: the status quo and future directions. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 20 (1), 185–220.
8. Knight, W. (2015). *How artificial intelligence can be used to fight air pollution in China*. MIT Technology Review. Retrieved May 19, 2023, from <https://www.technologyreview.com/s/540806/how-artificial-intelligence-can-fight-air-pollution-in-china/>
9. Kostka, G., & Zhang, C. (2018). Tightening the grip: environmental governance under Xi Jinping. *Environ Politics*, 27(5), 769–781. <https://doi.org/10.1080/09644016.2018.1491116>
10. Li, Chenyang (2014). *The Confucian philosophy of harmony*. London: Routledge.
11. Shi, J., Chang, Y., & Zhu, M. (2020). A comparative study on the governance models of AI and Deepfake. *E-Government*. Retrieved May 19, 2023, from https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=4kyQjXYAAA AJ&citation_for_view=4kyQjXYAAA AJ: LkGwnXOMwfcC
12. Obermeyer, Z., Powers, B., Vogeli, C., & Mullainathan, S. (2019). Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations. *Science*, 366, 447–453. <https://doi.org/10.1126/science.aax2342>
13. Zhang, K., Liu, X.H., Shen, J. et al. (2020). Clinically applicable AI system for accurate diagnosis, quantitative measurements, and prognosis of COVID-19 pneumonia using computed tomography. *Cell*, 181, 1423–1433. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.08.029>
14. Zhang, D, Mishra, S., Brynjolfsson E. et al. (2021). The AI Index 2021 Annual Report. *AI Index Steering Committee, Human-centered AI Institute, Stanford University*. Retrieved May 22, 2023, from <https://aiindex.stanford.edu/report/>

References

1. Dudina, V.I. (2022). Kontseptualizatsiya sotsial'noy aktivnosti v usloviyakh obshchestvennoy nestabil'nosti: mezhdru mikro- i makrourovnyami [Conceptualizing Social Agency in Unstable Society: Between Micro and Macro Levels]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250021526-1>
2. Kravchenko, S.A. (2022). Ambivalentnosti tsifrovizatsii: vostrebovanost' ee natsional'no-kul'turnoy modeli dlya ustoychivogo razvitiya [The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National-Cultural Model for Sustainable Development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 29–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>
3. Ponomarev, A.M. (2022). Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v kontekste sovremennoy transformatsii sotsial'nosti [Artificial Intelligence Technologies in the Context of Modern Transformation of Sociality]. *Diskurs-Pi*, 19(4), 159–177.

https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159

4. Yangutov, L.E. (2013). Kontseptsiya soznaniya i pustoty v sochinenii Fa Tszana “Khuayan’ tszin i khay bay men” [The Concept of Consciousness and Emptiness in Fa Tsang’s Essay “Huayan Jing and Hai bai men”]. In L.E. Yangutov (Ed.), *Buddiyskie teksty Kitaya, Tibeta, Mongolii i Buryatii* (pp. 7–23). Ulan-Ude: Izdatel’stvo Buryatskogo universiteta.
5. Delang, C.O. (2017). *China’s air pollution problems*. Routledge: Abingdon.
6. Hine, E., & Floridi, L. (2022). Artificial intelligence with American values and Chinese characteristics: a comparative analysis of American and Chinese governmental AI policies. *AI & Society*, 39(2), 257–278. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01499-8>
7. Ji, W. (2013). The judicial reform in China: the status quo and future directions. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 20 (1), 185–220.
8. Knight, W. (2015). *How artificial intelligence can be used to fight air pollution in China*. MIT Technology Review. Retrieved May 19, 2023, from <https://www.technologyreview.com/s/540806/how-artificial-intelligence-can-fight-air-pollution-in-china/>
9. Kostka, G., & Zhang, C. (2018). Tightening the grip: environmental governance under Xi Jinping. *Environ Politics*, 27(5), 769–781. <https://doi.org/10.1080/09644016.2018.1491116>
10. Li, Chenyang (2014). *The Confucian philosophy of harmony*. London: Routledge.
11. Shi, J., Chang, Y., & Zhu, M. (2020). A comparative study on the governance models of AI and Deepfake. *E-Government*. Retrieved May 19, 2023, from https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=4kyQjXYAAA AJ&citation_for_view=4kyQjXYAAA AJ: LkGwnXOMwfcC
12. Obermeyer, Z., Powers, B., Vogeli, C., & Mullainathan, S. (2019). Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations. *Science*, 366, 447–453. <https://doi.org/10.1126/science.aax2342>
13. Zhang, K., Liu, X.H., Shen, J. et al. (2020). Clinically applicable AI system for accurate diagnosis, quantitative measurements, and prognosis of COVID-19 pneumonia using computed tomography. *Cell*, 181, 1423–1433. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.08.029>
14. Zhang, D, Mishra, S., Brynjolfsson E. et al. (2021). The AI Index 2021 Annual Report. *AI Index Steering Committee, Human-centered AI Institute, Stanford University*. Retrieved May 22, 2023, from <https://aiindex.stanford.edu/report/>

Информация об авторах

Бадмаева Маина Харлановна, кандидат философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9358-1865>, МБОУ ДО РЦДО МО Курумканский район, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badmaevamaina@gmail.com

Бальчиндоржиева Оюна Байровна, доктор философских наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, Улан-Удэ, Россия, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Золхоева Мария Валентиновна, доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3629-1631>, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

Information about the authors

Badmaeva Maina Kharlanovna, Candidate of Philosophical Sciences, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9358-1865>, Additional Education Center of Kurumkansky District, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badmaevamaina@gmail.com

Balchindorzhieva Oyuna Bairovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Dorji Banzarov Buryat State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, Ulan-Ude, Russia, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Zolkhoeva Maria Valentinovna, Doctor of Philosophy, Professor, Dorji Banzarov Buryat State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3629-1631>, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

УДК 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_107

АГЛОМЕРАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СИБИРСКИЙ КЕЙС

Николай Алексеевич Баранов,

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
nicbar@mail.ru

Получена 17.06.2024.

Поступила после рецензирования 19.07.2024.

Принята к публикации 15.08.2024.

Для цитирования: Баранов Н.А. Агломерационная идентичность как фактор развития российской государственности: сибирский кейс // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 107–126. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_107

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о влиянии фактора идентичности на развитие крупнейших сибирских агломераций. Уникальность сибирских мегаполисов представляет научный интерес, связанный с выявлением особенностей агломерационной идентичности Красноярска, Новосибирска и Омска. Обзор теоретической базы исследования свидетельствует о большом количестве зарубежных и российских публикаций, освещающих процессы формирования, динамики и увеличения возможностей городских агломераций и, в частности, агломерационной (городской) идентичности как важнейшем факторе их развития. Однако недостаточно проводится исследований по выявлению особенностей функционирования агломераций, исходя из культурных, территориальных, локальных, этнических, конфессиональных отличительных черт. Поэтому целью работы является выявление особенностей агломерационной идентичности крупнейших городских агломераций Сибири – Красноярска, Новосибирска

© Баранов Н.А., 2024

и Омска. Источником статьи стали результаты экспертного опроса, в котором приняли участие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности из трех сибирских регионов. Методами исследования стали нестандартизированное интервью и дискурс-анализ. В целях выявления особенностей политики идентичности в Красноярской, Новосибирской и Омской агломерациях в работе проведено сравнение ответов экспертов на одинаковые вопросы, на основании которого автором сделаны соответствующие выводы. Процесс формирования городских агломераций в современных государствах является естественным, поэтому необходимо формировать законодательную базу, которая в России пока отсутствует. А в отсутствии официального статуса городских агломераций затруднительным становится процесс формирования соответствующей идентичности, что в целом может сказаться на их успешном развитии.

Ключевые слова:

агломерационная идентичность, городская идентичность, государственно-гражданская идентичность, мегаполис, политика идентичности, фактор пространства

Источники финансирования:

исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта», <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

UDC 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_107

AGGLOMERATION IDENTITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD: THE SIBERIAN CASE

Nikolay A. Baranov,

Northwest Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA),
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
nicbar@mail.ru

Received 17.06.2024.

Revised 19.07.2024.

Accepted 15.08.2024.

For citation: Baranov, N.A. (2024). Agglomeration Identity as a Factor in the Development of Russian Statehood: The Siberian Case. *Discourse-P*, 21(3), 107-126. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_107

Abstract

The article examines the impact of the identity factor on the development of major Siberian agglomerations. The distinctiveness of Siberian megacities offers academic interest, particularly in ascertaining the unique features of the agglomeration identity in Krasnoyarsk, Novosibirsk and Omsk. A review of the theoretical basis of the study reveals a substantial number of publications in both foreign and Russian academic literature concerning the formation, dynamics and potential of urban agglomerations, with a particular emphasis on urban identity as a crucial factor in their development. However, there is a noticeable lack of research addressing the specific characteristics of agglomeration functioning based on cultural, territorial, local, ethnic, and confessional distinctions. The article appeals to the results of an expert survey, conducted among local researchers specializing in identity politics from three Siberian regions. The method of collecting information was utilized during an expert survey in the form of unstructured interviews, while discourse analysis was employed for processing the obtained primary data. To discern the features of identity politics within the Krasnoyarsk, Novosibirsk and Omsk agglomerations, the paper compares experts' responses to identical questions, leading the author to relevant conclusions. The process of urban agglomeration formation in modern states is a natural one, therefore it is necessary to form a legislative framework, which is currently lacking in Russia. In the absence of official status for urban agglomerations, cultivating a corresponding identity becomes challenging, potentially impacting their successful development.

Keywords:

agglomeration identity, urban identity, state-civil identity, metropolis, identity politics, space factor

Funding:

this study was conducted at St. Petersburg State University with financial support from the Russian Science Foundation under research project No. 23-28-00933 "Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience", <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

Введение

Российская государственность в XXI веке претерпела глубокие метаморфозы, связанные с поиском путей развития и внешнеполитических приоритетов,

и подверглась серьезным испытаниям в связи с возросшим международным влиянием. Надежды на гармоничное развитие с европейскими странами не оправдались, поэтому актуальным стал поиск внутренних возможностей для решения социально-экономических и политических задач. Обращение в сложившихся условиях к традиционным ценностям и формирование на этой базе общероссийской гражданской идентичности является одним из важнейших направлений эволюции российской государственности. Осознание принадлежности граждан к своему государству, региону, городу в совокупности с формированием чувства ответственности за судьбу своей страны становится важным трендом в современном развитии России. Поэтому фактор идентичности занимает важное место как в анализе долгосрочных и текущих трендов общественного развития, так и в социально-экономических исследованиях. Как отмечает И.С. Семененко, интерес к этому концепту связан с тем, что «идентичность позволяет посмотреть на эмоциональное переживание своего «я» в соотнесении с «другими» как в аспектах процессуальности и статусности, так и коммуникативности, соединить микрополитический и макрополитический уровни анализа субъективного пространства политики и социальной реальности» (Семененко, 2023, с. 9).

Действительно, потребность человека в принадлежности к группе соотносится с позитивными коннотациями, связанными с событиями, историями, воспоминаниями, объединяющими людей в социальном пространстве. Ф. Фукуяма полагает, что идентичность проявляется через признание другими внутреннего чувства собственного достоинства: «Поскольку стремление к признанию заложено в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности» (Фукуяма, 2019, с. 33–34).

Для успешного развития России как для страны с наибольшей площадью также необходимо учитывать *фактор пространства*. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года отмечается устойчивая тенденция, связанная с концентрацией населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают городские агломерации, являющиеся центрами экономического роста. Поступательное движение вперед Российской Федерации предполагает «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны»¹.

В Стратегии предусмотрено три вида агломераций в Российской Федерации: городская агломерация с численностью населения более 250 тыс. чел., крупная городская агломерация с населением от 500 до 1000 тыс. чел. и крупнейшая городская агломерация с общей численностью населения более 1 млн чел., связанными совместным использованием инфраструктурных объектов и объединен-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Консорциум Кодекс. Взято 14 мая 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=656010>

ных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями².

В 2020 году Минэкономразвития России был подготовлен проект Федерального закона «О городских агломерациях»³, в котором определялось понятие городской агломерации, критерии ее формирования, полномочия органов публичной власти в сфере развития агломераций, а также общие требования к системе управления развитием городской агломерации. Однако законопроект не был внесен в Государственную Думу. При отсутствии законодательной базы правового регулирования агломераций Правительство Российской Федерации приняло Постановление «Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»⁴. Поскольку продолжается концентрация населения, хозяйственной и социальной активности в городских агломерациях, которые становятся ключевым звеном развития Российской Федерации, то актуальность их правовой легализации на федеральном уровне сохраняется.

В свою очередь развитие городских агломераций как точек роста зависит от сплоченности населения на этих территориях, осознания гражданами своей значимости в общем деле, ответственности за развитие регионов и городов, единства власти и общества в решении социально-экономических задач.

Целью работы является выявление особенностей агломерационной идентичности крупнейших городских агломераций Сибири – Красноярска, Новосибирска и Омска.

Теоретическая база исследования

С концептом идентичности связываются разнообразные процессы, протекающие как в рамках государства, так и в рамках локальных пространств. Перспективным направлением становится исследование агломераций как больших пространств, объединяющих крупный город и более мелкие населенные пункты в единый социально-экономический организм. Л. В. Смирнягин предлагает следующее определение агломерации: «территориальная совокупность нескольких населенных пунктов (в основном городов), которые объединены в единую локальную систему трудовыми и другими поездками населения, развитыми благодаря взаимной близости этих городов и хорошим средствам коммуникации между ними» (Смирнягин, 2008, с. 165). Ч. Фан и Д. Ю характеризуют городскую агломерацию как высокоразвитую пространственную форму интегрированных городов, когда отношения между городами переходят от конкуренции в основном к соперничеству и сотрудничеству (Fang, Yu, 2017,

² Там же.

³ Проект Федерального закона «О городских агломерациях». Взято 14 мая 2024, с <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079#9BS6RLUWeErypFF51>

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2022 г. № 996. Взято 14 мая 2024, с <http://government.ru/docs/all/141275/>

р. 126). Китайские ученые в своей работе проанализировали эволюцию термина «городская агломерация» как эквивалента городского кластера в интерпретации Э. Ховарда (Ebenezer, 1902), принципиального переосмысления данного понятия Ж. Готтманом как мегаполиса (кластера мегаполисов) (Gottmann, 1957), до современных трактовок как высокоинтегрированных групп городов, разделяющих общие интересы и судьбу, представляющих городскую агломерацию одновременно экономическим сообществом и сообществом по интересам (Fang, 2015).

Характеристика современных городских агломераций на разных континентах представлена в книге «Городские агломерации» под редакцией турецкого исследователя М. Эргена (Ergen, 2018). Казахстанские исследователи Г.К. Суендикова, М.О. Рыспекова и Ш. Ниязбекова анализируют модели развития европейских и американских агломераций, делая вывод о схожести казахстанской и российской агломерационной модели (Suyendikova et al., 2023). А в книге Ф. Харрисона «Управление сложными городами-регионами в XXI веке: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка» расширяется география опыта управления мегаполисами, распространяясь за пределы европейских стран (Harrison, 2023). Акцент в монографии сделан на культурные особенности рассматриваемых стран, которые отличают их от европейских и американских практик управления агломерациями.

От развития агломераций в значительной степени зависит расширение возможностей регионов и страны в целом. Как отмечает П. Степанцов, особенность современного развития крупных городов заключается в наличии множественных точек солидаризации, объединения людей вокруг разных идентичностей: «Концептуально включенность в разные формы солидарности зависит не от места проживания, а от социальной активности. В результате принадлежности к сообществу, то есть разделения определенной формы солидарности, формируется одна из множественных идентичностей. Современный город допускает возможность комбинирования этих точек солидарности – так создается множественная идентичность горожанина. В центре агломерации возникает больше точек солидарности. Точки солидарности – это места в городской среде, в которые вписаны реализации определенных видов практик» (Степанцов, 2021, с. 92–93). Близкой точки зрения придерживался Г. Зиммель, полагая, что горожане вступают в социальные отношения, руководствуясь не эмоциональной привязанностью, а рациональным расчетом (Зиммель, 2018).

Вопросы, связанные с агломерационной идентичностью, находятся в центре внимания зарубежных исследователей. Причем в ряде исследований акцент делается на городской идентичности, решающим образом влияющей на локальные социальные факторы более крупного территориального образования. Так, Р. Рахбариянзид и Н. Доратли анализируют культурные стратегии в развитии городов (Rahbarianyazd, Doratli, 2017). П. Нентид, Б. Алиадж и К. Стаховяк-Бонгва на примере Роттердама, Щецина и Тираны пытаются ответить на вопрос: должны ли городские власти участвовать в формировании (социальной) городской идентичности? Вывод, к которому приходят авторы, сводится, с одной стороны, к признанию конструктивного характера такого влияния на формирование социальной городской идентичности, а с другой стороны – к риску появления

политического контроля над городскими символами и нарративами (Nientied et al., 2022).

Тема агломерационной (городской) идентичности также активно обсуждается российскими исследователями. Так А. М. Сосновская акцентирует внимание на политике городской идентичности Санкт-Петербурга в культурном контексте (Сосновская, 2022), она же в 2024 году успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» (Сосновская, 2023). С. К. Калашникова рассматривает эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении петербуржцев (Калашникова, 2022), Р. М. Вульфович проводит сравнительный анализ тенденций развития в урбанизированных регионах КНР и РФ (Вульфович, 2023), О. А. Богатова исследует социальную идентичность в административных центрах субъектов Российской Федерации (Богатова, 2020), Е. В. Грунт и Л. В. Русских рассматривают городскую идентичность жителей уральского мегаполиса (Грунт, Русских, 2020), Ж. В. Николаева и А. А. Троицкая дискутируют об идентичности как способе осмысления городского пространства (Николаева, Троицкая, 2020), Н. И. Мартишина выявляет особенности конструирования городской идентичности в Новосибирске (Мартишина, 2020), Г. В. Горнова и Д. В. Воронин решают проблему «пространственной привязки» ценностных значений городской идентичности (Горнова, Воронин, 2024), А. А. Михайлова, П. А. Барахвостов, А. С. Михайлов рассматривают формирование нового урбанистического пространства как сложной системы взаимодействия цифрового образа человека и складывающейся вокруг него цифровой городской среды (Михайлова и др., 2021), О. И. Вендина и А. С. Зиновьев акцентируют внимание на эксклавности и пограничности региона в контексте формирования калининградской идентичности (Вендина, Зиновьев, 2022).

В контексте формирования агломерационной идентичности актуальным становится вопрос о политике идентичности, связанной с целенаправленными действиями субъектов политики, чаще всего, государства и его институтов, в целях публичного признания конкретной идентичности (национальной, региональной, агломерационной, локальной). Искомая идентичность предполагает совокупность «представлений о себе, о своих отличительных качествах, об особой судьбе, о специфике жизненного пути и обретенных свойствах» (Пушкарева, 2023, с. 377). Появились публикации о секьюритизации идентичности, которая трактуется как «дискурсивный процесс, в котором актор делает заявление об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны Значимого Другого» (Фадеева, 2023, с. 387). Следует отметить научные работы О. В. Поповой по проблемам политики идентичности и государственной политики идентичности (Попова, 2019; Попова, 2020; Попова, 2024; Попова, Гришин, 2024). В свою очередь Н. В. Гришин выявляет роль политических и административных элит в политике формирования идентичности городских агломераций (Гришин, 2023), а С. К. Калашникова и М. Я. Погодина проводят дискурс-анализ выступлений лидеров регионов в контексте территориальной политики идентичности (Калашникова, Погодина, 2024).

Таким образом, значительное количество публикаций как в зарубежных, так и в отечественных изданиях свидетельствует о научном интересе к процессам

формирования, динамики и увеличения возможностей городских агломераций и, в частности, агломерационной (городской) идентичности как важнейшем факторе их развития. В то же время актуальным и востребованным становится выявление особенностей функционирования агломераций, исходя из культурных, территориальных, локальных, этнических, конфессиональных отличительных черт.

Результаты исследования

Важнейшим источником статьи стали результаты экспертного опроса, проведенного автором статьи и О.В. Поповой в рамках реализации научного проекта «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта». Экспертами выступили ведущие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности из соответствующих регионов. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса – нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных – дискурс-анализ.

В целях выявления особенностей политики идентичности в трех крупнейших сибирских агломерациях – Красноярской, Новосибирской и Омской – сравним ответы экспертов по следующим вопросам:

- 1) Приоритет идентичностей;
- 2) Основные компоненты политики идентичности в агломерациях;
- 3) Инструменты политики идентичности;
- 4) Цель политики идентичности;
- 5) Кто «мы» и кто «другие» в агломерациях;
- 6) Информационная политика;
- 7) Образовательная и просветительская политика, связанная с историей мегаполиса и агломерации;
- 8) Символический аспект политики идентичности;
- 9) Экологическая политика;
- 10) Интеграция мигрантов;
- 11) Местные инициативы.

Перейдем к сравнительному анализу ответов экспертов на поставленные вопросы.

1) **Приоритет идентичностей** (государственная или государственно-гражданская, региональная, агломерационная, городская, локальная идентичности).

Для Красноярска значимыми являются региональная, городская, локальная идентичности, из которых складывается государственно-гражданская идентичность, «когда мы можем очень сложно и вместе с тем однозначно по какой-то схеме идентифицировать себя с местными символами, как часовня Параскевы Пятницы на 10-рублевой купюре. Это совсем другое восприятие себя в пространстве и пространства в себе. <...> И через эту призму воспринимается и Часовня, и Столбы, и мост через Енисей, который упирается практически в Овсянку – родину Виктора Петровича Астафьева» (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирской агломерации можно выстроить следующие приоритеты идентичности: в первую очередь – это государственно-гражданская, во вторую – региональная (макрорегион Сибирь), и в третью – городская.

В Омской агломерации в связи с протяженной государственной границей области с Казахстаном Омск рассматривается как «ворота в Азию», в связи с чем государственные интересы превалируют над региональными, поэтому государственно-гражданская идентичность является приоритетной для жителей агломерации.

2) Основные компоненты политики идентичности в агломерациях.

Для Красноярского края принципиальное значение приобретает такая характеристика, как «свой» губернатор, который понимает потребности жителей, проводит политику по благоустройству городов и других мест жительства. Уважение к месту, в котором проживаешь, красота природы, вписанной в городское пространство, создают условия для формирования идентичности, которую хочется воспринимать, как «свою». *«Чтобы люди были на позитиве, власть должна быть на правильном пути, а руководители города и области – хорошими заботливыми хозяйственниками»* (муж., д-р филос. наук, профессор). Важное значение приобретают значимые события, например Универсиада 2018 года, которая *«подняла самооценку красноярцев»*.

На примере Новосибирска видна неопределенность в государственной политике идентичности. *«С одной стороны, единые цели и задачи, с другой – федеративный характер государства, что подразумевает самобытность, даже практически самостоятельность субъектов этой федерации. Возникает федеративная асимметрия, что приводит к несколько сомнительным мероприятиям, таким как празднование культурного разнообразия практически моноэтнических регионов страны. Это характерно для Новосибирска, в котором власти подстраиваются под политику центра без учета особенностей региона»* (муж., политолог).

В Омской агломерации на политику идентичности существенное влияние оказывают политические приоритеты жителей Омска. Наибольшее влияние на политические предпочтения омичей оказывают две партии – «Единая Россия» и КПРФ, о чем свидетельствуют результаты выборов в законодательные органы власти как в области, так и в городе Омске. Раскол подтверждается социологическим опросом, проводимом респондентом об установке памятника Колчаку, результатом которого стало практически одинаковое количество голосов «за» и «против». Такой раскол не способствует консолидации общества, а следовательно, проблематично говорить об агломерационной идентичности. С точки зрения респондента, политическое просвещение способствовало бы формированию политической идентичности. *«Уровень политической вовлеченности, политической мобильности, вот из чего как бы складывается политическая идентичность, этот уровень достаточно низкий из-за вот такой политической непроявленности»* (жен., д-р полит. наук, профессор).

3) Инструменты политики идентичности.

Для всех трех агломераций инструментами являются политика памяти, символическая политика, образовательная и успешная экономическая политика. В данном контексте следует выделить Новосибирск, имеющий истори-

ческую особенность: *«Идентичность сибиряков становится актуальной для Новосибирска в годы Великой Отечественной войны, потому что возникает сильный образ сибиряков-фронтовиков, которые отстояли Москву и, собственно, до Берлина врага погнали. В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стал промышленным городом, куда были передислоцированы крупные оборонные заводы. Создание Академгородка имело большое значение для города, так как Новосибирск стал восприниматься как научный центр. Новосибирск – город небоскребов, это тоже становится частью идентичности»* (муж., политолог).

4) Цель политики идентичности.

Для Красноярской агломерации – это единство. Потому что Сибирь представляет собой соединение религий, различных этнических групп, что влечет за собой столкновение противоположных аксиологических систем. *«Люди, которые освободились из мест заключения, вчерашние бамовцы, приехавшие заработать на машину, и остались навсегда. Формирование политической идентичности граждан ассоциируется у властей, осознанно или нет, как некая выработка понятия “сибиряк”, как некоего универсального сочетания лучших аксиологических качеств от буддистов, представителей других народов»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

Для Новосибирской агломерации важнейшим является восприятие Новосибирска как точки развития промышленного и научного потенциала.

Для Омска – это экономический подъем, создание инвестиционной привлекательности для региона. Впечатляет признание эксперта из Омска: *«Омичи предпочитают не признаваться при общении вне области, из какого они региона, так как не считают его успешным»* (жен., д-р полит. наук, профессор).

5) Кто «мы» и кто «другие» в агломерациях.

Эксперт из Красноярска отмечает «вселенскость» – особое состояние, скорее даже не сибирское, а красноярское. У сибиряков вообще хорошо развито чувство опасности из-за суровых условий: *«Вот она тайга, природа, бери, если хочешь. И нет такого опасения, что ты забираешь мое. Здесь совсем по-другому восприятие идет. Понятно – это от богатства, от широты, от всего. Я в принципе не слышал, что где-то возникал вопрос, что кто-то мне мешает. Это красноярская ассимиляция»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

Острых противоречий между «своими» и «чужими» в Новосибирске нет. Имеются отдельные эпизоды, которые не перерастают в тенденцию, например противостояние спортивных болельщиков из разных сибирских городов и ревностное отношение к выбору третьего города России.

Свои для омичей – это те, кто любит свою Омскую землю и свой город. Омск – город нефтяников, поэтому все работающие в данной сфере – свои. Но такой показатель не работает в отношении тех, кто управляет регионом. Здесь очень неохотно принимают варягов, не из своих.

6) Информационная политика.

В Красноярской агломерации информационная политика характеризуется как провальная. Идентичность формируется не благодаря информационной политике, а вопреки ей, то есть возникает на низовом уровне, а не выстраивается сверху.

Информационная политика в Новосибирской агломерации по продвижению образа своей территории была заменена на идеологическую при мэре коммунисте (А.Е. Локоть – мэр Новосибирска в 2014–2024 гг.). Во время избирательной кампании 2023 г. никто не обращался к образу Новосибирска как к своей территории.

Целенаправленная информационная политика по сплочению омичей связана только с историческими сюжетами, которые широко представлены в медийном пространстве.

7) Образовательная и просветительская политика, связанная с историей мегаполиса и агломерации.

Изменяется примитивное упрощенное представление о Сибири как месте, куда ссылают. Эксперт из Красноярска рассказал, что один его знакомый, с той стороны, сказал так: «Ты единственный, кого я знаю, кто сослал себя сам в Сибирь» (это было в 1989 г.). Сюжетов о Красноярске, его людях – бесконечное множество. Это касается и публицистики, и науки – все чаще защищаются диссертации на региональную тему. Регионоведение, сибироведение в разных формах фактически есть во всех школах. Хорошо, по-современному работают музеи.

В Новосибирской агломерации проводятся уроки по истории Новосибирска в старших классах. Изданы учебники как по истории Сибири, так и по истории Новосибирска. Оперный театр, филармония, музеи, картинная галерея опираются на местную тематику во время мероприятий. Рядом местных библиотек создан Новосибирский краеведческий портал. Реализуется проект «Народная летопись Новосибирска» – это открытый портал, на котором любой человек может оставить воспоминания, мемуары о жизни, истории области, о людях, которые на территории области проживали. Новосибирск – один из первых, кто организовал и поддержал акцию «тотальный диктант».

В Омске много музеев, развиты этнографические и краеведческие исследования, например, активно работают краеведческие кружки при музее Врубеля, в вузах есть спецкурсы по истории Омска и области. Омский драматический театр – один из лучших в Сибири, обладатель рекордного количества театральных премий, является одним из брендов мегаполиса.

8) Символический аспект политики идентичности.

В качестве символов Красноярска, как отмечает эксперт, выступают первый сибирский губернатор Степанов, художник Суриков (есть музей), писатель Астафьев, оперный певец Хворостовский (его именем назван оперный театр). Вот как метафорично эксперт выражается о символической политике идентичности: «В плане символики – это всегда освещенные прожекторами часовни как основа историческая, вот место, откуда начиналось все, и Енисей, как некая сила, которую вроде удалось обуздать, и вместе с тем понимаем, что эта сила выше нас, по своей сути, и кормилица. И это все переплетается взаимно и превращается в такой символ сибиряка, которым я горжусь» (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирске символы связаны в основном с героями Великой Отечественной войны. К Дню города организуются выставки об истории Новосибирска, проходит транссибирский арт-фестиваль с участием мировых

звезд классической музыки. Истории о наиболее известных людях Новосибирска размещаются в энциклопедии города. Ценится звание почетного жителя Новосибирска.

В Омске широко представлена революционная тематика, при этом массового переименования улиц и площадей не происходило. В то же время сохранилась историческая тема, связанная с основанием города.

9) **Экологическая политика.**

В Красноярской агломерации нет единой экологической политики, объединяющей и власть, и общество: *«Ощущения единства, что одно дело делаем, не только власть, но и общество, внутри общества не существует. А то, что мы все дышим одним воздухом одновременно и мусорим, и что это некая целостность, что одно из другого вытекает, нет такого ощущения, к сожалению»* (муж., д-р филос. наук, профессор). В то же время, отмечает эксперт, город чистый, люди стараются не мусорить, но, тем не менее, целенаправленной экологической политики нет.

В Новосибирской агломерации экологическая повестка взята на вооружение ведущими политическими партиями: *«И единоклассников можно увидеть на каких-то экологических акциях, и коммунисты периодически реку очищают от мусора. Но, наверное, активнее всего себя ведут в этом плане “Новые люди”»* (муж., политолог). Гражданский эоактивизм в большей степени развит в Академгородке. Складывается понимание решения общих экологических задач, что объединяет общество.

В Омской агломерации экологическая повестка очень значима ввиду наличия нефтехимических производств. Значительная часть НКО в Омске занимаются экологической проблематикой, и властные структуры к ним относятся с недоверием. Можно сказать, что экологическая тема объединяет жителей.

10) **Интеграция мигрантов.**

В Красноярской агломерации постепенно формируется понятие «сибиряка». *«То, что в конечном счете порождает ксенофобию, конфликт, оно стирается. Мигранты стараются не выделяться, так как некому что-то доказывать, вас просто не поймут»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирской агломерации таджикская диаспора после событий в Крокус Сити Холле во избежание негативного к себе отношения со стороны коренных жителей собрала деньги и отправила на помощь СВО. Противостояния между местным населением и мигрантами нет. Позитивную роль в сплочении общества, по мнению эксперта, играет Русская православная церковь.

Так как значительная часть высокопрофессиональных омичей уезжают из региона, и их необходимо замещать мигрантами, то в области проводится открытая миграционная политика, что способствует установлению доверительных межэтнических взаимоотношений в Омской области.

11) **Местные инициативы.**

Красноярцы, по утверждению эксперта, грезят метро, которое необходимо для статусности города. Однако запуск нового вида городского транспорта перенесли сначала на 2026-й, затем – на 2027 год. Все горожане с нетерпением ждут.

В Новосибирской агломерации отмечается много местных инициатив. Например, студенческая инициатива под условным названием «Тимуровцы

нашего времени», участники которой помогают в удаленных районах области пожилым людям: ремонтируют дома, убирают снег. Работают поисковые отряды в местах возможной гибели новосибирцев на фронтах Первой и Второй мировых войн. Следует отметить местную инициативу «Краеведческий десант»: студенты посещают районы Новосибирской области, чаще всего в виде практики. Они отправляются в разные музеи городов и деревень Новосибирской области, обновляют информацию, записывают интервью с местными жителями. Собрана также многотомная энциклопедия Новосибирска краеведческого характера.

Из инициатив, которые выделяют Омск, необходимо отметить активную работу комитетов территориального общественного самоуправления (КТОС), которые занимаются благоустройством территорий, проведением различных мероприятий и которым люди доверяют.

Выводы

Результаты проведенного опроса позволяют выявить особенности формирования агломерационной идентичности, выделенные экспертами.

В-первых, на приоритеты идентичности влияет пограничное расположение территорий, что характерно для Новосибирской и Омской областей. Поэтому именно в этих агломерациях предпочтение отдается государственно-гражданской идентичности, в отличие от Красноярской агломерации, в которой региональная, городская, локальная идентичности, перетекая друг в друга, имеют приоритет перед государственной.

Во-вторых, на эффективное проведение политики идентичности решающее влияние оказывает институт губернатора. Для жителей Красноярского края и Омской области принципиальное значение имеет такая характеристика, как «свой» губернатор, глубоко разбирающийся в местных проблемах и знающий нюансы региона. Данный фактор способствует сплочению власти и общества в решении региональных, агломерационных, городских задач, что положительно влияет на формирование соответствующей идентичности.

В-третьих, Красноярская агломерация отличается от других сибирских крупнейших городских агломераций нацеленностью на формирование единого сплоченного общества, живущего в суровых условиях и гордящимся теми красотами, которыми одарила Красноярский край природа, а также людьми, оставившими значимый след в российской культуре, науке, образовании. Для Новосибирской и Омской агломераций как для «транзитных» регионов экономическая, инвестиционная, научная составляющие имеют приоритетное значение (в таких регионах люди не стремятся задержаться, а рассчитывают на переселение при благоприятных обстоятельствах в более успешные, такие как, например, Тюменская область или столичные центры – Москва, Санкт-Петербург).

В-четвертых, во всех крупнейших сибирских агломерациях неэффективно проводится информационная политика, которая либо узурпируется частными структурами для извлечения прибыли, либо подменяется политизированной повесткой, далекой от проблем региона. Поэтому для всех рассмотренных агломераций остро стоит вопрос о создании информационного проекта, направленного на сплочение власти и общества и успешной реализации политики идентичности.

В-пятых, эксперты из всех трех регионов отмечают отсутствие проблем в отношениях с мигрантами. Если Омская область остро нуждается в рабочей силе, то в Новосибирской области и Красноярском крае мигранты либо просто стараются не выделяться от коренного населения, либо происходит ассимиляция (как в Красноярском крае), чему способствуют суровые климатические условия и социальные особенности региона.

В-шестых, значимость экологической политики отмечается во всех агломерациях, причем для Новосибирска характерна политизация данного процесса, а для Красноярска и Омска – понимание жителями данной проблемы и отсутствие объединяющих административные власти и общество программ.

В-седьмых, во всех трех рассмотренных мегаполисах проводится достаточно эффективная образовательная и просветительская политика, связанная с историческими и географическими особенностями регионов. В школах и вузах читаются краеведческие курсы, развиваются театры, становятся современными музеи, защищаются диссертации на региональные темы. Данное направление деятельности является одним из наиболее успешных в контексте осуществления политики идентичности.

В-восьмых, следует отметить наличие достаточно большого количества местных инициатив, что свидетельствует о гражданской активности жителей мегаполисов и их заинтересованности в развитии регионов. Данная тенденция свидетельствует о том, что при наличии доверительных отношений между властными структурами и обществом будет возникать региональное, городское, локальное единство, способствующее формированию соответствующей идентичности.

Заключение

Формирование городских агломераций – это естественный процесс, характерный для современных государств. В Российской Федерации для функционирования агломераций еще не создана законодательная база, приняты лишь Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и правительственные нормативно-правовые акты, регулирующие определенные направления их деятельности и взаимоотношения с федеральным центром. Поэтому возникает проблема принятия соответствующего закона об агломерациях, проект которого обсуждался в 2020 году. Без законодательного закрепления статуса городской агломерации проблематично рассуждать о формировании соответствующей идентичности жителей. Приоритет региональной, городской и локальной идентичностей в значительной степени определяется соотношением граждан с традиционными территориями и формами поселений, а также официальным административно-территориальным делением страны.

Сибирские мегаполисы выделяются из остальных мегаполисов России своей удаленностью от столичного центра, суровыми климатическими условиями, природно-географическим ландшафтом, протяженными границами соответствующих субъектов федерации (Новосибирская и Омская области) с соседним государством. Поэтому здесь наиболее ярко проявляются особенности формирующихся агломераций.

Следует отметить быстро возрастающее количество публикаций в российских научных изданиях как про агломерации в целом, так и про конкретные, особенно крупнейшие городские агломерации, формирующиеся вокруг городов-миллионников, которых в Российской Федерации насчитывается шестнадцать. Появление научных работ о формировании идентичностей в агломерациях свидетельствует о востребованности данного направления исследований, что будет способствовать разработке политики идентичности городских агломераций, направленной на создание благоприятных условий для их развития.

Список литературы

1. Богатова, О.А. (2020). Социальная идентичность «городов власти» в современной России: основные социологические подходы. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 4(4), 361–374. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374>
2. Вендина, О.И., Зиновьев, А.С. (2022). Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности. *Мир России*, 31(2), 118–143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
3. Вульфович, Р.М. (2023). Россия и Китай: перспективы развития городских агломераций. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 17(3), 140–149. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>
4. Горнова, Г.В., Воронин, Д.В. (2024). Локальная идентичность в градостроительном развитии: культурологический инструментарий категоризации смысла. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, (1), 24–28. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-42-24-28>
5. Гришин, Н.В. (2023). Политические элиты и политика идентичности городских агломераций. *Вопросы элитологии*, 4(2), 61–74. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i2.150>
6. Грунт, Е.В., Русских, Л.В. (2020). Городская идентичность уральского мегаполиса в социологическом измерении. В Л. А. Закс и др. (Ред.), *Публичное/частное в современной цивилизации: сб. науч. тр. XXII рос. науч. – практ. конф. (с междунар. участием) (16–17 апреля 2020 г., Екатеринбург)* (с. 235–240). Екатеринбург: Гуманитарный университет.
7. Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. Москва: Strelka Press.
8. Калашникова, С.К. (2022). Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга. *Социально-политические исследования*, (3), 65–79. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>
9. Калашникова, С.К., Погодина, М.Я. (2024). Российские агломерации в контексте территориальной политики идентичности: опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов. *Дискурс-Пи*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59
10. Мартишина, Н. И. (2020). Мифологический компонент

в конструировании образа города и городской идентичности. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*, (3), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-168-178>

11. Михайлова, А. А., Барахвостов, П. А., Михайлов, А. С. (2021). Оценка нового урбанистического пространства на основе анализа социальных сетей. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 7(2), 43–57.

12. Николаева, Ж. В., Троицкая, А. А. (2020). Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал фронтирных исследований*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10001>

13. Попова, О. В. (2019). Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>

14. Попова, О. В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, 4, 86–113. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

15. Попова, О. В. (2024). Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций. *Социально-политические исследования*, 1, 38–50. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>

16. Попова, О. В., Гришин, Н. В. (2024). Инструменты государственной политики идентичности в современном мире. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

17. Пушкарева, Г. В. (2023). Политика национальной идентичности. В А. И. Соловьев (Ред.), *Политология. Новый лексикон* (с. 375–386). Москва: Аспект Пресс.

18. Семененко, И. С. (2023). Введение. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 9–16). Москва: Весь Мир.

19. Смирнягин, Л. В. (2008). Агломерация: за и против. *Городской альманах*, 3, 162–174.

20. Сосновская, А. М. (2022). Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 1, 68–83.

21. Сосновская, А. М. (2023). *Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия* [Дис. ... д-ра полит. наук, Санкт-Петербургский государственный университет]. https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_sosnovskaya.pdf

22. Степанцов, П. (2021). Пространство солидарности. Почему мы снова уйдем на периферию агломераций. В А. Дробин (Ред.), *Больше, чем город. Границы, масштаб и гравитация городских агломераций* (с. 90–97). Москва: Московский урбанистический форум.

23. Фадеева, Л. А. (2023). Секьюритизация политики идентичности. В А. И. Соловьев (Ред.), *Политология. Новый лексикон* (с. 386–391). Москва:

Аспект Пресс.

24. Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер.
25. Ebenezer, H. (1902). *Garden cities of Tomorrow*. London: Swan Sonnenschein & Co.
26. Ergen, M. (Ed.) (2018). *Urban Agglomeration*. InTech.
27. Fang, C., & Yu, D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
28. Fang, C. (2015). Scientifically selecting and hierarchically nurturing China's urban agglomerations for the new normal. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*, 30(2), 127–136.
29. Gottmann J. (1957). Megalopolis, or the urbanization of the North-eastern seaboard. *Economic Geography*, 33(7), 189–200.
30. Harrison, Ph. (2023). *Governing Complex City-Regions in the Twenty-First Century: Brazil, Russia, India, China, and South Africa*. Wits University Press. <https://doi.org/10.18772/12023118523>
31. Nientied, P., Aliaj, B., & Stachowiak-Bongwa, K. (2022). Social Urban Identity Formation and Local Government. *Current Urban Studies*, 10(3), 361–380.
32. Rahbarianyazd, R., & Doratli, N. (2017). Assessing the contribution of cultural agglomeration in urban regeneration through developing cultural strategies. *European Planning Studies*, 25(10), 1714–1733. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1317721>
33. Suyendikova, G.K., Ryspekova, G.K., & Niyazbekova, Sh. (2023). Urban agglomeration: developing approaches to a new phenomenon. *Bulletin of the Karaganda University. "Economy" series*, (4), 116–127.

References

1. Bogatova, O.A. (2020). Sotsial'naya identichnost' "gorodov vlasti" v sovremennoy Rossii: osnovnye sotsiologicheskie podkhody [Social Identity of "Power Cities" in Modern Russia: Basic Sociological Approaches], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 4(4), 361–374. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374>
2. Vendina, O.I., & Zinovyev, A.S. (2022). Pogrannichnost' i periferiynost': k voprosu o kontekste formirovaniya kaliningradskoy identichnosti [Borderland and Peripherality: Discussing the Contexts of Identity Shaping of the Kaliningrad Region Inhabitants]. *Mir Rossii*, 31(2), 118–143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
3. Vulfovich, R.M. (2023). Rossiya i Kitay: perspektivy razvitiya gorodskikh aglomeratsiy [Russia and China: Prospects for the Development of Urban Agglomerations]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 17(3), 140–149. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>
4. Gornova, G.V., & Voronin, D.V. (2024). Lokal'naya identichnost' v gradostroitel'nom razviti: kul'turologicheskiy instrumentariy kategorizatsii

smysla [Local Identity in Urban Development: Cultural Tools for Categorizing Meaning]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, (1), 24–28. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-42-24-28>

5. Grishin, N. V. (2023). Politicheskie elity i politika identichnosti gorodskikh aglomeratsiy [Political Elites and Identity Politics of Urban Agglomerations]. *Voprosy elitologii*, 4(2), 61–74. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i2.150>

6. Grunt, E. V., & Russkikh, L. V. (2020). Gorodskaya identichnost' ural'skogo megapolisa v sotsiologicheskom izmerenii [Urban Identity of the Ural Megalopolis in the Sociological Dimension]. In L. A. Zaks et al. (Ed.), *Publichnoe/chastnoe v sovremennoy tsivilizatsii: sb. nauch. tr. XXII ros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem)* (16–17 aprelya 2020 g., Ekaterinburg) (pp. 235–240). Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet.

7. Zimmel, G. (2018). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big Cities and Spiritual Life]. Moscow: Strelka Press.

8. Kalashnikova, S. K. (2022). Effektivnost' regional'noy politiki identichnosti v obshchestvennom mnenii: opyt g. Sankt-Peterburga [Effectiveness of Regional Identity Politics in Public Opinion: Experience of St. Petersburg]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, (3), 65–79. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>

9. Kalashnikova, S. K., & Pogodina, M. Ya. (2024). Rossiyskie aglomeratsii v kontekste territorial'noy politiki identichnosti: opyt kriticheskogo diskurs-analiza vystupleniy liderov regionov [Russian Agglomerations in the Context of Territorial Identity Politics: Critical Discourse Analysis of Regional Authorities' Speeches]. *Diskurs-Pi*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

10. Martishina, N. I. (2020). Mifologicheskiiy komponent v konstruirovaniy obraza goroda i gorodskoy identichnosti [A Mythological Component in the Construction of the Image of the City and Urban Identity]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki*, (3), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-168-178>

11. Mikhaylova, A. A., Barakhvostov, P. A., & Mikhaylov, A. S. (2021). Otsenka novogo urbanisticheskogo prostranstva na osnove analiza sotsial'nykh setey [Evaluation of New Urban Spaces Based on Social Networks Analysis]. *Geopolitika i ekogedinamika regionov*, 7(2), 43–57.

12. Nikolaeva, Zh. V., & Troitskaya, A. A. (2020). Diskurs ob identichnosti kak sposob osmysleniya gorodskogo prostranstva [Discourse on Identity as a Way of Understanding Urban Space]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10001>

13. Popova, O. V. (2019). Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskiiy konstrukt i real'naya praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiyskikh issledovateley [Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>

14. Popova, O. V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoy politiki identichnosti v rossiyskoy politologii [Unresolved Problems in the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science]. *Politicheskaya nauka*, 4, 86–113. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

15. Popova, O.V. (2024). Rol' munitsipalitetov v formirovanii politiki identichnosti rossiyskikh aglomeratsiy [Role of Municipalities in Shaping the Policy of Russian Agglomerations Identity]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, 1, 38–50. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>
16. Popova, O.V., & Grishin, N.V. (2024). Instrumenty gosudarstvennoy politiki identichnosti v sovremennom mire [Instruments of State Identity Policy in the Contemporary World]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>
17. Pushkareva, G.V. (2023). Politika natsional'noy identichnosti [The politics of national identity]. In A.I. Soloviev (Ed.), *Politologiya. Novyy leksikon* (pp. 375–386). Moscow: Aspekt Press.
18. Semenenko, I.S. (2023). Vvedenie. Identichnost' v meynstrime politicheskoy nauki i v fokuse publichnoy politiki [Introduction. Identity in the mainstream of political science and in the focus of public policy]. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 9–16). Moscow: Ves' Mir.
19. Smirnyagin, L.V. (2008). Aglomeratsiya: za i protiv [Agglomeration: pros and cons]. *Gorodskoy al'manakh*, 3, 162–174.
20. Sosnovskaya, A.M. (2022). Politika gorodskoy identichnosti v svete diskursa kul'turnogo naslediya Sankt-Peterburga [Politics of Urban Identity in the Cultural Heritage Discourse of St. Petersburg]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 1, 68–83.
21. Sosnovskaya, A.M. (2023). Politika gorodskoy identichnosti v diskurse kul'turnogo naslediya [Urban identity politics in cultural heritage discourse] [Dissertation, St. Petersburg State University]. https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_sosnovskaya.pdf
22. Stepantsov, P. (2021). Prostranstvo solidarnosti. Pochemu my snova uydem na periferiyu aglomeratsiy [A space of solidarity. Why will we go back to the periphery of agglomerations]. In A. Drobin (Ed.), *Bol'she, chem gorod. Granitsy, masshtab i gravitatsiya gorodskikh aglomeratsiy* (pp. 90–97). Moscow: Moskovskiy urbanisticheskiy forum.
23. Fadeeva, L.A. (2023). Sek'yuritizatsiya politiki identichnosti [Securitization of identity politics]. In A.I. Soloviev (Ed.), *Politologiya. Novyy leksikon* (pp. 386–391). Moscow: Aspekt Press.
24. Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatya* [Identity: The demand for dignity and the politics of resentment]. Moscow: Al'pina Publisher.
25. Ebenezer, H. (1902). *Garden cities of Tomorrow*. London: Swan Sonnenschein & Co.
26. Ergen, M. (Ed.) (2018). *Urban Agglomeration*. InTech.
27. Fang, C., & Yu, D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
28. Fang, C. (2015). Scientifically selecting and hierarchically nurturing China's urban agglomerations for the new normal. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*,

30(2), 127–136.

29. Gottmann J. (1957). Megalopolis, or the urbanization of the North-eastern seaboard. *Economic Geography*, 33(7), 189–200.

30. Harrison, Ph. (2023). *Governing Complex City-Regions in the Twenty-First Century: Brazil, Russia, India, China, and South Africa*. Wits University Press. <https://doi.org/10.18772/12023118523>

31. Nientied, P., Aliaj, B., & Stachowiak-Bongwa, K. (2022). Social Urban Identity Formation and Local Government. *Current Urban Studies*, 10(3), 361–380.

32. Rahbarianyazd, R., & Doratli, N. (2017). Assessing the contribution of cultural agglomeration in urban regeneration through developing cultural strategies. *European Planning Studies*, 25(10), 1714–1733. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1317721>

33. Suyendikova, G.K., Ryspekova, G.K., & Niyazbekova, Sh. (2023). Urban agglomeration: developing approaches to a new phenomenon. *Bulletin of the Karaganda University. "Economy" series*, (4), 116–127.

Информация об авторе

Николай Алексеевич Баранов, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>, e-mail: nicbar@mail.ru

Information about the author

Nikolay Alekseevich Baranov, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Professor for the Department of International Relations, Northwest Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>, e-mail: nicbar@mail.ru

УДК 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_127

ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИМЕР УФИМСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Артур Ильдарович Рафиков,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
arturrafikov24@gmail.com

Получена 22.07.2024.

Поступила после рецензирования 14.08.2024.

Принята к публикации 28.08.2024.

Для цитирования: Рафиков А.И. Дискурсивное измерение политики идентичности: пример Уфимской агломерации // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 127–144. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_127

Аннотация

В статье представлены некоторые результаты исследования, проведенного в рамках реализации гранта «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта». Рассматривается дискурсивное измерение политики идентичности в Уфимской агломерации. В качестве метода исследования использован критический дискурс-анализ. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2020 по 2024 год. Эмпирическую базу исследования составили политические коммуникации властной элиты Республики Башкортостан, в которых представлен дискурс политики идентичности. Результаты исследования позволили обнаружить существенные характеристики дискурса, транслирующего видение политики идентичности в Уфимской агломерации с точки зрения властной элиты. Выявлена репрезентация Уфимской агломерации во властном дискурсе. Значимыми символами в контексте политики идентичности в Уфимской агломерации являются герои Великой Отечественной войны (герои Советского союза, бойцы и труженики тыла), национальный башкирский герой С. Юлаев. «Стержнем», вокруг которого

© Рафиков А.И., 2024

организована символическая политика в Уфимской агломерации в 2024 г., стал 450-летний юбилей Уфы. Анализ дискурса властной элиты показал, что обращение к прошлому, к истории башкирского народа и его жизни как в контексте истории России, так Башкортостана является существенным основанием политики идентичности в Уфимской агломерации.

Ключевые слова:

Уфимская агломерация, Республика Башкортостан, политика идентичности, критический дискурс-анализ

Источники финансирования:

работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта», <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

UDC 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_127

THE DISCURSIVE DIMENSION OF IDENTITY POLITICS: A CASE STUDY OF THE UFA AGGLOMERATION

Artur I. Rafikov,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
arturrafikov24@gmail.com

Received 22.07.2024.

Revised 14.08.2024.

Accepted 28.08.2024.

For citation: Rafikov, A.I. (2024). The Discursive Dimension of Identity Politics: A Case Study of the Ufa Agglomeration. *Discourse-P*, 21(3), 127–144. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_127

Abstract

The article presents findings from a study conducted under the grant “Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”. It examines the discursive dimension of identity politics within the Ufa agglomeration, employing critical discourse analysis as the primary research method. The study’s chronological framework spans from 2020 to 2024, focusing on the political communications of the ruling

elite in the Republic of Bashkortostan, where the discourse surrounding identity politics is evident. The results of the study reveal key characteristics of the discourse that convey the ruling elite's vision of identity politics in the Ufa agglomeration. The representation of the Ufa agglomeration within the ruling elite discourse is examined, highlighting symbols relevant to identity politics, including figures such as the heroes of the Great Patriotic War (Heroes of the Soviet Union, soldiers and home front workers), and the national Bashkir hero Salavat Yulaev. The 450th anniversary of Ufa, celebrated in 2024, emerged as the central theme around which symbolic politics in the Ufa agglomeration is organized. The analysis indicates that references to the past, and an exploration of the history of the Bashkir people – both in the broader context of Russian history and the specific history of Bashkortostan – constitute an essential foundation for identity politics in the Ufa agglomeration.

Keywords:

Ufa agglomeration, the Republic of Bashkortostan, identity politics, critical discourse analysis

Funding:

this study was supported with a grant from the Russian Science Foundation (grant no. 23-28-00933 “Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”). <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

Введение

Политики идентичности – актуальный объект современных исследований. Она понимается как процесс конструирования конкретных моделей восприятия себя группами людей в интересах определенных политических акторов (Попова, 2023, с. 243), как совокупность «ценностных ориентиров, практик, инструментов формирования и поддержания национальной, гражданской и других форм макрополитической идентичности» (Семененко, 2017). Исследователи выделяют также «мемориальную идентичность» (Зубанова, 2023; Шуб, 2022), определяя ее как связь отдельного человека или группы с социальной и пространственной средой бытования (Шуб, 2022, с. 75). Она включает рационально-оценочный (осознание ценности города как важного исторического объекта), деятельностный (участие в мемориальных практиках), знаково-символический (наличие в городской среде темпорально значимых для жителей объектов или пространств) и эмоциональный (ощущение связи личной биографии и городского пространства) уровни (Шуб, 2022, с. 76). Грамотная реализация политики идентичности проявляется в позитивных экономических эффектах (Киселев, Щербаков, 2013, с. 108), консолидации общества, результативном символическом позиционировании региона на общефедеральном уровне (Калашникова, 2020, с. 505), формировании ресурсов его конкурентоспособности (Назукина, 2018), в усвоении населением транслируемых элитой стереотипов и ценностных ориентаций (Попова, 2023,

с. 244). Политика идентичности в государстве реализуется властными структурами и социально-политическими акторами, а граждане формируют свою идентичность под их влиянием (Семененко, 2011). Политический актор может разрабатывать стратегию и тактику политики идентичности, осуществлять ее на практике, не используя при этом само понятие «политика идентичности».

Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, *агломерация* – урбанизированная территория, состоящая из «не входящего в состав другой агломерации города – центра агломерации... и внешней (пригородной) зоны... границы которой определяются регулярными и интенсивными трудовыми, производственными, административно-деловыми, торгово-бытовыми, транспортно-логистическими, рекреационными и другими связями»¹. Инфраструктуру агломерации формируют транспорт, социальная сфера, ЖКХ, энергетика (Меркурьев, Мягков, 2022). Семиотические аспекты пространства города многообразны; он насыщен смыслами, понимание которых позволяет постичь город как культурно-исторический феномен (Русакова, Русаков, 2017, с. 23).

Среди 120 агломераций РФ 16 – городские агломерации с «ядрами»-мегаполисами, которые являются центром принятия политико-административных решений, выступают «хабом» пересечения путей сообщения и информационных потоков, сложной системой концентрации людей и промышленных ресурсов, реализуют функцию территориальной интеграции (Попова, 2023, с. 245). Агломерации – новые точки роста и совершенствования региональной политики, способные сыграть ключевую роль в социально-экономическом развитии страны (Пузанов и др., 2023; Меркурьев, Мягков, 2022, с. 1). Территориальные границы агломераций подчас подвижны и трудноопределимы, что усложняет их административное закрепление. Высокий интерес к теме политики идентичности в агломерациях проявляют регионалисты и специалисты в области городской политики, но не занимающиеся проблемами идентичности ученые (Гришин, 2023, с. 648). Роль элит в процессе формирования идентичности исключительно высока. В рамках публичного дискурса политическая элита транслирует месседжи, призванные консолидировать население вокруг символических доминант, воспроизводит образы территории и ее жителей.

Цель данной статьи – выявление особенностей дискурса представителей субфедеральной власти по вопросам политики идентичности в Уфимской агломерации. Нас интересуют способы конструирования идентичности в ходе самопрезентации субъектов в рамках социального взаимодействия и модели субъектных позиций, представленных в дискурсе, при изучении дихотомии «свой – чужой» (Молодыхенко, 2017) или «мы – они» (Мачин, Майр, 2024), которые выступают отправной точкой формирования идентичности (Попова, 2018, с. 175).

Выборку нашего исследования составили: материалы официального сайта Главы Республики Башкортостан и его администрации, прямой линии Р. Хабирова; стенограммы его обращений к Курултаю Башкортостана в 2021–

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Взято 14 мая 2024, с <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

2023 гг.; интервью, выступления и отдельные высказывания Главы Республики Башкортостан Р. Хабирова, Премьер-министра Республики А. Назарова, мэра Уфы Р. Мавлиева, а также входящих в Уфимскую агломерацию глав администраций муниципальных районов (учитывались разные форматы: совещания, рабочие встречи, комментарии СМИ, поздравительный дискурс); материалы официальных сайтов администраций входящих в Уфимскую агломерацию муниципальных районов; материалы республиканских СМИ.

Уфимская агломерация моноцентрична и включает в себя городской округ г. Уфа (ядро агломерации) и муниципальные районы (Уфимский, Аургазинский, Благоварский, Благовещенский, Иглинский, Кармаскалинский, Кушнаренковский, Чишминский) (Караваева, 2023). Хронологические рамки исследования – с 2020 по 2024 г., когда на фоне борьбы с пандемией коронавируса и начала СВО существенно возросла политическая ответственность лидеров регионов (Калашникова, Погодина, 2024).

Результаты исследования

Основными темами изучения Уфимской агломерации выступают территориальное планирование (Волкова и др., 2024), движение миграционных потоков (Боголюбов, Закиров, 2021), демографический потенциал и социально-экономическая роль в развитии Башкортостана (Сафиуллин, 2022), символика городского пространства (Арутюнова, 2018), отражение политики идентичности в дискурсе властной элиты (Буранчин, 2019; Мажитова, 2010; Марданов, 2019; Нунуев, 2015; Смаль, Зызина, 2019; Суханов, 2008; Фролова, Уразова, 2020; Шаяхметов, 2021 и др.).

Сходные социокультурные основания моделей идентичности молодежи Уфы разных национальностей и сохраняющееся определенное психологическое дистанцирование от этно-религиозных и гражданских групп активистов трактуется учеными как сужение поля самоидентификации новых поколений (Бакина, Ягудина, 2024), что связано с активным этнокультурным взаимодействием в смешанных семьях и развитым межэтническим взаимодействием (Идиатуллов, 2012). Некоторые исследователи считают, что имеет место «тактика уравнивания»: построение идентичности на акцентировании и преувеличении сходства и нивелирования различий проживающих в Башкортостане этносов (Садуов, 2021). Вместе с тем ислам и этнический фактор используются властвующей элитой в качестве легитимирующего власть ресурса как в отношениях с федеральным центром, так и с собственным населением (Михалева, 2021). Конструирование региональной идентичности происходит в процессе социализации и политизации ислама (Почта, 2022, с. 651).

Ученые выявили в топонимических практиках в Уфе тренды этнизации, привлечения внимания именно к башкирской культуре, истории, фольклору и природе (Голомидова, 2022, с. 175). При этом в «урбанонимах» прослеживаются тенденции к подтверждению ценности равенства межэтнических отношений и языка в топонимическом ландшафте, сохранение двуязычия при оформлении знаково-символических пространств города, равно уважительное отношение к историческим деятелям русского и башкирского происхождения (Голомидова,

2022, с. 175). При анализе названий улиц Уфы сделан вывод о доминировании географических и этнических наименований и сохранении влияния советского наследия (Фадеев, 2018, с. 119). Одновременно декларируется отсутствие сбалансированной концептуальной платформы топонимической политики (Голомидова, 2022, с. 175).

Грамотная политика идентичности опирается на укрепление общегражданской составляющей, поддерживает позитивную этническую идентичность и борьбу с проявлениями деструктивного национализма (Буранчин, 2019, с. 90). В идеальном варианте формируется «матрешечная» многосоставная модель, которая соединяет разные уровни идентичности: гражданская («российская политическая нация»), региональная («башкортостанцы»), этническая и прилегающая к ней религиозная идентичность (традиционные конфессии РБ), локальная (самоощущение человека со своей «малой родиной»).

Глава Республики Р. Хабиров подчеркивает роль государственной национальной политики в создании условий, позволяющих каждому народу сохранить свою национальную самобытность, родной язык, способствует межэтнической консолидации народов Башкортостана.

Масштабные празднования по поводу столетия Республики Башкортостан включали циклы телевизионных передач, историко-художественный фильм «Первая Республика», серию научно-практических конференций, в т. ч. Международный научный форум «Единство. Гражданственность. Патриотизм». Заявленная цель мероприятий – «возрождение и укрепление у жителей региона культурной памяти, связанной с крупными вехами региональной истории в контексте общероссийских и мировых реалий, что в итоге будет способствовать формированию *специфической башкортостанской идентичности, являющейся частью идентичности общероссийской*» (Фролова, Уразова, 2020). Имеет символическое значение Всероссийская научно-практическая конференция «Городские башкиры: этническая идентичность в условиях полиэтничного города», прошедшая в 2024 г.

В официальном дискурсе региональной политической элиты Башкортостана тема Уфимской агломерации связана с развитием инфраструктуры. В 2021 г. были приняты решения о строительстве новой железнодорожной ветки для организации пригородного сообщения, запуске кольцевого движения скоростных электричек, новых мостовых сооружений и транспортных развязок. Мэр Уфы Р. Мавлиев указывает на явное несоответствие возможностей построенной четверть века назад дорожной сети сегодняшнему городскому пространству². Запланировано строительство новых сетей водоснабжения и водоотведения. В 2023 г. заявлено о комплексной реформе транспорта Уфимской агломерации.

Разработан генеральный план развития Уфы до 2042 г. Основные принципы ее развития – полицентричность, опережающее развитие транспортной, социальной и инженерной инфраструктуры, многообразие типов городской среды и комплексности застройки жилых территорий. Демографические прогнозы

² Ратмир Мавлиев. Татарстан, ЖКХ, критика и планы. Прогулка с мэром Уфы (2022, 1 июня). Телеканал UTV. Взято 12 июля 2024, с <https://www.youtube.com/watch?v=vl7JYd3m9VI>

показывают, что население Уфимской агломерации существенно вырастет, что требует адаптации ее развития к новым реалиям.

Уфа характеризуется главой Башкортостана Р. Хабировым как территория концентрации мощных ресурсов не только агломерации, но региона в целом: «Уфа – это мощь, сила и интеллект региона, именно здесь формируются многие смыслы»³. Уфа полиэтничный город, развивающий принципы межнационального согласия («Многоязычное и межнациональное единство – это наше богатство и его надо беречь, как всякое богатство»). Межнациональное согласие оценивается как объект атаки со стороны экстремистов («Вы посмотрите, насколько агрессивно пытаются ударить именно по межнациональному согласию. Любой момент подхватывается зарубежными, прежде всего недружественными странами, и постоянно идёт атака»⁴).

Мэр Уфы Р. Мавлеев подчеркивает необходимость стратегического развития городской территории, *синхронизации* различных программ благоустройства, гибкого подхода в развитии городского пространства. В поздравительном дискурсе представителей власти Уфа позиционируется как «*флагман экономики, научного развития и культурной жизни*»⁵, образ столицы республики и ее жителей сливаются: «*Судьба Уфы – это переплетение миллионов судеб уфимцев. Она такая же многогранная, как и ее жители: радостная, красивая, перспективная, трудолюбивая, надежная, мудрая, уважительная*»⁶. Акцентируется различие образа жителей Уфы до 2020 г. и в настоящее время: ранее подчеркивалось «*уныние, неверие в собственные силы, какая-то озлобленность всех и вся вокруг на всё*», сейчас Р. Хабиров характеризует уфимцев как «*носителей интеллектуального и энергетического потенциала Республики*», «*активных и мыслящих граждан, как самую высокоинтеллектуальную, образованную, нестандартно и самостоятельно мыслящую категорию людей республики*». Они «*красивые, умные, талантливые, полные идей и желания идти вперед*»⁷.

450-летний юбилей Уфы – «*начало нового пути, нового уровня комфорта у жителей столицы*»⁸. По словам Р. Хабирова, благодаря федеральному статусу

³ Денисова, Л. (2023, 18 января). *Радий Хабиров назвал Уфу мощью, силой и интеллектом для всех жителей Башкирии*. Взято 12 июля 2024, с <https://clck.ru/3C5jLF>

⁴ Радий Хабирову представили проект генплана Уфы (2021, 25 мая). *Официальный сайт Главы Республики Башкортостан*. Взято 19 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/142101.html?sphrase_id=26935252

⁵ *Уфимцев поздравили с днем Республики Башкортостан* (2022, 6 октября). Взято 19 июля 2024, с <https://pressaufa.ru/2022/10/06/ufimcev-pozdravili-s-dnem-respubliki-bashkortostan/>

⁶ Что бы вы пожелали Уфе, отмечающей 450 лет со дня основания? (2024, 11 июня). *Коммерсантъ*. Взято 12 июля 2024, с <https://www.kommersant.ru/doc/6747895>

⁷ «Уфимцы – это не просто так»: Радий Хабиров охарактеризовал жителей столицы Башкирии (2020, 4 марта). *Башинформ*. Взято 19 июля 2024, с <https://clck.ru/3C8uu4>

⁸ Ратмир Мавлиев. Татарстан, ЖКХ, критика и планы. Прогулка с мэром Уфы (2022, 1 июня). *Телеканал UTV*. Взято 12 июля, 2024 с <https://www.youtube.com/watch?v=vl7JYd3m9VI>

юбилея появился «уникальный шанс преобразить Уфу... осовременить город, вдохнуть в него новую жизнь и сделать одним из опорных городов страны»⁹. К юбилею приурочена реализация проектов по «благоустройству парков, скверов и общественных пространств, строительству ряда объектов, а также реконструкции и ремонту зданий и сооружений»¹⁰.

Информационный сайт о праздничных проектах постоянно обновляется, но подготовка к юбилею началась несколько лет назад. Так, в 2015 г. в селе Шаймуратово был открыт памятник Минигали Шаймуратову, командиру 112-ой кавалерийской дивизии времен Великой Отечественной войны. Р. Хабиров провел параллели между героизмом этого военного и народа в целом: «Счастлив тот народ, у которого есть герои. Вдвойне счастлив тот народ, у которого есть такие герои, как генерал Шаймуратов <...> именно герои объединяют нас, заставляют думать, помнить нашу историю и понимать, что все мы – одна большая семья». Правительство Республики и общественные организации активно добивались присвоения М. Шаймуратову звания Героя Советского Союза. 30 марта 2020 г. В.В. Путин подписал соответствующий Указ. 11 октября 2022 г. на Советской площади Уфы был торжественно открыт монументальный памятник Герою России, «сыну башкирского народа»¹¹ генерал-майору М. Шаймуратову. Под основанием памятника лежит земля с места гибели комдива. Глава Башкортостана обозначил открытие памятника как «важную часть проводимой в стране большой работы по сохранению и защите исторической памяти». Были учреждены мемориальный день и региональная награда («Мы очень дорожим нашей историей. В прошлом году учредили новую дату – День 112-й Башкирской кавалерийской дивизии 13 ноября – и две региональные награды – Орден Шаймуратова и Орден Аксакова»¹²).

Запланирована реставрация объекта культурного наследия федерального значения, открытого 17 ноября 1967 г. на берегу реки Белой памятника башкирскому национальному герою и поэту-сказителю Салавату Юлаеву, который принял активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг. на стороне Е. Пугачева в восстании против правительства Екатерины Второй. Изображение соответствует антропологическим особенностям южносибирского типа, широко представленного среди северо-восточной этнографической группы башкирского народа (Юсупов, 2010, с. 54). Образ С. Юлаева как борца с царским режимом актуализировался в советское время: освоение национальных нарративов и их встраивание в общий гражданский контекст способствовало формированию наднациональной советской легитимности, настроенной на дружбу народов.

⁹ УФА 450. Администрация городского округа город Уфа Республики Башкортостан. Взято 13 июля 2024, с <https://ufa450.ru/>

¹⁰ Там же.

¹¹ Радий Хабиров: «Счастлив тот народ, у которого есть такие герои, как генерал Шаймуратов» (2019, 31 августа). Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. Взято 19 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/126076.html

¹² Радий Хабиров обратился с Посланием Государственному Собранию – Курултайу Башкортостана (2021). Глава Республики Башкортостан. Взято 12 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/vystupleniya/138801.html

В сегодняшней интерпретации эта самая крупная конная скульптура в России воплощает в себе доблесть и свободолюбие башкирского народа, боевое братство народов России, возможность совместного поиска справедливости¹³. В социальных сетях активно проводится мысль о том, что С. Юлаева следует рассматривать в контексте борьбы башкир за свою идентичность, за особый статус Башкортостана¹⁴.

В 2022 г. Указом Президента РФ Уфе было присвоено почетное звание «Уфа – город трудовой доблести»¹⁵. Премьер-министр Башкортостана А. Назаров охарактеризовал это как признание «*заслуг земляков, их вклада в Великую Победу и мирную жизнь*». 3 ноября 2022 г. в Кировском районе Уфы была открыта 20-метровая стела, которая символизирует массовый трудовой героизм, самоотверженность уфимцев во время Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления страны. Стела открыта недалеко от въезда в город и монумента «Дружбы», символизирующего вхождение Башкортостана в состав Российского государства.

Основная идея проекта «*Уфимское ожерелье*» – объединение в маршрутную экосеть с возможностью охвата всей береговой линии Уфимского полуострова уникальных велосипедных и пешеходных маршрутов длиной 70 км и пересекающих 6 внутригородских районов¹⁶. Уфа расположена на Уфимских холмах в водоразделе рек Уфа и Белая. Мэр Уфы Р. Мавлиев закладывает в проект концепцию пятнадцатиминутной доступности природы для горожан. «*Уфимское ожерелье*» позволит «*выявить и подчеркнуть ландшафтную идентичность*» Уфы, будет развивать городское парковое пространство и зоны активного отдыха. Руководство Башкортостана поддерживает инициативу мэрии Уфы, общественных и спортивных организаций: «*Очень здорово, что инициатива мэрии Уфы постепенно обретает реальные очертания. Мы видим, как вокруг города новые участки, словно бусинки, нанизываются на ожерелье*»¹⁷.

В Уфимскую агломерацию помимо мегаполиса входят еще несколько административных районов, в каждом из которых представители местной власти активно стремятся проводить политику идентичности, размещая соответствующие материалы на официальных сайтах своих муниципальных образований. Глава Уфимского муниципального района Н. Ельников позиционирует его как

¹³ Валиев, А. Почему Салават Юлаев стал народным героем Башкирии? (2022, 16 июня). *Башинформ*. Взято 18 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6vVJ>

¹⁴ Давлетбаев А. (2023, 16 июня). «Он был последним батыром». Каким был главный герой Башкирии Салават Юлаев? *Пруфы. Свободная медиаплатформа*. Взято 15 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6vPf>

¹⁵ Указ о присвоении почётного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» (2020, 2 июля). *Президент России*. Взято 18 июля 2024, с <http://kremlin.ru/events/president/news/63596>

¹⁶ Уфимское ожерелье. *Администрация городского округа город Уфа Республики Башкортостан*. Взято 14 июля 2024, с <https://necklace.gorodufa.ru/>

¹⁷ Гиззатуллин, А. (2023, 19 июля). Восемь бусинок «Уфимского ожерелья»: в столице Башкирии создают 70-километровый пеший маршрут. *Башинформ*. Взято 18 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6vuF>

территорию этнического согласия («В Уфимском районе в дружбе и согласии живут представители более 55 национальностей со своим языком, самобытной культурой, историей и традициями»¹⁸), центр крупнейших исторических событий времен восстания Е. Пугачева и место формирования знаменитой 112-ой Башкирской кавалерийской дивизии под командованием М. Шаймуратова.

Глава Благовещенского муниципального района А. М. Карабанова считает Благовещенский арматурный завод¹⁹ не просто символом и важной вехой становления города, но развития металлургии как опоры всей страны. Р. Хабиров позиционирует Благовещенск как инвестиционно привлекательную территорию с высокой деловой активностью, один из индустриальных и социально-экономических центров развития республики в целом. Символическая политика памяти воплощена в мемориалах памяти воинам времен Великой Отечественной и Афганской войн, а также в бюсте С. Юлаева. Иглинский муниципальный район позиционируется как богатая полезными ископаемыми территория и зона развития животноводства и растениеводства. Республиканская автотрасса Уфа – Иглино – Красная горка издавна использовалась для развития торговли и популяризации местных ремесел. Чишминский муниципальный район многонационален и позиционируется как один «из самых развитых и насыщенных производственными мощностями», менталитет жителей которого обусловлен географической близостью к Уфе²⁰. Он значим в конфессиональном плане; здесь действуют 26 мечетей, ежегодно проходят мероприятия, посвященные памяти первого имама Башкортостана Хаджи Хусейн-бека. Расположенный на окраине поселка Чишмы мавзолей имама имеет статус мусульманской святыни. В выступлениях Р. Хабиров неоднократно упоминает Евразийский музей кочевых цивилизаций²¹, который планируется открыть на территории Чишминского района: «Это на самом деле большой проект... музей как научная и экспозиционная составляющая... центр башкирской лошади и этнодеревня. Представим там сельский средневековый древний Башкортостан в миниатюре – кузнецы, кожевники, шорники, кумысоделие, пасека»²². «Мы понимаем, где родились, откуда вышли. Важно понять – кто мы. Это следующий этап познания, который в перспективе позволит пройти Евразийский музей кочевых цивилизаций»²³.

¹⁸ Ельников, Н. (2024, 21 февраля). Публикация в социальной сети VK. Взято 17 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6w7r>

¹⁹ Карабанова, А. (2024, 19 июля). Публикация в социальной сети VK. Взято 20 июля 2024, с https://vk.com/karabanova_an?w=wall593833959_12449

²⁰ Официальный сайт муниципального района Чишминский район Республики Башкортостан. Взято 16 июля 2024, с <https://chishmy.bashkortostan.ru/>

²¹ Радий Хабиров обратился с Посланием Государственному Собранию – Курултай Башкортостана. (2023). Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. Взято 15 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/vystupleniya/173125.html

²² «Прямая линия» с Главой Башкортостана Радием Хабировым (2023). Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. Взято 15 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/intervyu_news/172361.html?clckid=cb4f25b1

²³ Гиззатуллин, А. (2023, 15 февраля). Дорогу осилит идущий: в Башкирии создают

Аургазинский, Благоварский, Кармаскалинский, Кушнаренокский, муниципальные районы позиционируются их главами как многонациональные перспективные сельскохозяйственные центры, в которых чтут память героев Великой Отечественной войны. «Мы» – это трудолюбивые, талантливые, бесконечно преданные своей малой родине жители. В *Кармаскалинском муниципальном районе* особо поддерживается память о командире 112-й Башкирской кавалерийской дивизии М. Шаймауратове, в честь которого 11 сентября 2015 г. был открыт мемориал. В *Аургазинском районе* глава администрации акцентирует создание «Аургазинского землячества»²⁴ как ответ на инициативу главы республики по развитию проекта «Атайсал» в 2023 г., направленного на объединение выходцев из республики и решение проблем жителей деревень. *Кушнаренокский район* позиционируется властями как экономически стабильный и инвестиционно привлекательный благодаря близости к Уфе. В *Благоварском районе* особо чтут события Крестьянской войны 1773–1775 гг.

Заключение

Проведенное исследование позволило на основе анализа дискурса представителей региональной и муниципальной власти зафиксировать особенности проводимой политики идентичности в Уфимской агломерации. В отличие от некоторых других агломераций, здесь она не проводится системно, хотя тема «своей территории», образа «мы» поднимается в разных контекстах и присутствует в дискурсе политиков субфедерального и муниципального уровней Башкортостана постоянно. Значимыми символами остаются герои Великой Отечественной войны (герои Советского Союза, бойцы, труженики тыла), и национальный башкирский герой С. Юлаев. В официальном политическом дискурсе актуализировано обращение к прошлому, традициям и истории башкирского народа в контексте истории и Башкортостана, и России.

450-летний юбилей Уфы в 2024 г. стал не просто значимым информационным поводом в новостной повестке, но и своеобразным стержнем, вокруг которого сформирована актуальная политика идентичности в Уфимской агломерации. Мероприятия по благоустройству городских пространств, реконструкции и строительству социально значимых сооружений, формирования памятных мест являются важной составляющей символической политики. Во всех входящих в состав Уфимской агломерации муниципальных районах системообразующей с точки зрения политики идентичности является тема Великой Отечественной войны: сохраняется память о героях, воздвигнуты памятники павшим бойцам и труженикам тыла. Универсальной остается тема многонациональности в образе «мы».

Предпринимаются попытки модернизации имиджа республики. Весьма показателен образ Башкортостана в контексте политики идентичности

Евразийский центр кочевых цивилизаций. *Башинформ*. Взято 15 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6xuf>

²⁴ О заслугах знают все земляки. (2022, 1 декабря). *Электронная газета Аургазинского района*. Взято 21 июля 2024, с <https://clck.ru/3C6wn5>

на Международной выставке «Россия» на ВДНХ в Москве, открытой 4 ноября 2023 г. Экспозиция Республики Башкортостан была представлена в формате высокотехнологичного стенда, в виде космического корабля. Р. Хабиров заявил: «Мы сделали звездолет не просто так. Предки башкир – кочевники. И мы хотели показать, какой интересный и яркий путь прошел Башкортостан. Мы начинали как кочевники, а сейчас устремились к звездам. Через звездолет – футуристический объект – мы хотим показать, что находимся в стадии очень интенсивного технологического развития. <...> Основная идея, образ – Башкортостан расправляет крылья»²⁵.

Список литературы

1. Арутюнова, Е. М. (2018). Визуальное отражение идентичностей в столицах регионов: опыт исследования в Башкортостане и ХМАО-Югре. *Этносоциум и межнациональная культура*, (7), 46–56.
2. Бакина, А. В., Ягудина, Т. И. (2024). Социальная идентичность молодежи города Уфа. *Амурский научный вестник*, (1), 4–9.
3. Боголюбов, А. В., Закиров, И. В. (2021). Миграционное движение сельского населения Республики Башкортостан: актуальные тенденции. *Географическая среда и живые системы*, (2), 30–45. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2021-2-30-45>
4. Буранчин, А. (2019). Общегражданская идентичность в контексте национальной политики Республики Башкортостан. *Ватандаш*, (7), 82–91.
5. Волкова, И. Н., Крылов, П. М., Семина, И. А., Фоломейкина, Л. Н. (2024). Проблемы территориального планирования городских агломераций (на примере Республики Башкортостан). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле*, 24(2), 84–91. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2024-24-2-84-91>
6. Голомидова, М. В. (2022). Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы. *Вопросы ономастики*, 19(1), 160–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
7. Гришин, Н. В. (2023). Политика идентичности в городских агломерациях: обзор современной научной литературы. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 19(4), 648–662. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.410>
8. Зубанова, Л. Б. (2023). Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест. *Челябинский гуманитарий*, (1), 32–38.
9. Идиатуллин, А. К. (2012). Амбивалентная религиозная идентичность жителей Уфы. В Е. Ю. Анисимова и др. (Ред.), *Географическая наука и образование: интеграция теории и практики: сб. материалов I Междунар. заочной науч.-практ. конф.* (с. 69–71). Ульяновск.
10. Калашникова, С. К., Погодина, М. Я. (2024). Российские агломерации

²⁵ Интервью Радия Хабирова телеканалу «Россия 24» (2023, 8 декабря). *Официальный сайт Главы Республики Башкортостан*. Взято 15 июля 2024, с https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/172794.html

в контексте территориальной политики идентичности: опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов. *Дискурс-Пи*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

11. Калашникова, С.К. (2020). Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 16(4), 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>

12. Караваева, Т. (2023). *Агломерации – точки роста в эпоху турбулентности*. Москва: Фонд «Центр стратегических разработок».

13. Киселев, К.В., Щербаков, А.Ю. (2013). Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 13(4), 107–118.

14. Мажитова, А.Р. (2010). Национальная политика Республики Башкортостан как путь решения проблемы идентичности личности в современном обществе. *Вестник Челябинского государственного университета*, (16), 108–111.

15. Марданов, М.Х. (2019). Социокультурные, этнические, языковые процессы в Республике Башкортостан в контексте реализации государственной национальной политики. В *Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конференции* (с. 11–18). Уфа: Инеш.

16. Мачин, Д., Майр, А. (2024). *Как сделать критический дискурс-анализ. Руководство по применению*. Санкт-Петербург: О-во любителей интеллектуальной книги.

17. Меркурьев, В.В., Мягков, Е.В. (2022). Развитие агломераций: этапы, отечественные и зарубежные практики. *Региональная экономика и управление*, (3), 1–17.

18. Михалева, А.В. (2021). Этнорелигиозный ресурс в конструировании региональной идентичности главой республики Башкортостан в социальных сетях. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13(4), 556–576.

19. Молодыхенко, Е.С. (2017). Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*, 8(3), 122–133. <https://doi.org/10.18721/JHSS.8312>

20. Назукина, М.В. (2018). Наименование как инструмент конструирования территориальной идентичности (на примере выбора названия для нового терминала пермского аэропорта). *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, (4), 54–61. <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.8>

21. Нунуев, С.Х.М. (2015). Политика формирования российской гражданской идентичности: конфессиональный аспект (на примере регионов распространения ислама). *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (1), 272–278.

22. Попова, О.В. (2018). Модели идентичности политических акторов в современной России. *Политическая наука*, (2), 173–194.

23. Попова, О.В. (2023). Концепт «политика идентичности в агломерациях». В Т.А. Сенюшкина (Ред.), *Политическое пространство и социальное время*:

аксиология власти и общественный идеал: сб. науч. трудов ХLI Междунар. Харакского форума (с. 242–248). Симферополь: Ариал.

24. Почта, Ю.М. (2022). Конструирование идентичности мусульманских регионов России в контексте формирования общероссийской идентичности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(4), 651–664. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-651-664>

25. Пузанов, А.С., Попов, Р.А., Полиди, Т.Д., Гершович, А.Я. (2023). *Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития*. Москва: Фонд «Институт экономики города».

26. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). Город как пространство исторической памяти. *Дискурс-Пи*, (1), 22–33.

27. Садуов, Р.Т. (2021). Идентичность сквозь призму многоязычного ландшафта в многонациональной республике (на примере Республики Башкортостан). *Modern Humanities Success (Успехи гуманитарных наук)*, (3), 177–180.

28. Сафиуллин, М.Р. (2022). Социально-экономическая роль Уфимской агломерации Республики Башкортостан: проблемы и тренды. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, 43(2), 11–21. https://doi.org/10.24412/1728-5283_2022_2_11_21

29. Семененко, И.С. (2011). Политическая идентичность в контексте политики идентичности. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 7(2), 5–24.

30. Семененко, И.С. (2017). Политика идентичности. В И.С. Семененко (Ред.), *Идентичность: Личность, общество, политика: энцикл. изд.* (с. 647–655). Москва: Весь Мир.

31. Смаль, С.В., Зызин, П.Д. (2019). Социальная политика как инструмент укрепления общегражданской идентичности: опыт сравнения социального обеспечения Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Башкортостан. В А.С. Гаязов и др. (Ред.), *Единство. Гражданственность. Патриотизм: сб. науч. трудов к 100-летию Республики Башкортостан* (Т. 2, с. 232–236). Уфа: Мир Печати.

32. Суханов, В.М. (2008). Башкортостан: проблемы идентичности в мультикультурном пространстве. *Полис. Политические исследования*, (4), 55–65.

33. Фадеев, П.В. (2018). Представленность региональной, государственной и этнической идентичностей в уличном пространстве (на примере двух столиц российских регионов – Уфы и Ханты-Мансийска). *Инноватика и экспертиза*, (4), 114–122.

34. Фролова, И.В., Уразова, А.И. (2020). Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан. *Новейшая история России*, 10(4), 1019–1031. <https://doi.org/10.21638/11701/srbu24.2020.413>

35. Шаяхметов, Ф.Ф. (2021). Коммеморативные практики и конструирование идентичностей Башкортостана. В Р.Р. Тувагуллин (Ред.), *Мир Евразии: от древности к современности: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.*, (Т. 1, с. 356–363). Уфа: Башкир. гос. ун-т.

36. Шуб, М.Л. (2022). Мемориальная идентичность в структуре локальной

идентичности жителей индустриальных городов южного Урала. *Дискурс-Пи*, 19(2), 72–87. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

37. Юсупов, Р.М. (2010). Облик Салавата Юлаева по данным антропологии. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, 15(2), 51–54.

References

1. Arutyunova, E.M. (2018). Vizual'noe otrazhenie identichnostey v stolitsakh regionov: opyt issledovaniya v Bashkortostane i KhMAO-Yugre [Visual reflection of identities in regional capitals: research experience in Bashkortostan and Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (7), 46–56.
2. Bakina, A.V., & Yagudina, T.I. (2024). Sotsial'naya identichnost' molodezhi goroda Ufa [Social Identity of Youth in the City of Ufa]. *Amurskiy nauchnyy vestnik*, (1), 4–9.
3. Bogolyubov, A.V., & Zakirov, I.V. (2021). Migratsionnoe dvizhenie sel'skogo naseleniya Respubliki Bashkortostan: aktual'nye tendentsii [Migration of Rural Population in the Republic of Bashkortostan: Current Trends]. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, (2), 30–45. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2021-2-30-45>
4. Buranchin, A. (2019). Obshchegrazhdanskaya identichnost' v kontekste natsional'noy politiki Respubliki Bashkortostan [Civil identity in the context of the national policy of the Republic of Bashkortostan]. *Vatandash*, (7), 82–91.
5. Fadeev, P.V. (2018). Predstavlenost' regional'noy, gosudarstvennoy i etnicheskoy identichnostey v ulichnom prostranstve (na primere dvukh stolits rossiyskikh regionov – Ufy i Khanty-Mansiyska) [Representation of Regional, State and Ethnic Identities in Street Space (Example of two Regional Capitals – Ufa and Khanty-Mansiysk)]. *Innovatika i ekspertiza*, (4), 114–122.
6. Frolova, I.V., & Urazova, A.I. (2020). Politika pamyati i istoricheskaya nauka: nauchnye itogi goda, posvyashchennogo stoletiyu Respubliki Bashkortostan [Memory Policy and Historical Science: Scientific Results of the Year Dedicated to the Centenary of the Republic of Bashkortostan]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 10(4), 1019–1031. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.413>
7. Golomidova, M.V. (2022). Gorodskie toponimy v aspekte translyatsii regional'noy identichnosti: keys goroda Ufy [Urban Toponymy as a Means of Manifesting Regional Identity: the Case of Ufa City]. *Voprosy onomastiki*, 19(1), 160–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
8. Grishin, N.V. (2023). Politika identichnosti v gorodskikh aglomeratsiyakh: obzor sovremennoy nauchnoy literatury [Identity Politics in Urban Agglomerations: a Review of Modern Scientific Literature]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 19(4), 648–662. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.410>
9. Idiatullov, A.K. (2012). Ambivalentnaya religioznaya identichnost' zhiteley Ufy [[Ambivalent religious identity of Ufa residents]. In E. Yu. Anisimova et al. (Eds.), *Geograficheskaya nauka i obrazovanie: integratsiya teorii i praktiki: sb. materialov I Mezhdunar. zaочноy nauch.-prakt. konf.* (pp. 69–71). Ulyanovsk.
10. Kalashnikova, S.K. (2020). Regional'naya politika identichnosti: obraz

Sankt-Peterburga v diskurse liderov regiona [Regional Identity Politics: the Image of St. Petersburg in the Discourse of Regional Leaders]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 16(4), 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>

11. Kalashnikova, S.K., & Pogodina, M. Ya. (2024). Rossiyskie aglomeratsii v kontekste territorial'noy politiki identichnosti: opyt kriticheskogo diskurs-analiza vystupleniy liderov regionov [Russian Agglomerations in the Context of Territorial Identity Politics: Critical Discourse Analysis of Regional Authorities' Speeches]. *Diskurs-Pi*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

12. Karavaeva, T. (2023). *Agglomeratsii – tochki rosta v epokhu turbulentnosti* [Agglomerations are points of growth in the era of turbulence]. Moscow: Fond “Tsentr strategicheskikh razrabotok”.

13. Kiselev, K. V., & Shcherbakov, A. Yu. (2013). Regional'naya identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii: Chelyabinskiy sluchay [Regional Identity in Sociological Dimension: Case of Chelyabinsk Oblast]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 13(4), 107–118.

14. Machin, D., & Mayr, A. (2024). *Kak sdelat' kriticheskiy diskurs-analiz. Rukovodstvo po primeneniyu* [How to make a critical discourse analysis. Application guide]. St. Petersburg: O-vo lyubiteley intellektual'noy knigi.

15. Mardanov, M. Kh. (2019). Sotsiokul'turnye, etnicheskie, yazykovye protsessy v Respublike Bashkortostan v kontekste realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki [Socio-Cultural, Ethnic, Language Processes in the Republic of Bashkortostan in the Context of Implementation of State National Policy]. In *Sotsiokul'turnye, etnicheskie i yazykovye protsessy na evraziyskom prostranstve: sb. statey po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii* (pp. 11–18). Ufa: Inesh.

16. Mazhitova, A. R. (2010). Natsional'naya politika Respubliki Bashkortostan kak put' resheniya problemy identichnosti lichnosti v sovremennom obshchestve [The National Policy of the Republic of Bashkortostan as a way to solve the problem of personal identity in modern society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (16), 108–111.

17. Merkur'yev, V. V., & Myagkov, E. V. (2022). Razvitie aglomeratsiy: etapy, otechestvennye i zarubezhnye praktiki [Development of Agglomerations: Stages, Domestic and Foreign Practices]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie*, (3), 1–17.

18. Mikhaleva, A. V. (2021). Etnoreligioznyy resurs v konstruirovaniy regional'noy identichnosti glavoy respubliki Bashkortostan v sotsial'nykh setyakh [Ethno-Religious Resource in the Construction of Regional Identity by the Head of the Republic of Bashkortostan in Social Networks]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 13(4), 556–576.

19. Molodychenko, E. S. (2017). Identichnost' i diskurs: ot sotsial'noy teorii k praktike lingvisticheskogo analiza [Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 8(3), 122–133. <https://doi.org/10.18721/JHSS.8312>

20. Nazukina, M. V. (2018). Naimenovanie kak instrument konstruirovaniya territorial'noy identichnosti (na primere vybora nazvaniya dlya novogo

terminala permskogo aeroporta) [Naming as a Tool of Constructing Territorial Identity (on the Example of Choosing the Name for the New Terminal of the Perm Airport)]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, (4), 54–61. <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.8>

21. Nunuev, S.Kh.M. (2015). Politika formirovaniya rossiyskoy grazhdanskoj identichnosti: konfessional'nyy aspekt (na primere regionov rasprostraneniya islama) [Policy for the Formation of the Russian Civil Identity: the Confessional Aspect (Drawing on the Example of Islam Regions)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (1), 272–278.

22. Pochta, Yu.M. (2022). Konstruirovaniye identichnosti musul'manskikh regionov Rossii v kontekste formirovaniya obshcherossiyskoy identichnosti [Construction Of The Identity Of Russia's Muslim Regions In The Context Of The Emerging All-Russian Identity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 24(4), 651–664. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-651-664>

23. Popova, O.V. (2018). Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoy Rossii [Identity Models of Political Actors in Contemporary Russia]. *Politicheskaya nauka*, (2), 173–194.

24. Popova, O.V. (2023). Kontsept “politika identichnosti v aglomeratsiyakh” [Concept “Identity Policy in Agglomerations”]. In T.A. Senyushkina (Ed.), *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: aksiologiya vlasti i obshchestvennyy ideal: sb. nauch. trudov XLI Mezhdunar. Kharakskogo foruma* (pp. 242–248). Simferopol': Arial.

25. Puzanov, A.S., Popov, R.A., Polidi, T.D., & Gershovich, A.Ya. (2023). *Gorodskie aglomeratsii v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Urban agglomerations in modern Russia: problems and prospects of development]. Moscow: Fond “Institut ekonomiki goroda”.

26. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). Gorod kak prostranstvo istoricheskoy pamyati [The City as a Space of Historical Memory]. *Diskurs-Pi*, (1), 22–33.

27. Saduov, R.T. (2021). Identichnost' skvoz' prizmu mnogoyazychnogo landshafta v mnogonatsional'noy respublike (na primere Respubliki Bashkortostan) [Identity Through the Prism of Multilingual Landscape in a Multinational Republic (on the Example of the Republic of Bashkortostan)]. *Modern Humanities Success (Uspekhi gumanitarnykh nauk)*, (3), 177–180.

28. Safiullin, M.R. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskaya rol' Ufimskoy aglomeratsii Respubliki Bashkortostan: problemy i trendy [The Socio-Economic Role of the Ufa Agglomeration of the Republic of Bashkortostan: Problems and Trends]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 43(2), 11–21. https://doi.org/10.24412/1728-5283_2022_2_11_21

29. Semenenko, I.S. (2011). Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti [Political Identity and Identity Politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 7(2), 5–24.

30. Semenenko, I.S. (2017). Politika identichnosti [Identity Policy]. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika: entsikl. izd.* (pp. 647–655). Moscow: Ves' Mir.

31. Shayakhmetov, F.F. (2021). Kommemorativnye praktiki i konstruirovaniye

identichnostey Bashkortostana [Commemorative practices and the construction of Bashkortostan identities]. In R.R. Tuvatullin (Ed.), *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.*, (Vol. 1, pp. 356–363). Ufa: Bashkir. gos. un-t.

32. Shub, M.L. (2022). Memorial'naya identichnost' v strukture lokal'noy identichnosti zhitel'ey industrial'nykh gorodov yuzhnogo Urala [Memorial Identity in the Local Identity Structure of Industrial Cities Residents in the Southern Urals]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 72–87. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

33. Smal, S.V., & Zyzin, P.D. (2019). Sotsial'naya politika kak instrument ukrepleniya obshchegrazhdanskoy identichnosti: opyt sravneniya sotsial'nogo obespecheniya Sankt-Peterburga, Leningradskoy oblasti i Respubliki Bashkortostan [Social policy as a tool for strengthening civil identity: the experience of comparing social security in St. Petersburg, the Leningrad Region and the Republic of Bashkortostan]. In A.S. Gayazov et al. (Eds.), *Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm: sb. nauch. trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan* (Vol. 2, pp. 232–236). Ufa: Mir Pechati.

34. Sukhanov, V.M. (2008). Bashkortostan: problemy identichnosti v mul'tikul'turnom prostranstve [Bashkortostan: the Problems of Identity in a Multi-Cultural Region]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 55–65.

35. Volkova, I.N., Krylov, P.M., Semina, I.A., & Folomeykina, L.N. (2024). Problemy territorial'nogo planirovaniya gorodskikh aglomeratsiy (na primere Respubliki Bashkortostan) [The Problems of Territorial Planning in Urban Agglomerations (Using the Case Study of the Republic of Bashkortostan)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle*, 24(2), 84–91. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2024-24-2-84-91>

36. Yusupov, R.M. (2010). Oblik Salavata Yulaeva po dannym antropologii [Salawat Yulaevs Appearance on Anthropological Evidence]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 15(2), 51–54.

37. Zubanova, L.B. (2023). Memorial'naya identichnost': mezhdum mestom pamyati i pamyat'yu mest [Memorial Identity: Between the Place of Remembrance and the Memory of Places]. *Chelyabinskii gumanitarniy*, (1), 32–38.

Информация об авторе

Артур Ильдарович Рафиков, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1118-5795>, e-mail: arturrafikov24@gmail.com

Information about the author

Artur Ildarovich Rafikov, PhD (Political Science), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1118-5795>, e-mail: arturrafikov24@gmail.com

УДК 324

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_145

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ирина Маратовна Виноградова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
iren121121@ya.ru

Получена 09.08.2024.

Поступила после рецензирования 03.09.2024.

Принята к публикации 05.09.2024.

Для цитирования: Виноградова И.М. Институциональное политическое доверие как фактор консолидации российского общества // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 145–173. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_145

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа данных социологических исследований по изучению институционального доверия в России с 2001 по 2023 гг., а также результаты социологического мониторинга «Консолидирующие политические ценности и ключевые факторы повышения институционального доверия российских граждан», проведенного в августе 2024 г. Целью статьи является оценка влияния институционального доверия на консолидационные процессы в российском обществе. В работе определяются ключевые факторы институционального недоверия российских граждан, анализируется динамика доверия, формируется вывод, что фактором, оказывающим наибольшее влияние на уровень политического институционального доверия, является возраст гражданина. В исследовании на основе многолетних эмпирических данных формируются выводы о ключевых причинах динамики общего уровня политического институционального доверия. Они связаны

© Виноградова И.М., 2024

с крупными внешне- и внутривнутриполитическими событиями, где рост доверия обусловлен эффектом «сплочения вокруг флага» на фоне внешнеполитических побед, а его падение – с внутривнутриполитическими проблемами. Обоснован вывод о существовании взаимосвязи между типом основного источника получения информации гражданами и его уровнем политического институционального доверия. Высокий уровень доверия политическим институтам обеспечивает сотрудничество между властью и обществом, увеличивает поддержку действий, инициированных властью, является фактором консолидации общества, так как люди с высоким уровнем политического институционального доверия чаще склонны разделять коммунитарные ценности, способствующие росту социальной солидарности.

Ключевые слова:

институциональное доверие, политическое доверие, доверие как фактор консолидации, социальная консолидация

Источники финансирования:

статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00427.

UDC 324

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_145

INSTITUTIONAL POLITICAL TRUST AS A FACTOR IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

Irina M. Vinogradova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Iren121121@ya.ru

Received 09.08.2024.

Revised 03.09.2024.

Accepted 05.09.2024.

For citation: Vinogradova, I. M. (2024). Institutional Political Trust as a Factor in the Consolidation of Russian Society. *Discourse-P*, 21(3), 145–173. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_145

Abstract

The article presents the results of a comparative analysis of sociological studies regarding institutional trust in Russia from 2001 to 2023, alongside findings from the sociological monitoring project titled *Consolidating political values and key factors for increasing institutional trust of Russian citizens*, conducted in August 2024. The purpose of this article is to assess the impact of institutional trust on the consolidation processes within Russian society. The paper identifies the key factors contributing to institutional distrust among Russian citizens, analyzes the dynamics of trust over time, and concludes that age is the most significant factor influencing the level of political institutional trust. The study also draws conclusions regarding the reasons behind the fluctuations in overall political institutional trust based on long-term empirical data. These fluctuations are linked to major domestic and foreign political events, where increased trust is observed during instances of the “rally ‘round the flag effect” in response to foreign policy victories, while declines are associated with domestic political challenges. Furthermore, the findings reveal a correlation between the main sources of information for citizens and their level of political institutional trust. A high level of trust in political institutions ensures cooperation between the government and society, enhances support for government initiatives, and serves as a factor in consolidating society. Individuals with a high degree of political institutional trust are more likely to embrace communitarian values that contribute to social solidarity.

Keywords:

institutional trust, political trust, trust as a consolidation factor, social consolidation

Funding:

the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00427.

Введение

Одними из приоритетов в становлении новой российской государственности стали формирование новой гражданской идентичности и достижение социальной консолидации в условиях преодоления травматических последствий реформ и преобразований. Сплочение общества, создание единого ценностного ориентира, согласование частных, групповых и общественных интересов, стабильное и устойчивое развитие государства стали стратегическими целями, стоящими перед российской властью. Социальная консолидация реализует жизненно важную функцию – воспроизводство социальной системы на любом из ее иерархических уровней – от групп первичных социальных практик до социума и характеризуется прежде всего уровнем единства ценностных ориентаций (Черкашин, 2019, с. 75). Одним из важнейших факторов достижения социальной консолидации является существующий уровень доверия граждан

к власти и ее институтам, выстраивание долгосрочных стратегических доверительных отношений между властью и обществом.

Доверие как объект изучения представляет собой размытый конструкт, довольно часто определяемый скорее на интуитивном уровне. Общая черта исследований доверия – разнообразие концептуальных типологий, отсутствие ясного и общего определения доверия (Castaldo, 2002; Castaldo, 2003). Оно представляется синтетическим социальным феноменом, который невозможно полностью рационализировать и редуцировать к более простым математическим моделям, а тем более к одной из них, без существенной потери релевантности (Мартьянов, 2018, с. 43).

Рассмотрим несколько подходов к определению доверия разными исследователями. Доверие как «убеждение» рассматривали Э. Кудд («убеждение каждой из сторон диалога в том, что контрагент предпочитает исключительно взаимное сотрудничество, в то время как недоверие – убеждение одной из сторон в том, что другая сторона использует такое сотрудничество в собственных целях, решая, как правило, краткосрочные задачи» (Kydd, 2005, p. 6)) и П. Штомпка («ставка в отношении будущих непредвиденных действий других и то, что ставка связана с определенными ожиданиями и уверенностью в том, что это действительно произойдет» (Sztompka, 1999, p. 25)). Доверие как «ожидание» рассматривается в работах Ф. Фукуямы («возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с общими нормами» (Фукуяма, 2004, с. 52)), С. Робинсона («ожидания, предположения или вера в вероятность того, что будущие действия другой стороны будут выгодными, благоприятными или, по крайней мере, не нанесут ущерба интересам субъекта» (Robinson, 1996, p. 576)) и Д. Гамбетты, («ожидание полезного результата взаимодействия или, по крайней мере, не наносящего ущерба в условиях, когда поведение неподконтрольно» (Gambetta, 1988, p. 217)). Доверие как «психологическое состояние» встречается в исследовании Д. Руссо, С. Ситкина, Р. Берта и К. Камерера («психологическое состояние, включающее намерение принять собственную уязвимость, основанное на позитивных ожиданиях относительно намерений или поведения другого» (Rousseau et al., 1998, p. 395)).

В разрезе семантического анализа выделяют несколько трактовок доверия: обеспечение осведомленности (*familiarity*), уверенности (*confidence*) и доверия (*trust*) (Luhman, 1979). При этом различают доверие как ожидание (*as expectation*), доверие как готовность (*as willingness*), доверие как уверенность или как убеждение (*as confidence/as belief*), доверие как социальная установка (*as attitude*) (Castaldo, 2002). К. Харт в своих работах предлагает еще одну классификацию понятий: «уверенность», «вера» и «доверие» (Hart, 1988). Доверие как сложный социальный феномен можно определить с когнитивной (знание), эмоциональной (чувство/вера) и поведенческой (действие) сторон (Вершинин, 2007, с. 61). Оно характеризуется дифференциацией объектов доверия, так выделяют «вертикальное» или институциональное (безличные обязательства (*faceless commitments*)) и «горизонтальное» или межличностное доверие (личные обязательства (*facework commitments*)), где в первом случае объектом доверия могут выступать различные социальные институты и организации,

а во втором – конкретные индивиды. Межличностное доверие рассматривается как основа эффективного и конструктивного непосредственного взаимодействия людей, институциональное доверие – основа для устойчивости и стабильности политического режима (Пушкарева, Сычев, 2023, с. 143).

В рамках исследования мы рассматриваем один из видов доверия – политическое институциональное доверие, которое чаще чем межличностное является рационально обоснованным, так как связано с эмпирическим способом оценивания гражданами деятельности власти и ее институтов («институты, работающие хорошо, производят доверие; ненадежные институты порождают скептицизм и недоверие» (Mishler, Rose, 2001, p. 31). Можно разложить институциональное, в том числе политическое доверие на две составляющих на уровне индивида: субъективная оценка восприятия непосредственной «пользы» от работы института для себя лично и обобщенная оценка эффективности работы института, связанная с нормативными ожиданиями (Терин, 2020 с. 147).

В рамках исследования мы определяем «политическое институциональное доверие» как уверенность в будущих действиях политических институтов, проявляющаяся в ожидании преимущественно благоприятных или необходимых для субъекта последствий от этих действий. В рамках исследования мы отождествляем понятия «политическое доверие» и «политическое институциональное доверие».

Политическое институциональное доверие является одним из ключевых факторов формирования легитимности государственной власти и ее решений, поддержки обществом ее ценностей и государственных программ, что в совокупности обеспечивает стабильность и предсказуемость социальной среды и функционирования политической системы. Оценка динамики уровня институционального доверия позволяет определить склонность общества к политическим изменениям и проанализировать риски последствий кризисных потрясений. Однако институциональное доверие не всегда отражает уровень удовлетворенности деятельностью институтов, так как частично может включать в себя в разных пропорциях «кредит доверия», полученные в прошлом позитивный опыт и положительные результаты от деятельности политического или общественного института. Институциональное доверие играет ключевую роль в консолидации российского общества, поскольку оно формирует основу для взаимодействия граждан с государственными институтами и другими социальными структурами. Уверенность граждан в справедливости и эффективности государственных институтов и механизмов способствует повышению уровня гражданской активности и участия в общественной жизни, что в свою очередь способствует консолидации общества.

В соответствии с теорией форм капиталов П. Бурдье мы можем определить политическое доверие как элемент формирования социального капитала, который базируется, в том числе, на доверии общества к власти, делегируя политическим институтам и руководящим ими лицам некоторую сумму компетенций, позволяющих реализовать властную функцию. Таким образом граждане добровольно наделяют эти политические институты правом принятия решений и выражают готовность им подчиниться (Галкин, Красин, 2003, с. 31). В соответствии с работами Ф. Фукуямы есть прямая взаимосвязь между общим уровнем

политического институционального доверия в государстве и экономическим ростом (увеличение ВВП, рост благосостояния граждан и т. д.), поскольку доверие выступает как фундамент, на котором фундируется формирование современного капитализма (Фукуяма, 2004).

Факторы, формирующие политическое доверие, разнообразны. Оно может основываться на знании, понимании и убежденности в том, что объект доверия (институт власти) способен эффективно и компетентно реализовать доверенную ему задачу, где компетентность – это способность института выполнять те функции, за которые он отвечает в политической системе, а эффективность – степень достижения целевых показателей, отвечающих сущности деятельности политического института, при этом институты могут быть эффективны в такой мере, в которой они способны отвечать доминирующим ценностным представлениям о желаемых правилах человеческого общежития (Мартьянов, 2018, с. 49). Иррациональная природа доверия может базироваться на том, что объект доверия коррелирует с внутренней системой ценностей субъекта доверия, отвечает его личным представлениям и убеждениям, является доброжелательным, открытым, справедливым и т. д. Справедливость, несмотря на размытость и субъективность этого понятия, можно определить как беспристрастность в принятии решений, равноудаленность от тех или иных групповых интересов, независимость от внешних влияний (Терин, 2018, с. 94).

Соответственно, выделяют эндогенные и экзогенные факторы формирования политического доверия. Экзогенные факторы представляют собой совокупность объективных социальных (политических, экономических, культурных) условий, например, уровень эффективности политических институтов, уровень социального неравенства, динамика коррупции и правовой безнаказанности нарушителей законов, облеченных властью (Глушко, 2016, с. 98). Эндогенные факторы более субъективны и вариативны, сложнее поддаются вычленению и измерению, так как это комплекс различных ментальных и психологических установок, включающих жизненные ориентации и ценности индивида (Глушко, 2016, с. 100). На доверие могут оказывать влияние ряд факторов: общая политическая компетентность индивида, уровень политической грамотности и политической культуры гражданина, особенности его политической социализации, его уровень информированности о политической жизни государства, господствующее, авторитетное или общепринятое мнение, собственный жизненный, политический и иной опыт. Перспективным кажется изучение влияния фактора цифровизации на динамику доверия, так как она обладает широкой областью проникновения и является значимой для трансформации всего политического процесса, цифровизационные процессы лежат в плоскости психологических трансформаций современной политики, влияют на процессы социальных изменений и создают новые паттерны политического сознания и восприятия, что серьезно влияет в том числе и на уровень политического доверия (Белоконев и др., 2019, с. 4).

Пространство для научного исследования феномена политического доверия представляется широким. Основным фактором, определяющим уровень доверия россиян в большинстве исследований, является вопрос именно субъективного доверия, что формулируется в вопросе «Доверяете ли Вы...?», что

не дифференцирует доверие на его составляющие, а оценивают его интегральное значение. Для оценки реального уровня доверия, требуется комплексный подход, включающий в себя экспериментальные методы (лабораторный или полевой эксперименты), оценка степени гражданской активности (участие в ТОС, членство в политических партиях, волонтерство, явка на выборах и т. д.), экономические метрики (индекс развития человеческого капитала, индекс социального капитала, индекс социальных настроений), а также лонгитюдные замеры уровня доверия.

В рамках исследования мы рассмотрим данные пяти российских и международных социологических исследований и мониторингов, а также результаты авторского исследования. На основании эмпирических данных проведем сравнительный анализ уровня доверия и одобрения политических институтов в России, определим ключевые причины динамики политического институционального доверия и факторы, его формирующие, сформируем вывод и наиболее и наименее пользующихся доверием политических институтов в России, а также дадим оценку влияния институционального доверия на консолидационные процессы в российском обществе.

Результаты исследования

Существуют исследования, изучающие уровень институционального доверия в мире, в том числе – в России. Американская компания Ричарда Эдельмана, каждый год проводит масштабные исследования, анализирующие состояние институционального доверия во всем мире – *Edelman Trust Barometer*. Рассмотрим результаты исследовательского проекта с 2007 по 2022 годы (с 2001 по 2006 годы исследование не было дифференцировано по странам, а с 2023 Россия не представлена в годовых отчетах). В среднем каждый год опрашивается 33 000 респондентов из 26 стран мира. Основными объектами доверия являются институты правительства, медиа, неправительственных организаций и бизнеса. В разрезе политического институционального доверия рассмотрим динамику доверия к правительству как к совокупности государственных органов власти. В среднем в измеряемом периоде доверие к власти в России было ниже соответствующего мирового показателя, однако в 2008–2009 годах уровень доверия сравнялся с общемировым, а в период с 2015 по 2018 уровень доверия в России превышал мировой показатель, что объяснимо последствием успешной для России военной операции в Южной Осетии и присоединением Крыма к составу России и, соответственно, последующей эйфорией от геополитических побед. Но с 2019 уровень доверия стал резко падать и в сравнении с мировым уровнем доверия к правительству имеет достаточно низкий показатель, где в соответствии с классификацией исследования результат до 49% является «недоверием», от 50% до 60% «нейтральным отношением», больше 60% «доверием» (результаты барометра представлены на Рисунке 1). Таким образом, это исследование подтверждает тезис, что российское общество обычно относят к обществам низкого доверия.

Вторым рассмотрим крупное исследование Р. Инглхарта по трансформации ценностей в мире – Всемирное исследование ценностей (*World Values Survey*), начавшееся в 1981 году и охватившее 97 стран.

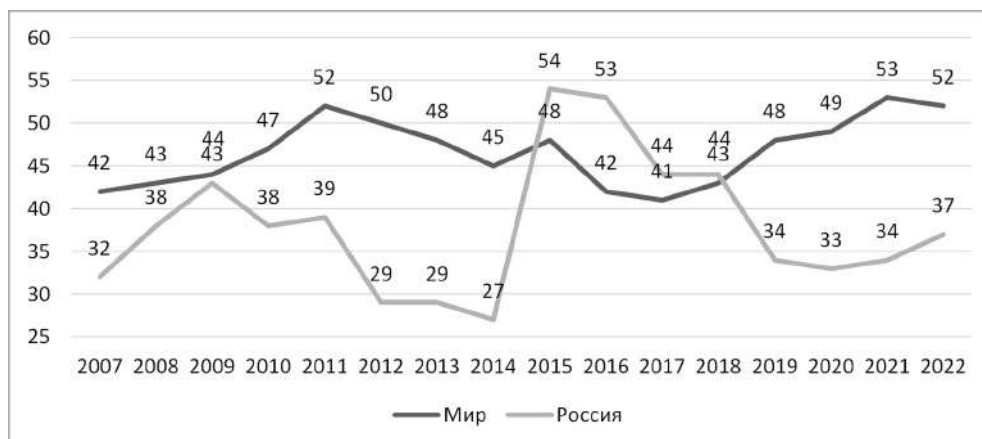

Рисунок 1 – Динамика уровня политического институционального доверия российских граждан с 2007 по 2022 гг. (составлена автором на архивных данных исследований *Edelman trust barometer*¹)

Figure 1 – Dynamics of Political Institutional Trust Among Russian Citizens from 2007 to 2022 (compiled by the author based on archival research data from *Edelman trust barometer*)

В соответствии с его социологической теорией постматериализма, в следствии всеобщего процветания и экономической стабильности происходит трансформация культуры и системы ценностей, результатом которой является падение уровня участия и вовлеченности граждан в политику в западных странах, в то время как интерес к самореализации и личностным возможностям растет. В соответствии с результатами пяти волн (в первую и четвертую Россия не была включена) перманентно наибольшим значение для россиян обладает семья и наименьшим – политика. В соответствии с 7-ой волной исследования наименьшим доверием из политическим институтам пользуются политические партии (36,3% граждан им скорее не доверяют и 25,3% полностью не доверяют), в более ранних волнах исследования эти параметры не изучались. Немаловажным фактором формирования политического доверия является и уровень существующего уровня общего доверия, включая доверие межличностное (на рисунке 2 представлено сравнение уровня социального доверия россиян с общемировым). В полученных результатах можно наблюдать значительную разницу между уровнями в 1990 году, что объяснимо последствиями шоковых преобразований, происходящих в России и последующей волной политической эйфории.

С 2001 года ежегодные замеры институционального доверия реализует «Левада-центр»² (представлены на рисунке 3). Все опросы проводятся по репре-

¹ Daniel J. Edelman Holdings, Inc (2024). *Edelman Trust Barometer Archive*. Retrieved August 15, 2024, from <https://www.edelman.com/trust/archive>

² Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции

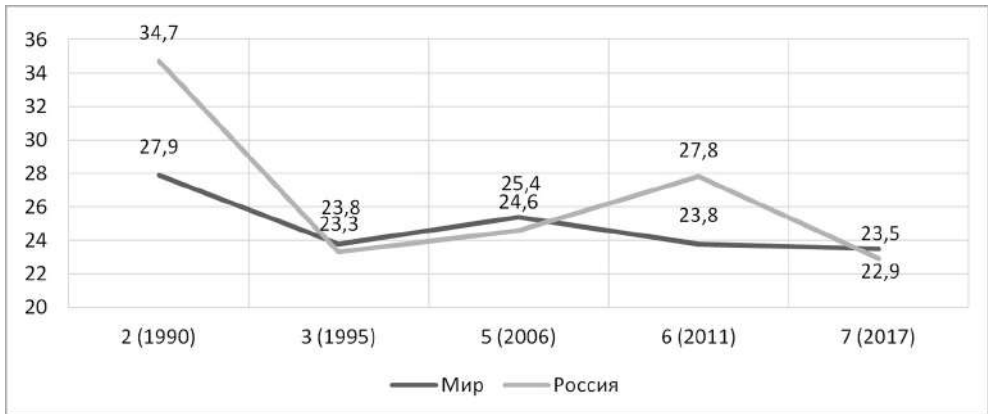

Рисунок 2 – Динамика уровня социального доверия российских граждан с 1990 по 2017 гг. (составлена автором на архивных данных исследований *World Values Survey*³)

Figure 2 – Dynamics of Social Trust of Russian Citizens from 1990 to 2017 (compiled by the author based on archival research data from *World Values Survey*)

зентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом более 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в более чем 100 населенных пунктах 50 субъектов РФ. Исследование показывает, что традиционно среди политических институтов наибольшим доверием пользуется институт президентства (среднее – 63%), а наименьшим – политические партии (среднее – 13,6%). Более того, в разрезе всех исследуемых социальных институтов политические партии зачастую пользуются наименьшим институциональным доверием в целом, лишь иногда превышая уровень доверия к профсоюзам.

«Всероссийский центр изучения общественного мнения» (далее – ВЦИОМ) систематически формирует рейтинги одобрения работы государственных институтов и доверия конкретным политикам, а также электоральные рейтинги политических партий. Исследование доверия конкретным политикам и государственным деятелям, безусловно, обладает корреляцией с институциональным доверием, однако второе обладает большей значимостью для социально-политического прогнозирования в силу того, что институты являются более устойчивым элементом политической системы, представляя собой не только совокупность личностей и результаты их деятельности, но и сумму установленных норм, правил, принципов и функций. Категории «доверия» и «одобрения» хоть и обладают социологической корреляцией, но показатель «доверие» более чувствительный по сравнению с показателем «одобрение» (Рожкова и др., 2022,

иностранного агента на территории РФ.

³ World Values Survey (2024). *Data & Documentation*. Retrieved August 15, 2024, from <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp>

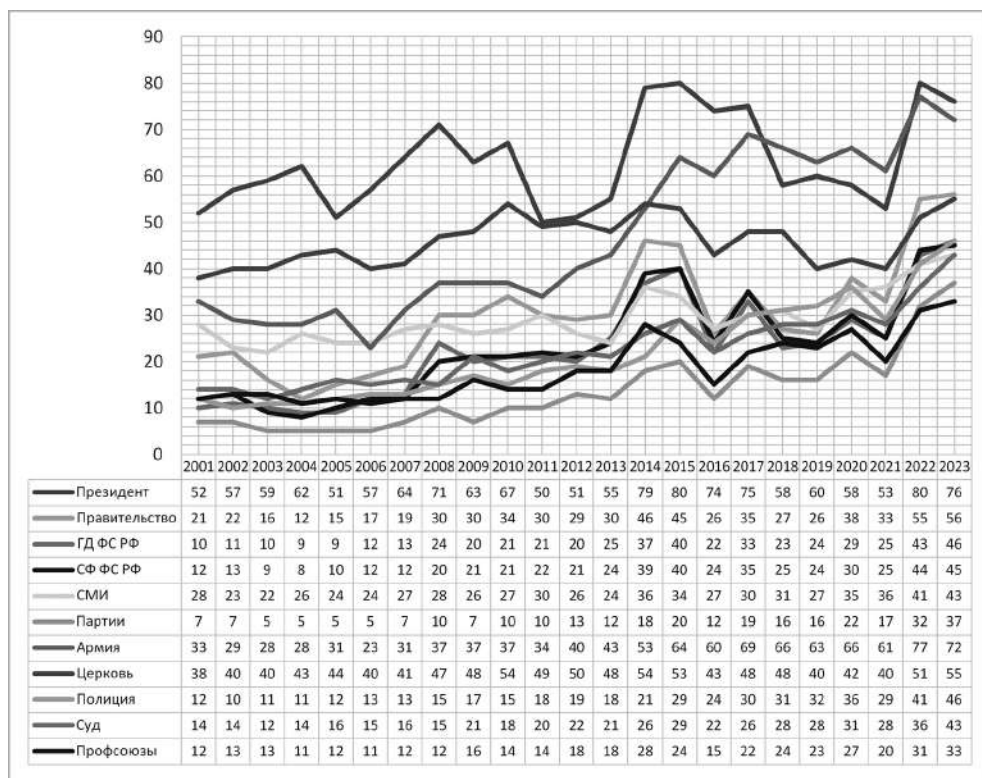

Рисунок 3 – Динамика уровня институционального доверия с 2001 по 2023 гг. (составлена автором на архивных данных исследований Левады-центра⁴)

Figure 3 – Dynamics of Institutional Trust from 2001 to 2023 (compiled by the author based on archival research data from *Levada Center*)

с. 8), поэтому показатели институционального доверия, как правило, ниже показателей одобрения деятельности этих институтов, а сами категории следует сравнивать между собой с осторожностью, изучая их динамику в отдельности, анализируя тренды в одобрении или доверии. Рассмотрим динамику одобрения ключевых политических и общественных институтов, представленную ВЦИОМ (Рисунок 4). Исследование показывает, что среди политических институтов наибольшим одобрением пользуется институт президентства (среднее – 72%), а наименьшим – политические партии (среднее – 34%), при этом уровень одобрения Президента с 2016 года сильно упал в сравнении с уровнем поддержки армии, и эта тенденция сохраняется до сих пор (средний разрыв – 2 п. п.).

⁴ Левада-центр (2023). *Институциональное доверие*. Взято 1 августа 2024, с <https://www.levada.ru/2023/10/12/institutsionalnoe-doverie-sentyabr-2023/>

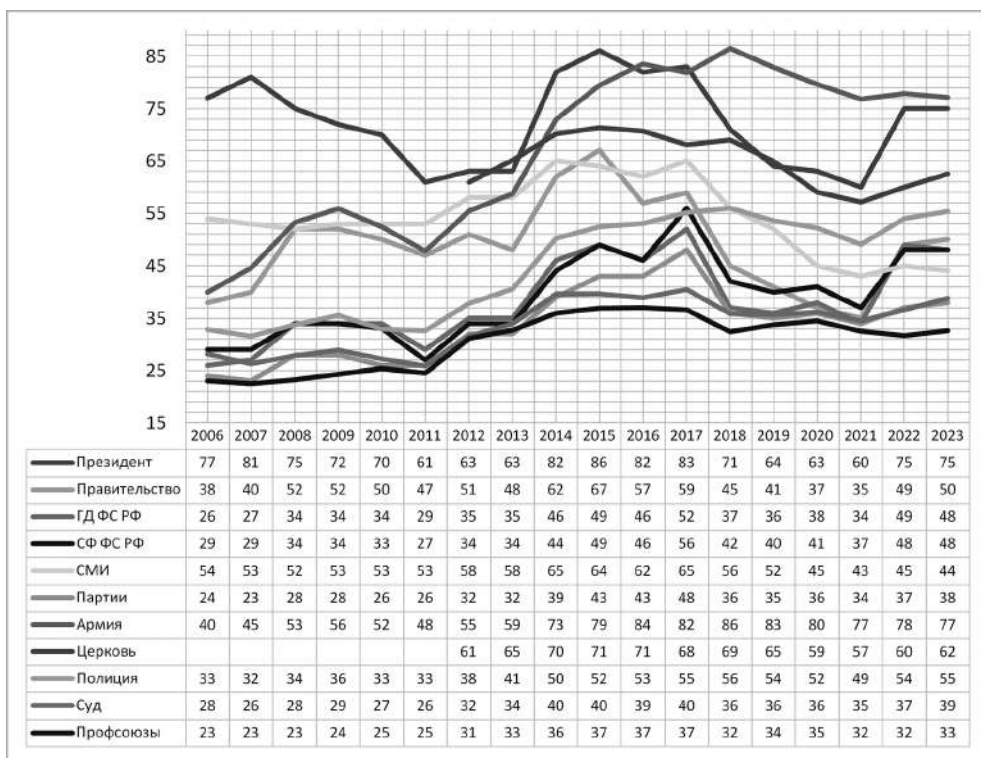

Рисунок 4 – Динамика уровня одобрения государственных и общественных институтов с 2006 по 2023 гг. (составлена автором на архивных данных исследований ВЦИОМ⁵)

Figure 4 – Dynamics of the approval level of state and public institutions from 2006 to 2023 (compiled by the author based on archival research data of RPORC)

Исследования по изучению институционального доверия ведутся Институтом социологии РАН (далее – ФНИСЦ РАН) (например, «Социальные различия в современном российском обществе», 2015 год, «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2014–2016 гг.). По результатам исследований наблюдается наиболее высокое доверие россиян к институту Президента, наиболее низкое – к институту политических партий, а также городской/сельской администрации. Также ФНИСЦ РАН проводит за-

⁵ ВЦИОМ (2024). *Деятельность государственных институтов: одобрение деятельности государственных институтов*. Взято 1 августа 2024, с <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

мер динамики институционального доверия россиян (2001–2022 гг.), в рамках которого рассчитан Индекс доверия, отображающий превышение доли ответов «доверяю» над ответами «не доверяю» среди ответивших на соответствующий вопрос. Диапазон значений Индекса лежит в интервале от -1 (в случае абсолютного недоверия) до 1 (при полном доверии) (Горшков, Тихонова, 2022, с. 123) (Рисунок 5). Общим для этих исследований становятся выводы, коррелирующие с исследованиями Левады-центра и ВЦИОМ, в рамках которых институт Президента РФ систематически пользуется наибольшим доверием россиян, а институт политических партий – наименьшим.

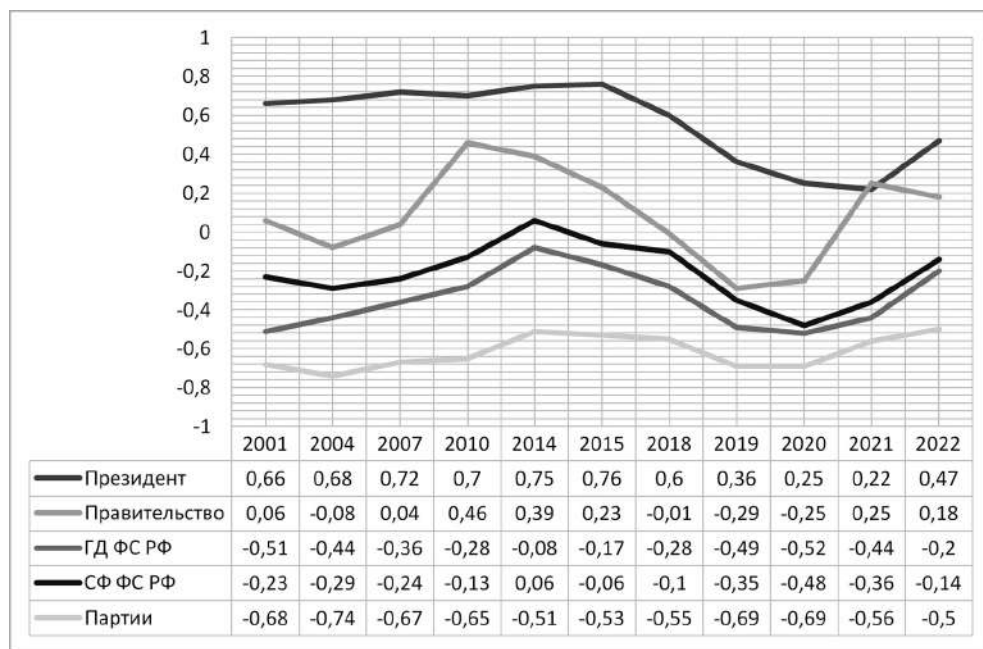

Рисунок 5. Динамика Индекса доверия с 2001 по 2022 гг. (составлена автором на архивных данных исследований ФНИСЦ РАН)

Figure 5. Dynamics of the Trust Index from 2001 to 2022 (compiled by the author based on archival research data of IS FCTAS RAS)

Сравним индекс институционального доверия, опубликованный ФНИСЦ РАН, с индексом одобрения государственных и общественных институтов, представленных ВЦИОМ, за соответствующие годы (Таблица 1). Разница между значениями разных индексов может продемонстрировать уровень возможной разницы между уровнем одобрения (ВЦИОМ) и уровнем доверия (ФНИСЦ РАН). В большинстве анализируемых показателей уровень одобрения сильно превышает уровень доверия, что особенно заметно в разрезе исследования доверия к институту из группы наименьшего доверия – политическим партиям. Высокое значение

разницы между доверием и одобрением свидетельствует о разрыве в ожидании преимущественно положительных перспектив для субъекта от коммуникации с институтом («делают как я хочу / как будет полезно мне») и оценке объективной деятельности институтов («делают, что нужно делать / что могут делать»).

Таблица 1 – Сравнительная таблица Индексов доверия с 2007 по 2022 гг. (составлено автором на основании Индекса доверия ФНИСЦ РАН и Индекса одобрения государственных институтов (ВЦИОМ))

Table 1 – Comparative Table of Trust Indices from 2007 to 2022 (compiled by the author based on *Trust Index* by IS FCTAS RAS and *Approval index* of government institutions by RPORC)

	Президент			Правительство			ГД ФС РФ		
	ВЦИОМ	Ф. РАН	Δ	ВЦИОМ	Ф. РАН	Δ	ВЦИОМ	Ф. РАН	Δ
2007	0,69	0,72	-0,03	0,02	0,04	-0,02	-0,03	-0,36	0,33
2010	0,53	0,7	-0,17	0,21	0,46	-0,25	-0,07	-0,28	0,21
2014	0,69	0,75	-0,06	0,37	0,39	-0,02	0,13	-0,08	0,21
2015	0,8	0,76	0,04	0,44	0,23	0,21	0,2	-0,17	0,37
2018	0,51	0,6	-0,09	0,06	-0,01	0,07	-0,02	-0,28	0,26
2019	0,37	0,36	0,01	-0,05	-0,29	0,24	-0,11	-0,49	0,38
2020	0,35	0,25	0,1	0,09	-0,25	0,34	-0,06	-0,52	0,46
2021	0,31	0,22	0,09	0,05	0,25	-0,2	-0,12	-0,44	0,32
2022	0,6	0,47	0,13	0,31	0,18	0,13	-0,18	-0,2	0,02

Продолжение таблицы 1

Continuation of table 1

	СФ ФС РФ			Партии		
	ВЦИОМ	Ф. РАН	Δ	ВЦИОМ	Ф. РАН	Δ
2007	-0,05	-0,24	0,19	-0,24	-0,67	0,43
2010	0,03	-0,13	0,16	-0,13	-0,65	0,52
2014	0,19	0,06	0,13	0,07	-0,51	0,58
2015	0,28	-0,06	0,34	0,14	-0,53	0,67
2018	0,18	-0,1	0,28	0,06	-0,55	0,61
2019	0,08	-0,35	0,43	-0,02	-0,69	0,67
2020	0,09	-0,48	0,57	-0,01	-0,69	0,68
2021	0,03	-0,36	0,39	-0,04	-0,56	0,52
2022	0,26	-0,14	0,4	0,11	-0,5	0,61

Анализ представленных рейтингов, индексов и замеров институционального доверия (и одобрения государственных институтов) показал, что на протяжении последних двадцати лет наибольшим уровнем доверия пользуется институт президентства, а наименьшим – институт политических партий. Группа институтов, пользующаяся наибольшим доверием (Президент, армия, церковь) представляет собой в сознании граждан символически значимые авторитарные институты, с которыми они себя идентифицируют, что образуют своеобразную «державную триаду» и позволяет провести определенную аналогию с доктриной «официальной народности», основой которой стали идеи православия, самодержавия и народности (Горшков, Петухов, 2015, с. 131). В то же время институты низкого доверия (партии, профсоюзы) определяют возможности гражданского участия. Данные результаты отражают низкий уровень гражданской активности, развитости гражданского общества, отсутствие эффективной горизонтальной системы реализации гражданских интересов.

Концентрация доверия как элемента социального капитала вокруг фигуры Президента связана с высоким уровнем персонализации верховной власти в государстве. Доверие к Президенту как к главе государства формируется в совокупности с личной симпатией граждан к персональным качествам личности и высоким уровнем одобрения его деятельности, восприятием как гаранта национальной безопасности и целостности страны, что определяет его консолидирующую роль в сплочении российского общества. Динамика доверия к Президенту задает тренд для динамики уровня доверия и к «кристаллизирующейся вокруг него ядра властной вертикали», а следовательно – ко всей политической системе в целом и ее отдельным институтам (Мерзликин, 2024, с. 27).

Несмотря на то, что доверие к институтам является достаточно устойчивым показателем, тем не менее, оно зависит от политических или социальных событий. Можно наблюдать падение доверия в 2011–2012, 2018–2019 и 2021 гг., что обусловлено внутривластными негативными событиями – протестным движением против фальсификации на выборах, принятием пенсионной реформы введением обязательной вакцинации от COVID-19, а самые крупные точки роста – в 2008, 2014 и 2022 гг. – обусловлены внешнеполитическими причинами: признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, присоединением Крыма и началом Специальной военной операции (рост +24% и +27% в мониторинге Левады-центра). Это эмпирическое подтверждение эффекта «сплочения вокруг флага», то есть резкого роста поддержки национального лидера и системы в целом в период внешнеполитических конфликтов. Новые геополитические вызовы, безусловно, оцениваются обществом неоднозначно, но ключевую роль в стремительном росте институционального доверия играют государственные СМИ и консолидированная государственная информационная политика, в рамках которой политики и лидеры общественного мнения массово и однозначно интерпретируют произошедшие события, создавая устойчивую картину мира в сознании граждан. При этом мы можем отметить рост и падение институционального доверия не только к отдельным институтам, но и к государственной системе, например, во время принятия пенсионной реформы доверие падает не только к ответственным за это событие органам,

но и к «непрофильным» институтам – судебной системе, СМИ и политическим партиям, что справедливо и для обратных ситуаций. Органы власти и близкие к власти институты (партии, профсоюзы, СМИ) отождествляются как единый институт власти без разделения по функциональному основанию, а следовательно – любое событие в одной сфере (социальной, политической, военной), инициированное «сверху», может быть воспринято как сигнал несправедливости или, наоборот, сигнал безоговорочной поддержки всей властной вертикали. Об этом в своей работе в рамках научной дискуссии об одно/многомерности политического доверия пишет М. Хог, который эмпирически приходит к выводу, что политическое институциональное доверие – это одномерное отношение, поскольку граждане, по-видимому, не проводят различий между функционированием различных политических институтов (Hooghe, 2011, p. 269). Исследователь приводит мысленный эксперимент: уличенные в коррупции члены правительства, однозначно бросают «тень недоверия» и на депутатов парламента, пока не доказано, что все парламентарии некоррупционированы.

Институциональное доверие зависит от уровня обобщенного (социального, моралистического, по М. Усланеру) доверия – готовности и способности доверять незнакомым людям. Оценку общего уровня доверия в России проводили *World Values Survey* (WVS), ВЦИОМ, «Фонд общественного мнения», ФНИСЦ РАН (сравнительный анализ данных представлен на Рисунке 6). В данных исследованиях уровень доверия высчитывался как ответ на вопрос: «Можете ли вы доверять большинству людей?» Несмотря на значительную разницу в среднем показателе общего уровня доверия почти во всех полученных результатах (кроме данных *World Values Survey*) очевидным становится постепенный и плавный рост уровня общего доверия, что, безусловно, сказывается на динамике институционального доверия.

Для оценки актуального среза институционального доверия в России сравним полученные данные с результатами авторского исследования «Консолидирующие политические ценности и ключевые факторы повышения институционального доверия российских граждан», проведенное в августе 2024 г. в форме социологического опроса – анкетирования. В исследовании приняли участие 1574 респондента из всех субъектов и федеральных округов России (кроме респондентов из «новых» регионов – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей), стратифицированные по полу (53,4% – мужчины, 46,6% – женщины), возрасту (от 18 до 24 лет – 24,4%, от 25 до 39 лет – 25,2%, от 40 до 54 лет – 22%, старше 55 лет – 28,4%) и региону проживания (ДВФО – 4,3%, СКФО – 7,8%, УрФО – 8,4%, СЗФО – 9,8%, СФО – 12,2%, ЮФО – 12,6%, ПФО – 16,8%, ЦФО – 16,8%).

Первый вопрос исследования направлен на оценку общего уровня доверия в России, и результаты близки к данным исследований Козыревой и Смирнова (Козырева, Смирнов, 2019, с. 137): большая часть россиян доверяют ограниченному кругу людей, и только 1,3% опрошенных ответили, что могут доверять всем, а 16,2% – большинству людей; соответственно, общий уровень доверия составил 17,5%. Это подтверждает тезис о российском обществе как «обществе низкого доверия». В таблице 2 представлены сравнительные данные оценки общего уровня доверия россиян в разрезе федеральных

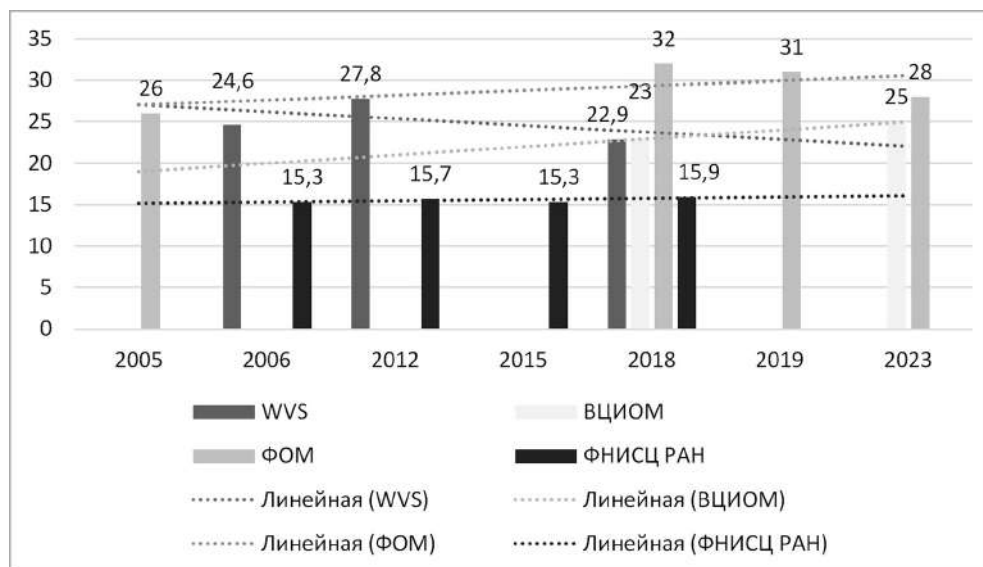

Рисунок 6 – Общий уровень межличностного доверия в России в 2005–2023 гг. (сравнительная таблица составлена автором на архивных данных исследований WVS, ФНИСЦ РАН⁶, ВЦИОМ⁷, Фонда «Общественное мнение»⁸)

Figure 6 – The General Level of Interpersonal Trust in Russia in 2005–2023 (comparative table compiled by the author based on archival research data of WVS, IS FCTAS RAS, RPORC, The Public Opinion Foundation)

округов. Этот анализ показывает незначительные колебания общего уровня доверия граждан на разных территориях, наибольшая разница в ответах видна в разрезе показателя «Только родным и близким, друзьям», где разница между наибольшим (35,25 % в СКФО) и наименьшим (14,93 % в ДВФО) значениями может отражать степень значимости института семьи и силу кланово-семейных связей в отдельно взятых региональных сообществах, где наблюдается превалирование традиционного образа жизни многопоколенными семьями или, наоборот, более атомизированное общество.

⁶ См.: (Козырева, Смирнов, 2019, с. 137).

⁷ ВЦИОМ (2024, 11 января). *В поисках доверия: уровень межличностного доверия в российском обществе постепенно растет*. Взято 5 августа 2024, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija>

⁸ Фонд «Общественное мнение» (2023, 8 августа). *Межличностное доверие*. Взято 5 августа 2024, с <https://fom.ru/TSennosti/14905>

Таблица 2 – Сравнительный анализ общего уровня доверия в разрезе федеральных округов России (август 2024 г.) (составлено автором на основании авторского исследования)

Table 2 – Comparative Analysis of the General Level of Trust Across the Federal Districts of Russia (August 2024) (compiled by the author based on her own research)

	Всем лю- дям	Боль- шинству людей	Немно- гим лю- дям	Только моему соц. окру- жению	Только родным и близ- ким, дру- зьям	Только самому себе
Дальневосточ- ный ФО	4,48 %	17,91 %	29,85 %	7,46 %	14,93 %	22,39 %
Приволж- ский ФО	1,51 %	16,23 %	35,47 %	3,02 %	21,51 %	21,13 %
Северо- Западный ФО	0,65 %	17,42 %	31,61 %	3,87 %	32,26 %	13,55 %
Централь- ный ФО	2,04 %	14,74 %	29,71 %	4,76 %	26,53 %	20,41 %
Южный ФО	1,01 %	19,10 %	22,61 %	3,02 %	32,66 %	21,11 %
Сибирский ФО	0,52 %	16,15 %	26,56 %	5,21 %	28,65 %	21,88 %
Уральский ФО	0,75 %	15,79 %	27,82 %	5,26 %	27,07 %	23,31 %
Северо- Кавказский ФО	0,82 %	12,30 %	28,69 %	3,28 %	35,25 %	19,67 %

На графике (Рисунок 7) представлено сравнение последних социологических замеров ВЦИОМ (рейтинги одобрения государственных и общественных институтов), Левады-центра (рейтинг институционального доверия) и результаты авторского исследования. Общее наблюдение в отношении сравнительного анализа позволяет сделать вывод, что во всех трех исследованиях лидерские позиции в разрезе уровня доверия сохраняет «державная триада» (Президент, армия, церковь), средние позиции удерживают правотворческие институты (Государственная Дума и Совет Федерации), Правительство, правоохранительные институты (полиция и суды), а институты наиболее низкого доверия – партии и профсоюзы. Незначительные отрицательные колебания уровня институционального доверия могут быть объяснимы текущими политическими, социальными, геополитическими реалиями, так как на результаты могут влиять резонансные события, происходящие в период проведения замера (такими событиями в период с июня по август 2024 г. стали обмен российскими и иностранными заключенными, замедление видеохостинга YouTube и массированная атака Вооруженных сил Украины на территорию Курской области).

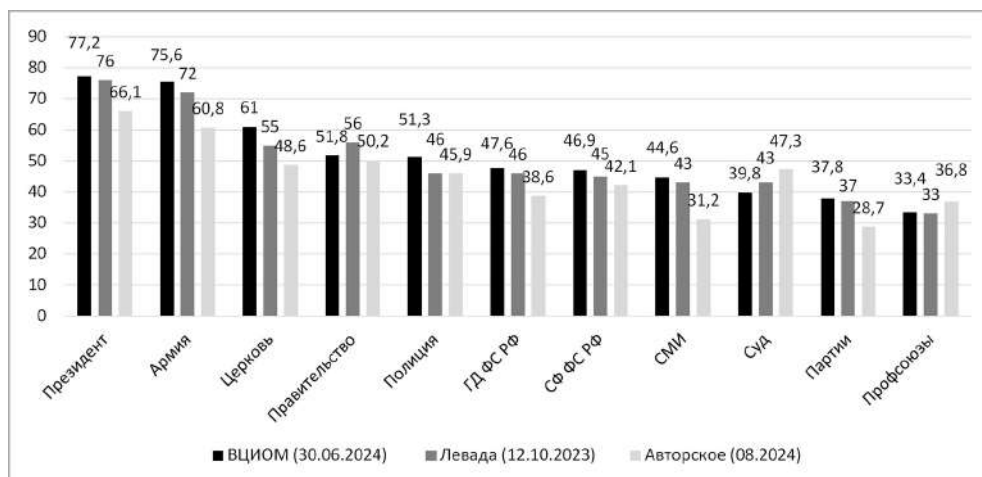

Рисунок 7 – Сравнительный анализ уровня институционального доверия в России (составлен автором на данных исследований ВЦИОМ⁹, Левады-центра¹⁰ и авторского исследования)

Figure 7 – Comparative Analysis of Institutional Trust in Russia (compiled by the author based on research data from RPORC, *Levada Center* and the author’s own research)

В таблице 3 представлен сравнительный анализ институционального доверия в разрезе пола и возрастных групп на основе авторского исследования. Из полученных данных можно сделать несколько ключевых выводов о структуре институционального доверия. Общий уровень институционального доверия и уровень доверия к конкретным институтам снижается с повышением возраста (исключение – армия), а наибольшее падение доверие зафиксировано к институтам политических партий, судебной системе, Telegram-каналам, блогерам и экономическим институтам (банки и субъекты предпринимательской деятельности) – дельта уровня доверия к ним составила более 20 процентных пунктов. Средний уровень институционального доверия составил в группе от 18 до 24 лет – 53,5% (политического доверия – 55,7%), от 25 до 39 лет – 42,8% (45,3%), от 40 до 54 лет – 35,9% (40,1%), старше 55 лет – 35% (39,8%). Эта закономерность применима и к политическим институтам, значит – справедлива для оценки факторов динамики политического институционального доверия. Зачастую это обусловлено эмпирическими наблюдениями или

⁹ ВЦИОМ (2024). *Деятельность государственных институтов: одобрение деятельности государственных институтов*. Взято 1 августа 2024, с <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

¹⁰ Левада-центр (2023). *Институциональное доверие*. Взято 1 августа 2024, с <https://www.levada.ru/2023/10/12/institutsionalnoe-doverie-sentyabr-2023/>

«житейским опытом», характеризующиеся накоплением негативного опыта коммуникации с тем или иными институтами как с помощью собственного опыта, так и опыта их социального окружения. Пол респондентов не сильно влияет на разницу в уровне доверия: средний уровень институционального доверия мужчин составил 41,86%, а женщин – 43,64%. В разрезе федеральных округов также не замечено значительной разницы в исследуемых показателях: наибольший уровень доверия наблюдается в Северо-Кавказском ФО (47,6%), медианный – в Уральском и Северо-Западном (43,21% и 42,82%), а наименьший – в Приволжском (40,42%). Вероятно, наиболее значимым фактором, определяющим уровень институционального доверия (в том числе политического), является возраст человека, нежели его пол и регион проживания. При этом представляется значимым исследование структуры доверия в разрезе материальной обеспеченности социальных групп, сравнивая которые мы обнаруживаем разрыв между уровнем межличностного и институционального доверия в следствие рентно-сословного сдвига: граждане с низким и средним достатком реже доверяют друг другу, «компенсируя взаимное отчуждение доверием к государству и его институтам, а люди со значимым социальным капиталом, наоборот, проявляют более высокий уровень межличностного нежели институционального доверия» (Мартьянов, 2017, с. 61).

Таблица 3 – Сравнительный анализ институционального доверия российских граждан в разрезе пола и возраста (август 2024 г.) (составлено автором на основании авторского исследования)

Table 3 – Comparative Analysis of Institutional Trust Among Russian Citizens by Gender and Age (August 2024) (compiled by the author based on her own research)

Возраст	18-24		25-39		40-54		Старше 55	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Институт \ пол								
Президент РФ	70,30%	65,38%	65,40%	72,97%	66,67%	64,56%	62,34%	62,02%
Правительство РФ	62,87%	56,59%	46,45%	48,65%	49,74%	43,04%	46,44%	47,60%
ГД ФС РФ	53,96%	51,65%	33,65%	42,16%	32,80%	31,01%	30,54%	34,62%
СФ ФС РФ	54,46%	52,75%	42,65%	43,78%	35,45%	36,71%	33,89%	38,46%
Полит. партии	47,03%	41,21%	29,38%	29,19%	23,28%	16,46%	19,25%	23,56%
Армия	64,36%	54,95%	53,55%	58,38%	64,55%	58,86%	68,20%	61,54%
Полция	59,90%	58,24%	42,18%	51,35%	37,04%	43,04%	37,24%	40,38%
Прокуратура	58,42%	62,09%	47,39%	51,35%	36,51%	45,57%	38,49%	46,63%
Суд	64,36%	66,48%	43,60%	51,35%	37,04%	45,57%	33,05%	40,87%
Церковь	53,96%	55,49%	44,08%	50,81%	41,27%	53,80%	43,10%	49,04%
СМИ	44,06%	35,16%	34,60%	27,57%	25,93%	25,32%	25,94%	30,29%
Telegram-каналы	47,52%	57,69%	41,23%	41,62%	25,93%	36,71%	23,43%	37,50%
Блогеры	43,07%	40,11%	26,07%	22,16%	12,70%	15,19%	12,97%	16,83%

Возраст	18-24		25-39		40-54		Старше 55	
Институт \ пол	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Крупный бизнес	45,54%	47,25%	36,49%	34,59%	19,05%	26,58%	16,32%	24,04%
МСБ	55,94%	53,85%	47,39%	48,11%	32,80%	37,34%	30,13%	39,42%
Банки	64,36%	63,19%	44,55%	50,81%	35,98%	41,77%	28,03%	40,38%
Профсоюзы	51,49%	44,51%	42,18%	40,54%	30,16%	30,38%	26,78%	29,81%
НКО	43,56%	30,77%	30,33%	27,03%	16,93%	21,52%	12,13%	16,35%

В разрезе исследования феномена институционального доверия представляется важным изучать и факторы, которые способствуют формированию недоверия к тем или иным институтам власти. В авторском исследовании третий вопрос являлся открытым и позволял респондентам сформулировать основную причину их недоверия. Из 1574 респондентов развернутый ответ на этот вопрос дали 855 человек (54,3%). Доли ключевых причин недоверия распределились следующим образом: подозрение во лжи, обмане, намеренном сокрытии правды представителями государственных органов власти – 43,5%, уверенность в преследовании личных интересов в ущерб общественному благу, «простым людям» – 16,1%, подозрения в воровстве, повсеместный высокий уровень коррупции – 10,6%, отсутствие пользы, эффективности институтов, низкий уровень компетентности – 6%, негативный личный опыт взаимодействия – 4,4%, склонность к авторитарному стилю управления, подавление демократических прав и свобод – 3%, отсутствие знания и понимания политической системы, отсутствие информации о деятельности институтов – 2,6%, другие менее популярные ответы в сумме заняли 15,4% ответов респондентов. Перечисленные факторы недоверия не являются новыми для российской действительности и отвечают существующим вызовам времени.

Одной из гипотез исследования является тезис о существовании корреляции между типом основного источника получения информации гражданина и уровнем его политического институционального доверия. Для ее проверки мы выделили в исследовании из 18 институтов пять основных политических – Президент РФ, Государственная Дума и Совет Федерации ФС РФ, Правительство РФ и политические партии, присвоили категориям доверия следующие порядковые ранги: «доверяю» – 4, «скорее доверяю» – 3, «скорее не доверяю» – 2, «не доверяю» – 1 и посчитали средние значения политического институционального доверия, исключив ответы с «нулевым» балансом (те, кто затруднились ответить). Разделили всех респондентов на 3 группы: с высоким балансом политического институционального доверия с индексами от 3 до 4, средним – с индексами от 2,2 до 2,8, и низким – с индексами от 1 до 2. Вопросы № 7 и № 8 исследования были посвящены изучению наиболее используемых источников получения новостей и источников, которым доверяют больше всего («Откуда Вы чаще всего узнаете о новостях в стране и мире?» и «Каким источникам информации Вы доверяете больше всего с точки зрения освещения новостей?»). В таблице 4 приведены результаты частотного анализа полученных ответов в трех группах респондентов, на основании которых мы можем сформулировать несколько выводов. У группы с высоким и средним уровнем доверия наиболее используемым и достоверным

источником информации является телевидение, в отличие от группы с низким уровнем доверия (разница в использовании – 24 процентных пункта, в доверии – 40), в то время как наиболее популярными и пользующиеся доверием источники информации для группы с низким уровнем доверия является мессенджер Telegram и интернет-издания. Другие традиционные СМИ – радио и газеты – являются наименее популярными во всех группах респондентов, что подчеркивает возросшую роль новых медиа в условиях глобальной цифровизации. Полученное распределение кажется закономерным в вопросе исследования политического доверия, так как и телевидение и интернет-ресурсы могут использоваться для манипуляции общественным мнением путем массовой коммуникации, но их разница заключается в уровне контроля за предоставляемой информацией (проблема фейк-новостей) и реализации интересов разных групп, в случае телевидения информация доносится зачастую в рамках государственной информационной политики, а в случае социальных сетей и Telegram-каналов может быть реализована в интересах разнородных частных интересов, в том числе оппозиционных сил, иностранных спецслужб, религиозных и национальных группировок и т. д. Выбор основного канала получения информации влияет на формирование установок и ценностей, и институционального доверия, в том числе – политического, поэтому мы можем сформулировать вывод о наличии не только корреляции, но каузации между типом основного источника получения информации гражданина и уровнем его политического институционального доверия. Схожие выводы можно встретить в работе Р. Мухаметова, который на основе регрессионного анализа данных седьмой волны «Всемирного исследования ценностей» сформулировал вывод: «чем выше у граждан уровень социального доверия, тем больше их доверие к телевидению» (Мухаметов, 2024, с. 104).

Таблица 4 – Частотный анализ наиболее используемых источников информации и источников с наибольшим уровнем доверия в трех группах респондентов с разным уровнем политического институционального доверия (август 2024 г.) (составлено автором на основании авторского исследования)

Table 4 – Frequency Analysis of the Most Common Sources of Information and Those with the Highest Level of Trust Among Three Groups of Respondents with Different Levels of Political Institutional Trust (August 2024) (compiled by the author based on her own research)

Баланс доверия	Кол-во респондентов	ТВ		Соцсети		Telegram		Интернет-издания	
Самый используемый источник информации									
Высокое	477	304	63,70%	255	53,50%	191	40,00%	178	37,30%
Среднее	362	220	60,80%	167	46,10%	160	44,20%	138	38,10%
Низкое	599	235	39,20%	278	46,40%	312	52,10%	306	51,10%

Баланс доверия	Кол-во респондентов	ТВ		Соцсети		Telegram		Интернет-издания	
Источники информации, пользующиеся наибольшим доверием									
Высокое	477	265	55,60%	140	29,40%	137	28,70%	112	23,50%
Среднее	362	145	40,10%	80	22,10%	127	35,10%	98	27,10%
Низкое	599	93	15,50%	144	24,00%	261	43,60%	207	34,60%

Продолжение таблицы 4

Continuation of table 4

Баланс доверия	Кол-во респондентов	Радио		Печатные издания (газеты, журналы)		Друзья, родные, соседи, рабочий коллектив	
Самый используемый источник информации							
Высокое	477	61	12,80%	34	7,10%	121	25,40%
Среднее	362	39	10,80%	17	4,70%	81	22,40%
Низкое	599	48	8,00%	22	3,70%	132	22,00%
Источники информации, пользующиеся наибольшим доверием							
Высокое	477	55	11,50%	50	10,50%	104	21,80%
Среднее	362	31	8,60%	23	6,40%	73	20,20%
Низкое	599	18	3,00%	18	3,00%	111	18,50%

Последняя рассматриваемая гипотеза исследования заключается в оценке влияния политического институционального доверия на консолидацию российского общества. Для ее проверки мы также разделили всех респондентов на 3 группы: с высоким, средним и низким уровнем доверия. Вопрос № 9 исследования предлагал определить уровень значимости разных социальных ценностей («Оцените значимость для вас следующих понятий по шкале», вопрос и шкала заимствованы из исследования Шестопал Е.Б. (Шестопал 2014)), где каждому уровню значимости мы присвоили порядковый ранг от 4 до -1, где «очень значимо» – это «4», а «отрицательное значение» – это «-1». Таким образом, в каждой группе респондентов мы рассчитали средний уровень значимости каждой отдельно взятой анализируемой ценности (Таблица 5). По результатам анализа для всех групп наблюдается наибольшая значимость тех ценностей, которые обеспечивают благополучное развитие человека в обществе (безопасность, мир, справедливость), что отражает, в том числе, российские политические реалии – проведение Специальной военной операции. При этом

мы видим значительную разницу в ответах «патриотизм», «традиционность», «коллективизм», «толерантность» и «национализм». Коммунитарные ценности патриотизма, коллективизма и традиционности предполагают мотивацию включенности индивида в создание общественного блага, стремление к соблюдению общественных правил и норм, разделение морали, принятой в обществе, соответственно, их выбор в качестве значимого ценностного ориентира способствует социальной консолидации. Мы видим, что разница в выборе этих ценностей у разных групп является ощутимой (более 20%), соответственно, мы можем сделать вывод, что уровень политического институционального доверия играет значимую роль в консолидации общества. Высокий уровень доверия государственным и общественным институтам обеспечивает основу для сотрудничества между властью и обществом, увеличивает емкость возможной поддержки даже непопулярных мер и социальных практик, но социально-значимых в интересах общества законопроектов, инициатив, действий, инициированных властью.

Таблица 5 – Анализ среднего уровня значимости социальных ценностей в трех группах респондентов с разным уровнем политического институционального доверия (август 2024 г.) (составлено автором на основании авторского исследования)

Table 5 – Analysis of the Average Importance of Social Values Among Three Groups of Respondents with Different Levels of Political Institutional Trust (August 2024) (compiled by the author based on his own research)

	Низкое	Среднее	Высокое	Δ
Безопасность	3,73	3,77	3,79	2%
Мир	3,72	3,72	3,76	1%
Справедливость	3,67	3,66	3,71	1%
Законность	3,64	3,67	3,75	3%
Права человека	3,62	3,58	3,7	2%
Свобода	3,61	3,49	3,66	2%
Порядок	3,57	3,65	3,69	3%
Стабильность	3,42	3,59	3,63	6%
Частная собственность	3,11	3,11	3,28	5%
Равенство	3,02	3,07	3,25	7%
Солидарность	2,93	3,16	3,38	13%
Патриотизм	2,74	3,39	3,56	23%
Индивидуальная инициатива	2,74	2,81	3,06	11%
Демократия	2,72	2,7	3	10%
Традиционность	2,46	3,11	3,26	25%
Толерантность	2,26	2,43	2,86	21%
Коллективизм	2,23	2,75	3,05	27%
Национализм	1,54	1,87	2,15	28%

Заключение

В заключении исследования политического институционального доверия в России мы определяем пять ключевых выводов:

1) в России в течение последних двух десятилетий в разрезе оценки уровня политического институционального доверия перманентно сохраняется наивысший уровень доверия к институту Президента, а наименьший – к политическим партиям;

2) ключевыми причинами динамики общего уровня политического институционального доверия являются крупные внешне- и внутривнутриполитические события, где рост доверия связан с эффектом «сплочения вокруг флага» на фоне внешнеполитических побед, а его падение – с внутривнутриполитическими проблемами;

3) фактором, оказывающим наибольшее влияние на уровень политического институционального доверия, чаще является возраст гражданина, нежели его пол или территория проживания внутри государства;

4) существует корреляция между типом основного источника получения информации гражданина и его уровнем политического институционального доверия: граждане, чаще использующие телевидение в качестве основного источника информации, обладают более высоким уровнем лояльности и доверия к политическим институтам в отличие от граждан, для которых основными источниками являются Telegram или интернет-издания;

5) политическое институциональное доверие является одним из значимых факторов консолидации российского общества, так как оно может способствовать распространению коммунитарных ценностей в обществе.

Доверительное отношение к политическим институтам способствует вовлечению граждан к участию в общественно-политической жизни и формированию открытой обратной связи, что в конечном итоге предопределяет эффективность государственной политики в целом. Недоверие, с точки зрения общественного развития, приводит к фрагментации общества, созданию альтернативных организационных форм, увеличению числа конфликтов социальных групп и в результате дестабилизирует общество, однако при этом недоверие обеспечивает увеличение степени контроля за деятельностью властных институтов и становится «легитимным основанием развития бюрократического аппарата» (Вершинин, 2007, с. 71). Доверие же является важным фактором социальной консолидации россиян, поскольку способствует снижению уровня неопределенности и защищает от рисков недоверия – атомизации и радикальной индивидуализации.

Список литературы

1. Белоконев, С.Ю., Васильев, М.С., Титов, В.В. (2019). Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения. *Власть*, 27(4), 51–57. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6585>
2. Вершинин, С.Е. (2007). Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы). *Научный ежегодник Института*

философии и права Уральского отделения Российской академии наук, (7), 61–74.

3. Галкин, А. А., Красин, Ю. А. (2003). Россия: quo vadis? Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН.

4. Глушко, И. В. (2016). Факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе. *Гуманитарий Юга России*, 20(4), 95–104.

5. Горшков, М. К., Петухов, В. В. (Ред.). (2015). *Российское общество и вызовы времени. Книга вторая*. Москва: Весь Мир.

6. Горшков, М. К., Тихонова, Н. Е. (Ред.). (2022). *Российское общество и вызовы времени. Книга шестая*. Москва: Весь Мир. <https://doi.org/10.55604/9785777708984>

7. Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2019). Доверие в нестабильном российском обществе. *Полис. Политические исследования*, (5), 134–147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>

8. Мартьянов, В. С. (2017). Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 17(1), 61–82. <https://doi.org/10.17506/tyipl.2016.17.1.6182>

9. Мартьянов, В. С. (2018). Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности. *Журнал институциональных исследований*, 10(1), 41–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058>

10. Мерзлякин, Н. В. (2024). Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского государства. *Наука. Культура. Общество*, 30(1), 22–34. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.2>

11. Мухаметов, Р. С. (2024). Почему граждане доверяют СМИ? Истоки доверия к телевидению в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*, 33(2), 95–114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-95-114>

12. Рожкова, Л. В., Влазнева, С. А., Сальникова, О. В., Дубина, А. Ш. (2022). Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1(61), 5–17. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-1>

13. Пушкарева, Г. В., Сычев, В. В. (2023). Политическое институциональное доверие в российском обществе. *Государственное управление. Электронный вестник*, (100), 142–154. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-142-154>

14. Терин, Д. Ф. (2018). Структура доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов. *Социологический журнал*, 24(2), 90–109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846>

15. Терин, Д. Ф. (2020). Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия. *Полис. Политические исследования*, (3), 144–157. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10>

16. Фукуяма, Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ.

17. Черкашин, М. Д. (2019). Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества. *Коммуникология: электронный*

научный журнал, 4(3), 74–82.

18. Шестопап, Е.Б. (2014). Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны. *Полис. Политические исследования*, (2), 61–71.

19. Castaldo, S. (2002). *Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions*. Proceedings of the Second Euram Conference in European academy of management, Stockholm.

20. Castaldo, S. (2003). *Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies*. Proceedings of the 19th IMP Conference in Lugano. Switzerland.

21. Gambetta, D. (1988). Can we trust in trust? In D. Gambetta (Ed.), *Trust: Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (pp. 213–237). Oxford: Basil Blackwell.

22. Hart, K. (1988). Kinship, Contract and Trust in Economic Organization of Migrants in an African City Slum. In D. Gambetta (Ed.), *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (pp. 176–193). Oxford: Basil Blackwell.

23. Hooghe, M. (2011). Why There is Basically Only One Form of Political Trust. *The British Journal of Politics & International Relations*, 13(2), 269–275. <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2010.00447.x>

24. Kydd, A.H. (2005). *Trust and Mistrust in International Relations*. Princeton: Princeton Univ. Press.

25. Luhman, N. (1979). *Trust and Power*. New York: John Wiley & Sons.

26. Mishler, W., & Rose, R. (2001). What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies. *Comparative political studies*, 34(1), 30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>

27. Robinson, S.L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quarterly*, (41), 574–599. <https://doi.org/10.2307/2393868>

28. Rousseau, D.M., Sitkin, S.B., Burt, R.S., & Camerer, C. (1998). Not So Different after All: A Cross-Discipline View of Trust. *Academy of Management Review*, 23(3), 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>

29. Sztompka, P. (1999). *Trust: A Sociological Theory*. New York: Cambridge Univ. Press.

References

1. Belokonev, S. Yu., Vasiliev, M. S., & Titov, V. V. (2019). Tsifrovye tekhnologii v sovremennykh izbiratel'nykh kampaniyakh: osobennosti primeneniya [Digital Technologies in Modern Electoral Campaigns: Specifics of Application]. *Vlast'*, 27(4), 51–57. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6585>

2. Vershinin, S.E. (2007). Sotsial'noe nedoverie: paradigmy analiza, istochniki, funktsii (k postanovke problemy) [Social Distrust: Paradigms of Analysis, Sources, Functions (Towards Formulation of a Problem)]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, (7), 61–74.

3. Galkin, A.A., & Krasin, Yu. A. (2003). *Rossiya: quo vadis?* [Russia: quo vadis?]. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN.

4. Glushko, I.V. (2016). Faktory transformatsii doveryiya i nedoveriya kak

sotsial'nykh praktik v rossiyskom obshchestve [Factors of Transformation of Trust and Distrust as Social Practices in Russian Society]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 20(4), 95–104.

5. Gorshkov, M.K., & Petukhov, V.V. (Eds.). (2015). *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [Russian Society and the Challenges of the Time. B. 1]. Moskva: Ves' Mir.

6. Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (Eds.). (2022). *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga shestaya* [Russian Society and the Challenges of the Time. B. 6]. Moscow: Ves' Mir. <https://doi.org/10.55604/9785777708984>

7. Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2019). Doverie v nestabil'nom rossiyskom obshchestve [Trust in Unstable Russian Society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 134–147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>

8. Martianov, V.S. (2017). Doverie v sovremennoy Rossii: mezhdum pozdnim Modernom i novoy soslovnost'yu? [Trust in Contemporary Russia: Between Late Modernity and New Estate Order?]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 17(1), 61–82. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.6182>

9. Martianov, V.S. (2018). Institutsional'noe doverie kak ekonomicheskiy resurs: stimuly i prepyatstviya effektivnosti [The Institutional Trust as an Economic Resource: Incentives and Obstacles of Efficiency]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, 10(1), 41–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058>

10. Merzlikin, N.V. (2024). Grazhdane i eksperty o doverii institutam i politike rossiyskogo gosudarstva [Citizens and Experts on Trust in the Institutions and Policies of the Russian State]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 30(1), 22–34. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.1.2>

11. Mukhametov, R.S. (2024). Pochemu grazhdane doveryayut SMI? Istoki doveriya k televideniyu v sovremennoy Rossii [Why do Citizens Trust the Media? The Origins of Trust in Television in Modern Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 33(2), 95–114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-95-114>

12. Rozhkova, L.V., Vlazneva, S.A., Salnikova, O.V., & Dubina, A.Sh. (2022). Otnoshenie molodezhi k politicheskim institutam: uroven' doveriya i odobreniya [Outh's Attitude Towards Political Institutions: Level of Trust and Approval]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 1(61), 5–17. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-1>

13. Pushkareva, G.V., & Sychev, V.V. (2023). Politicheskoe institutsional'noe doverie v rossiyskom obshchestve [Political Institutional Trust in the Russian Society]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, (100), 142–154. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-142-154>

14. Terin, D.F. (2018). Struktura doveriya v Rossii: effektivnost' i spravedlivost' politicheskikh institutov [The Structure of Political Trust in Russia: Performance and Fairness of Political Institution]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 24(2), 90–109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846>

15. Terin, D.F. (2020). Politicheskoe doverie, udovletvorennost' i predstavleniya o prichinakh bednosti: rol' normativnykh aspektov institutov v proizvodstve doveriya [Political Trust, Satisfaction and Perceptions of the Causes of Poverty: the Role of the Normative Aspects of Institutions in the Production of Trust]. *Polis*.

- Politicheskie issledovaniya*, (3), 144–157. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10>
16. Fukuyama, F. (2004). *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: АСТ.
17. Cherkashin, M.D. (2019). Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsial'noy konsolidatsii obshchestva [Public Trust in Government as a Factor in Social Consolidation]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 4(3), 74–82.
18. Shestopal, E. B. (2014). Tsennostnye kharakteristiki rossiyskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany [Value Characteristics of the Russian Political Process and the Country's Development Strategy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 61–71.
19. Castaldo, S. (2002). *Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions*. Proceedings of the Second Euram Conference in European academy of management, Stockholm.
20. Castaldo, S. (2003). *Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies*. Proceedings of the 19th IMP Conference in Lugano. Switzerland.
21. Gambetta, D. (1988). Can we trust in trust? In D. Gambetta (Ed.), *Trust: Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (pp. 213–237). Oxford: Basil Blackwell.
22. Hart, K. (1988). Kinship, Contract and Trust in Economic Organization of Migrants in an African City Slum. In D. Gambetta (Ed.), *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (pp. 176–193). Oxford: Basil Blackwell.
23. Hooghe, M. (2011). Why There is Basically Only One Form of Political Trust. *The British Journal of Politics & International Relations*, 13(2), 269–275. <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2010.00447.x>
24. Kydd, A.H. (2005). *Trust and Mistrust in International Relations*. Princeton: Princeton Univ. Press.
25. Luhman, N. (1979). *Trust and Power*. New York: John Wiley & Sons.
26. Mishler, W., & Rose, R. (2001). What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies. *Comparative political studies*, 34(1), 30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>
27. Robinson, S.L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quarterly*, (41), 574–599. <https://doi.org/10.2307/2393868>
28. Rousseau, D.M., Sitkin, S.B., Burt, R.S., & Camerer, C. (1998). Not So Different after All: A Cross-Discipline View of Trust. *Academy of Management Review*, 23(3), 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>
29. Sztompka, P. (1999). *Trust: A Sociological Theory*. New York: Cambridge Univ. Press.

Информация об авторе

Ирина Маратовна Виноградова, младший научный сотрудник, аспирант отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3305-9282>, e-mail: iren121121@ya.ru

Information about the author

Irina Maratovna Vinogradova, PhD student of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, junior researcher, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3305-9282>, e-mail: iren121121@ya.ru

**ДОКЛАДЫ XI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ
И СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ В ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ»
(16–17 МАЯ 2024, Г. ЕКАТЕРИНБУРГ, РОССИЯ)**

**REPORTS OF THE XI ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC CONFERENCE "CULTURE OF ABOLITION
AND SOCIAL OSTRACISM IN HISTORY
AND MODERNITY"
(MAY 16–17, 2024, EKATERINBURG, RUSSIA)**

УДК 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_175

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САНКЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Олег Михайлович Рой,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
roi_omsk@mail.ru

Получена 05.06.2024.

Поступила после рецензирования 06.07.2024.

Принята к публикации 26.07.2024.

Для цитирования: Рой О. М. Институциональная структура санкционного противостояния // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 175–190. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_175

Аннотация

В статье раскрывается структура санкционного противостояния, выделяются основные элементы этой структуры, способы санкционного воздействия, а также установки субъектов санкционного противостояния. В качестве основных субъектов санкционного противостояния в статье определены: инициатор санкций (Санкционер), объект санкционного воздействия (Подсанкционист) и третьи лица, за вовлечение которых на свою сторону ведут борьбу два первых субъекта. Используя институциональный подход и закладывая в основу исследования установки субъектов санкционного противостояния, автор определяет характерные стратегии участвующих в противостоянии сторон. На основе анализа теоретических обобщений санкционной практики последних лет в статье указывается опасность реализации санкционной политики как для инициатора санкций, так и для того, против кого они направлены. Рассматривается также проблема измерения эффективности санкционной политики и методы достижения целей, участвующих в противостоянии сторон. Установлен перечень критериев, по которым может быть оценена эффективность санкционного воздействия со стороны Санкционера. Определено, что

© Рой О. М., 2024

степень этой эффективности может проявляться в долгосрочном периоде. На основе использования теории игр предложены варианты санкционного противостояния, выявлены и типологизированы риски для каждой из сторон. Сформулированы условия, позволяющие Подсанкционисту нейтрализовать и минимизировать негативное воздействие санкций, максимизировать полезность в реализации своей контрсанкционной политики.

В заключении делается вывод, что оптимальным способом для противодействия санкциям может стать формирование сбалансированной мир-системы, предусматривающей возможность воспроизводства полного производственного цикла по всему перечню стратегически значимых продуктов.

Ключевые слова:

санкции, институты, мир-система, эффективность санкционного воздействия, импортозамещение

UDC 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_175

THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF SANCTIONS CONFRONTATION

Oleg M. Roy,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
roi_omsk@mail.ru

Received 05.06.2024.

Revised 06.07.2024.

Accepted 26.07.2024.

For citation: Roy, O.M. (2024). The Institutional Structure of Sanctions Confrontation. *Discourse-P*, 21(3), 175–190. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_175

Abstract

The article explores the structure of sanctions confrontation, highlighting its key components, methods of sanctions influence, as well as the attitudes of the parties involved. It categorizes the main subjects of sanctions confrontation into three groups: the initiator of sanctions (the Sanctioner), the target of sanction influence (the Sub-Sanctionist) and third parties, for whose involvement the first two subjects compete. Employing an institutional approach, the author lays the ground for analyzing the attitudes of these subjects and identifies characteristic strategies of the parties engaged in the confrontation. Drawing on theo-

retical generalizations of recent sanctions practice, this article indicates the inherent risks associated with the implementation of sanctions policies, both for the initiator and the target. It also discusses the challenges of measuring the effectiveness of sanctions policy and the methods employed by the involved parties to achieve their objectives. A set of criteria is proposed to assess the effectiveness of sanctions from the perspective of the Sanctioner, noting that such effectiveness may manifest over the long term. Utilizing game theory, the article presents the potential options for sanctions confrontation, while identifying and categorizing risks for each of the parties. Additionally, it formulates conditions that enable the Sub-Sanctionist to neutralize and minimize the adverse impact of sanctions, while maximizing utility in counter-sanction strategy. In conclusion, the author posits that an optimal strategy for counteracting sanctions may involve the establishment of a balanced global system, which provides for the possibility of reproducing a full production cycle for all strategically important products.

Keywords:

sanctions, institutions, world-system, effectiveness of sanctions, import replacement

Введение

Санкции становятся в последнее время распространенным способом разрешения споров между государствами. С одной стороны, невоенные, преимущественно экономические меры представляются лучшим способом воздействия одной конфликтующей стороны в отношении своего контрагента, но с другой, режим санкций способствует расширению сферы противостояния с вовлечением в этот конфликт других сторон. И это делает санкционный режим очень опасным.

Под санкциями понимаются действия или меры, предпринимаемые одними субъектами против других, призванные изменить поведение этих субъектов, заставить их отказаться от каких-либо целей. Перечень этих мер составляют: частичное и полное эмбарго, экономический бойкот, включающий в себя запреты на поставку товаров и оборудование, ограничения на транспортные перевозки и перемещения граждан, исключение подсанкционного субъекта из наднациональных технологических систем, отказ от ранее взятых обязательств и пр. (Грачева, 2017).

В то же время санкции наносят вред не только тем, против которых они направлены. Значительный ущерб могут испытывать и те, кто их инициировал. Поэтому всегда важно понимать, что может содействовать достижению целей санкционной политики, а что притупляет или нейтрализует ее воздействие. Крайне важным в теоретическом плане представляется вопрос, как можно измерить эффективность санкционного воздействия. В чем оно может проявляться? И чем определяется поведение субъектов санкционного противостояния?

Режим санкций известен человечеству еще с античных времен: самым ранним примером (432 г.) служат экономические санкции Афин в отношении городов-государств, которые отказались присоединиться к возглавляемой

Афинами Делосской лиге во время Пелопоннесской войны. И в Средние века в период религиозных войн, связанных с реформацией Европы, государства использовали торговые эмбарго и другие экономические санкции, чтобы заставить соблюдать договорные обязательства по защите определенных христианских меньшинств (Кегг, 2009). Санкции призваны нанести травму противнику, вызвать катастрофические последствия, превращая его в жертву политического расчета. Однако для национальных государств враждебное влияние может быть трансформировано в формирование новой национальной или функционально схожей с ней идентичности, что существенно ослабляет эффективность их применения (Фишман, 2024).

В современном мире режим санкций использовался преимущественно как инструмент непрямого, избирательного воздействия мирового сообщества на политику отдельных стран с целью нейтрализации опасных с точки зрения органов управления этого сообщества последствий такой политики. Тенденции глобализации способствовали вовлечению различных структур мирового сообщества в сферу влияния отдельных государств, что сделало санкции инструментом открытого политического давления.

Структура санкционного противостояния

Структурными элементами санкционного противостояния выступают инициатор, цели, объекты и мишень. Мишени санкций выступают – государство, группа государств, отдельные организации и граждане (Победин, Федулов, 2023, с. 23–24). Санкции могут быть направлены против государства в целом, отдельных отраслей и секторов народного хозяйства, предприятия и организации, отдельных граждан или определенных видов продукции.

Субъектами санкционного противостояния выступают инициатор санкций (Санкционер), объект санкционного воздействия (Подсанкционист) и третьи лица, за вовлечение которых на свою сторону ведут борьбу два первых субъекта (Рисунок 1). Санкционер как инициатор санкций намерен оказать наибольший урон Подсанкционисту посредством различных мер негативного воздействия. Подсанкционист стремится минимизировать этот урон за счет различных контрдействий, способных сделать предпринимаемые Санкционером меры избыточными или ничтожными. Усиливают позиции обоих участников санкционного противостояния третьи стороны, в роли которых выступают субъекты, на которые санкционные отношения влияют только косвенно и которые занимают сторону Санкционера или Подсанкциониста в силу собственного осознания природы этого противостояния и своих интересов в выборе поддержки того или иного участника.

Основными способами санкционного воздействия выступают меры экономического, финансового и гуманитарного характера, призванные ограничить имеющиеся возможности Подсанкциониста в привлечении ресурсов или в расширении своих текущих возможностей. Наиболее характерными проявлениями такого рода мер являются: запрет на ввоз определенного рода продукции или технологий, отстранение от использования финансовых и банковских ресурсов, дискриминация относящихся к Подсанкционисту социальных и профессио-

нальных групп. Кроме этого, санкционный режим может означать блокировку счетов, замораживание активов, отказ от принятых ранее обязательств и пр. Санкции могут быть единичными, секторальными и сплошными. А степень санкционного давления зависит от устойчивости Подсанкциониста к мерам санкционного воздействия и характера ее социально-экономической системы.

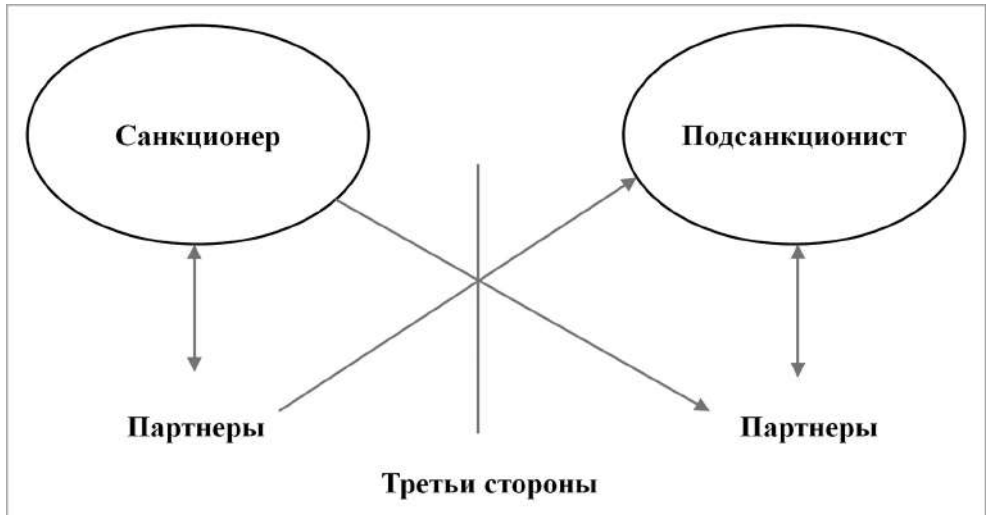

Рисунок 1 – Структура санкционных отношений

Figure 1 – Structure of Sanctions Relations

Чаще всего санкции определяются последствиями нарушения Подсанкционистом правил, установленных Санкционером, нарушение которых грозит разрушением сложившегося порядка и появлением дополнительных рисков. Поэтому многие санкции предусматривают воздействие на наиболее важные и прибыльные для Подсанкциониста сферы, имеющие для него стратегическое значение.

Влияние санкций на Подсанкциониста не является однозначным и направленным. Очень много зависит от того, насколько широко третьи стороны вовлечены в санкционное давление, насколько многосторонними и разнообразными представляются меры санкционного воздействия. Зарубежными экспертами неоднократно отмечалось, что вероятность того, что влияние санкций будет эффективным и всеобъемлющим, невелика. (Pare, 1997). По мнению Б. Ирли, экономические санкции достигают своих целей менее чем в трети случаев, когда они вводятся. Издержки этой провальной политики санкций могут быть значительными для государств, которые их вводят, их целей и других стран, на которые они влияют (Early, 2015).

Чаще всего санкционный эффект проявляется значительно позже после начальной стадии в реализации санкционной политики. Инвестиционные санк-

ции первоначально повышают норму прибыли на капитал в подсанкционном государстве, но в конечном итоге уменьшение притока нового капитала из-за границы сдерживает рост находящейся под санкциями страны. Иногда санкции, которые наносят меньший вред объекту, могут быть более эффективными, чем те, которые наносят больший вред (Eaton, Engers, 1992).

Для понимания санкционного механизма необходимо принимать во внимание длительность санкционного воздействия, включающего ярко выраженные две стадии – объявление санкций и их реальное воплощение. По свидетельству С. Афесоргбора, период воздействия угроз санкций качественно и количественно отличается от периода введенных санкций. В то время как введенные санкции приводят к уменьшению торгового потока между отправителем и его целью, угроза санкций приводит к его увеличению. Положительное воздействие угрозы может быть связано с тем, что экономические агенты как в отправителе, так и в его цели, прибегают к накоплению запасов до фактического введения санкций, чтобы минимизировать любые неблагоприятные последствия санкций (Afesorgbor, 2019).

Каждый участник санкционного противостояния вырабатывает определенную стратегию, по результатам реализации которой можно определить, насколько эффективной представляются ее последствия для участников. Основные установки санкционера и подсанкциониста можно представить в таблице 1.

Таблица 1 – Установки субъектов санкционного противостояния (составлено автором)

Table 1 – Attitudes of Subjects in Sanctions Confrontation (compiled by the author)

Санкционер	Подсанкционист
Ограничить условия выбора подсанкционистом оптимальных решений.	Нейтрализовать негативные последствия влияния санкционной политики.
Убедить третьи страны в объединении усилий против подсанкциониста.	Убедить третьи стороны в ущербности и бесполезности санкций, их несоответствие жизненным интересам этих сторон.
Снизить издержки от возможного ущерба, связанного с реализацией санкционной политики.	Расстроить возможность объединения партнеров санкционера вокруг целей санкционной политики.
Максимизировать ущерб подсанкциониста, вызванный разрывом отношений с партнерами.	Разработать эффективные контрсанкционные меры в отношении санкционера.
Заинтересовать партнеров подсанкциониста в переходе в стан партнеров санкционера.	Способствовать вовлечению третьих сторон в процессы реализации мероприятий, подверженных санкционному давлению, как приносящих пользу этим сторонам.

Санкционер не всегда обладает полной информацией о возможностях и стратегическом потенциале Подсанкциониста, что содействует вероятности недостижения Санкционером своих целей. У Подсанкциониста формируется типовой набор защитных мер, позволяющих ему противодействовать санкционной политике и нейтрализовывать ее негативные последствия. К этим мерам можно отнести: замещение находящихся под санкциями продуктов и технологий, которые имеют для него большое значение; перестройку производственной системы; переналаживание торговых потоков и транспортных систем и пр.

Санкции вызывают не только экономические последствия, но и социальные, которые могут проявляться через определенный период времени после того, как они были введены. К наиболее характерным социальным последствиям санкционного давления можно отнести: эмиграцию определенных категорий трудоспособного населения, чья деятельность финансируется организациями, ассоциированными с Санкционером, снижение уровня благосостояния отдельных категорий населения и пр. В то же время санкционное давление может вызвать консолидацию общества перед внешними угрозами, повышение доверия к органам власти, усиление чувства патриотизма. Санкции провоцируют активные действия попавшего под них государства по мобилизации внутренних ресурсов, противодействию оттоку капитала за рубеж, пересмотру устаревших принципов организации производства и распределения продукции.

Проблема измерения эффективности санкционной политики

Введение санкций всегда предполагает некую цель, которую перед собой ставит Санкционер. Поэтому соответствие результатов такого санкционного давления поставленным Санкционером целям является, пожалуй, главным критерием их эффективности (Pala, 2021).

Не всегда исходом санкционного давления выступает разрушение экономической системы Подсанкциониста, поскольку последствия санкционного воздействия могут принести существенный урон самому Санкционеру или его партнерам. Поэтому вряд ли можно говорить о каких-либо абсолютных значениях санкционного ущерба для Подсанкциониста без тщательной оценки последствий такого ущерба для самого Санкционера.

Одним из основных показателей оценки санкционного давления на национально-государственное образование выступают ключевые макроэкономические показатели, определяющие уровень благосостояния государства. К наиболее характерным значениям следует отнести удельные показатели валового внутреннего продукта, сокращение объемов потребления, падение инвестиционной активности и пр. Однако характерной особенностью санкционного воздействия является его продолжительность, предполагающая постепенное накопление негативных проявлений, эффект которых может быть выражен в отдаленный период времени. И поэтому использование текущих экономических показателей с целью отслеживания результатов санкционного воздействия не является достаточным.

Санкции, как правило, оказывают воздействие на Подсанкциониста с отдаленным по времени проявлением эффекта. И поэтому важно опреде-

лить наиболее значимые для его определения показатели. Рассматриваются, к примеру, показатели детской смертности среди детей в возрасте до пяти лет в качестве показателя состояния здоровья в качестве индикатора эффекта санкционного воздействия (Peksen, 2011). Можно также говорить и о других параметрах негативной динамики социальных последствий санкционного воздействия, таких как: сокращение расходов на развитие науки и образование, здравоохранение и культуру; увеличение доли бедных или сокращение удельного значения ВВП страны и пр. Подбор этих показателей можно объяснить выражением конкурентоспособности государства и кумулятивными свойствами этих показателей, способных проявляться через определенный промежуток времени. Большинство санкций в той или иной степени направлены на снижение стратегического потенциала Подсанкциониста, на его синхронную реакцию в отношении факторов санкционного воздействия. Чем сильнее такое воздействие, тем больше средств тратит Подсанкционист на противодействие такому давлению, ослабляя свой стратегический потенциал, экономя на долгосрочных инвестициях. Преимущественная реакция на санкционное воздействие осуществляется в направлении защиты текущего положения и нейтрализации возникающих текущих угроз. В этих условиях Подсанкционист стремится избегать долгосрочных вложений, мероприятий с высокой долей риска. Даже проекты, идущие на замещение подсанкционной продукции, могут осуществляться в ограниченном объеме исключительно на цели, способные достигать краткосрочных эффектов. Следовательно, опасность санкционного давления как раз и состоит в воздействии на наукоемкие сферы производства Подсанкциониста, которые в конечном счете и способны нейтрализовать угрозы посредством формирования неподверженной санкциям эквивалентной системы.

В то же время санкционное давление заставляет Подсанкциониста обратить внимание на внутренние резервы, ослабить свою зависимость от внешних ресурсов, стимулировать развитие собственного производства.

Следовательно, введение санкционной политики представляет собой игру двух и более сторон, каждая из которых пытается удовлетворить свой интерес в этой игре путем определения своей особой роли в этом процессе. Основными направлениями санкционной политики выступают нанесение максимального экономического ущерба Подсанкционисту и возможности его изоляции.

Институциональный анализ санкционного противостояния

Адекватным инструментом анализа санкционного противостояния может выступать институциональный подход, который позволяет рассматривать экономические процессы в широком социальном и политическом контексте, не ограничиваясь анализом экономических процессов в чистом виде. Институциональный анализ предоставляет возможность включить в оценку влияющие на текущие процессы институты, учитывать внеэкономические факторы, а также не искать устойчивого социального порядка, исходя из множественности исходов и точек равновесия. Институциональный подход предполагает несколько видов равновесия между сторонами в рамках санк-

ционного противостояния, характер которых определяет положение каждого игрока в структуре этого противостояния. В теории игр выделяют четыре вида равновесий.

1) Доминирующая стратегия – означает такой план действий, который обеспечивает участнику максимальную полезность вне зависимости от действий другого участника.

2) Равновесие по Нэшу означает ситуацию, когда ни один из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, меняя свой план действий.

3) Равновесие по Штакельбергу означает ситуацию, когда ни один из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, а решения принимаются сначала одним игроком и становятся известным второму игроку.

4) Равновесие по Парето означает ситуацию, когда нельзя улучшить положение ни одного из игроков, не ухудшая при этом положения другого (Олейник, 2000, с. 77).

Институциональный анализ санкционного противостояния свидетельствует, что в данном случае его стороны не достигают выигрыша вне зависимости от действий другой стороны, а также не способны увеличивать свою выгоду от текущих изменений своей санкционной политики. Кроме того, стороны противостояния могут развиваться совершенно независимо друг от друга, что не привязывает выгоду или потери одной из сторон от изменяющейся ситуации в динамике второй стороны. Поэтому санкционные отношения подпадают под действие модели равновесия Штакельберга, согласно которой Санкционер принимает решение, впоследствии известное второму игроку, имеющему возможность выработать меры по защите своих интересов. При этом стратегии двух игроков могут осуществляться по независимым друг от друга траекториям и лишь по результатам их проявлений сопоставляться друг с другом.

Санкционер с целью повышения эффективности своих действий решает дилемму – ввести дополнительные санкции для Подсанкциониста либо ужесточить контроль по соблюдению уже введенных ранее. Разрешение исхода дилеммы определяется возможными действиями Подсанкциониста, который с целью ухода от заблокированного пакета поставок может либо заменить эти поставки из других источников, либо заместить их за счет собственного производства.

Санкционер не действует в одиночку – он является субъектом и частью разветвленной мир-системы, которая может выступать мощным фактором продвижения санкций (Валлерстайн, 2001). Санкции особенно эффективными представляются для того, кто является частью этой мир-системы и действует в соответствии с выработанными в ней правилами. Как только Подсанкционист обособливается и начинает формировать свою мир-систему, продуктивность санкционного воздействия начинает ослабевать.

Своим вхождением в рыночную экономику Россия была интегрирована в разветвленную систему институтов, предоставляющую для каждого своего участника как дополнительные возможности для развития, так и возможные ограничения. Однако, масштаб страны, ее пространственное разнообразие, неравномерность в развитии ее составных частей способствовали низкой

степени адаптации России к международным нормам и стандартам, сформировали определенную невосприимчивость ее институтов к отображению текущих изменений. Это могло стать одной из причин, почему беспрецедентные санкции западных стран против России не вызвали тотального разрушения ее экономической системы.

Максимального эффекта Санкционер достигает в том случае, если усиление контроля над действующими санкциями минимизирует емкость поставок от третьих сторон, в то время как введение новых санкций может заставить Подсанкциониста за счет импортозамещения выйти за пределы мир-системы и стимулировать создание новой. Однако уход Подсанкциониста из привычной мир-системы снижает возможности в преодолении санкционного давления по другой альтернативе – параллельному импорту, что в краткосрочном периоде может вызвать серьезные кризисные последствия.

Отношение Санкционера и Подсанкциониста – это отношения субъектов санкционного противостояния, распадающиеся на несколько равновесных точек. Нахождение в каждой такой точке определяет позицию одного участника противостояния другому с точки зрения успешности в реализации своей стратегии (Таблица 2).

Таким образом формируется равновесная система двух равно возможных стратегий со стороны участников санкционного противостояния. Количественные значения в квадрантах представленной в Таблице 2 матрицы представляют условные показатели полезности результатов стратегии участников санкционного противостояния, достигаемые по реакции на действия противоположной стороны.

Таблица 2 – Матрица санкционного противостояния (составлено автором)

Table 2 – Sanctions Confrontation Matrix (compiled by the author)

Санкционер	Подсанкционист	
	Импортозамещение	Поставки необходимой продукции из третьих стран
Введение дополнительных санкций	1.3	2.3
Усиление контроля за действием уже ранее введенных	2.2	3.1

Рассмотрение стратегий участников противостояния в разрезе матрицы свидетельствует, что ни одна из этих стратегий не может иметь абсолютного значения и уравнивается вероятными действиями контрагента. К примеру, импортозамещение не может полностью перекрыть поставок по параллельному импорту, точно также как Санкционер не имеет возможности вводить дополнительные санкции без учета того, как они соблюдаются третьими сторонами.

В то же время реализация представленных в матрице стратегий имеет различные нормы затрат, когда, к примеру, затраты на импортозамещение могут существенно превышать расходы по параллельному импорту, а усиление контроля за действием ранее введенных санкций влечет за собой введение дополнительных их видов.

Каждый из участников противостояния стремится максимизировать полезность, складывающуюся главным образом из таких составляющих, как материальные и административные затраты на реализацию стратегии, публичность (охват ее поддержки) или время на достижение поставленных целей.

Подверженность Подсанкциониста действию санкций зависит от степени однородности продуктов, находящихся в санкционном списке. Однако в условиях рынка однородность все больше размывается за счет разнообразных субститутов, сохраняющих функциональность оригинального продукта при снижении его качества. Это позволяет Подсанкционисту выкраивать время для замещения подсанкционного продукта с обеспечением необходимого качества.

В рамках санкционного противостояния стороны обнаруживают несколько возможных стратегий, при реализации которых они намерены получить выигрыш.

Введение дополнительных санкций – Импортозамещение

Формально импортозамещение способно компенсировать риски объявленных санкционных действий. В современной экономике многие страны импортируют значительную часть продукции вовсе не потому, что в ней кровно нуждаются, сколько по причине экономической выгоды или политического расчета. Стратегии Санкционера и Подсанкциониста уравновешиваются друг другом, ограничиваясь в той мере, в какой стороны способны достичь поставленных целей. Успехи Подсанкциониста зависят от его производственных и кооперационных возможностей, а также от уверенности Санкционера последовательно достигать своих целей. Данная стратегия для Подсанкциониста является наиболее выгодной, позволяющей в наибольшей степени компенсировать негативное влияние санкций. Но в то же время она является и наиболее затратной, поскольку требует максимальной мобилизации располагаемых ресурсов.

Введение дополнительных санкций – Поставки необходимой продукции из третьих стран

Находящиеся в этом положении участники противостояния не способны самостоятельно достигать поставленных целей, поскольку действенность объявленных санкционных мер должна подтверждаться слаженным действием вовлеченных в санкционную политику третьих сторон. Для Подсанкциониста участие третьей стороны позволяет компенсировать ущерб, связанный с введением новых санкций, тогда как Санкционер вводит новые санкции для более широкого и направленного воздействия на Подсанкциониста с учетом того, что старые санкции уже достигли своих целей и требуют обновления.

*Усиление контроля за действием уже ранее введенных –
Импортозамещение*

Находясь в этом положении Санкционер несет высокие издержки на организацию контроля, тогда как Подсанкционист компенсирует нехватку необходимых ресурсов импортозамещающей продукцией. Однако курс на импортозамещение может быть существенно ограничен действиями Санкционера, способного усилением контроля закрыть каналы обеспечения стратегии импортозамещения, что позволяет уравнивать шансы обеих сторон в рамках этого противостояния.

*Усиление контроля за действием уже ранее введенных – Поставки
необходимой продукции из третьих стран*

Точка, занимая которую Санкционер в наибольшей степени способен достичь максимального эффекта от введенных санкций, ограничив возможности Подсанкциониста в поставках подсанкционных продуктов из третьих стран. Блокируя каналы взаимодействия Подсанкциониста и третьих стран, Санкционер существенно ограничивает возможности Подсанкциониста и обеспечивает более эффективный контроль за исполнением уже введенных ранее санкций.

Вышеприведенные стратегии выступают различными версиями поведения сторон санкционного противостояния, подтвержденными их готовностью к их осуществлению, сформировавшейся до того, как такое противостояние возникло. К примеру, зависшие у Подсанкциониста средства Санкционера будут существенно ограничивать его способность к изъятию средств Подсанкциониста у себя на территории.

Санкционер не заинтересован во введении новых санкций, если не способен проконтролировать эффективность уже введенных ранее. Поэтому он стремится заручиться поддержкой внешних участников противостояния, которые согласны поддержать действия Санкционера в том случае, если эти действия соответствуют их интересам или из-за боязни стать мишенью для новых санкций. При усилении санкционного давления нарастают риски как для самого Санкционера, так и для внешних сторон, и поэтому Санкционер для удержания в орбите своего влияния потенциальных партнеров должен способствовать и снижению рисков для них. Вследствие этого обстоятельства центр равновесия санкционного противостояния смещается из под контроля Санкционера в смешанную область, где он не может оказывать решающего влияния.

Особенностью институциональной модели санкционного противостояния является то, что Подсанкционист вынужден принимать решения вслед за действиями Санкционера. Поэтому действия Санкционера более подвержены риску непрочитанного по своим последствиям решения, тогда как Подсанкционист стремится просто нейтрализовать возникающие под влиянием санкций угрозы. Вовлекая в сферу своего влияния третьи стороны, Санкционер рассредоточивает значение риска между своими партнерами, усиливая давление на Подсанкциониста.

Ключевую роль во взаимоотношениях Санкционера и Подсанкциониста играет институциональная среда, формирующая механизмы поведения субъектов рынка и определяющая их возможности в достижении поставленных целей. Основными институтами, оказывающими влияние на экономический рост, по мнению Д. Норта, выступают гарантированная защита прав собственности и обеспечение исполнения контрактов (North, 1989). Институты формируют систему стимулов, которые позволяют вовлекать в нее различных рыночных субъектов, заинтересованных в расширении своего экономического влияния. Международная межбанковская система SWIFT или разного рода инвестиционные фонды представляются привлекательными для рыночного субъекта институтами, расширяющими их возможности и укрепляющими текущее положение. Ценой приобщения к этим институтам благ является разделение субъектом определенных обязательств, не имеющих строго формального значения, но используемых в качестве условия для доступа к международным ресурсам. Санкции как раз и выступают одним из способов ограничения к этим ресурсам субъекта, чьи действия истолковываются как свидетельство нарушения установленных требований. Под видом Санкционера чаще всего скрывается неопределенная группа лиц, обладающая наибольшим влиянием на текущее воспроизводство этих институтов.

Однако санкционная политика, основанная на применении неформальных институтов, способна снизить доверие к ним со стороны участников рыночных отношений. Поэтому Подсанкционист имеет определенное преимущество перед Санкционером в оповещении третьих сторон о предвзятом отношении Санкционера к существующей институциональной модели, грозящей разрушением установленного социального и экономического порядка.

Эффективность санкций усиливается главным образом тем, что под контролем Санкционера находятся надгосударственные, международные институты, действующие по сформированным с его участием правилам. Уйти из-под влияния Санкционера означает уход из-под защиты этих институтов, чего многие невовлеченные в орбиту противостояния стороны делать не хотят. Преодолеть эту трудность возможно через учреждение альтернативной международной структуры, участие в которой может стать более выгодной альтернативой, нежели в структуре, контролируемой Санкционером.

Но для устойчивого образования такой структуры необходимо соблюдение ряда условий:

- степень консолидации стран альтернативного объединения должна быть не меньше, нежели стран-партнеров Санкционера;
- готовность Подсанкциониста к замещению попавших под санкции поставок должна быть обеспечена готовностью к участию третьих стран содействовать этому замещению;
- готовность Санкционера к введению новых санкций не обеспечена позитивными результатами в осуществлении контроля над исполнением ранее введенных.

Таким образом, взаимодействие Санкционера и Подсанкциониста можно истолковать с позиции игры, в рамках которой возможно несколько точек равновесия, т. е. установления относительно устойчивых образцов поведения

сторон санкционного противостояния. Наличие определенного числа центров равновесия между Санкционером и Подсанкционистом является свидетельством неопределенности в исходе развивающейся в условиях санкционного давления ситуации. Наиболее действенным способом нейтрализации санкционных рисков для Подсанкциониста является импортозамещение, которое, впрочем, является возможным при кооперации с другими странами – партнерами. Однако способность Подсанкциониста заручиться поддержкой этих стран и привлечь на свою сторону внешних участников выступает функцией от степени его влияния на эти страны и устойчивости своего экономического и социального положения.

Следовательно, оптимальным способом для противодействия масштабным санкциям является формирование сбалансированной мир-системы, предусматривающей возможность воспроизводства полного производственного цикла по всему перечню стратегически значимых продуктов. Границы этой мир-системы, не ограниченные линией государственной границы, формируются на основе многостороннего экономического сотрудничества с другими странами. Цельность такой мир-системы может быть достигнута полноценной логистической инфраструктурой, обеспечивающей свободное передвижение грузов и капитала, системой межгосударственных соглашений и языка как средства коммуникаций между участниками этих соглашений.

Заключение

Проведенное автором исследование структуры санкционного противостояния в современном обществе продемонстрировало сложную неравновесную природу этого феномена, ее зависимость от действия разнообразных факторов, несоответствие между намерениями сторон и реальными последствиями осуществляемых действий. Институциональный подход, как никакое другое методологическое средство, позволил выявить различные сценарии в динамике конфронтационного противостояния между его участниками, показав последствия от реализации этих сценариев для участников санкционного противостояния. Глобализация способствовала повышению эффективности санкционной политики путем отстранения подсанкционных государств от международных ресурсов. Но при этом концентрация возможностей для распоряжения ими в руках ограниченного числа регуляторов вызывает недоверие к глобалистским институтам со стороны все большего количества стран, опасющихся в конечном счете оказаться в роли такого государства-изгоя. В конечном счете кризис глобализации может вызвать распад мировой экономической системы и минимизировать роль санкций в качестве инструмента экономического влияния. И в этих условиях альтернативой разрешению сложившихся между странами противоречий могут стать неэкономические меры, в т. ч. и военные. И этот сценарий представляется крайне опасным и недопустимым. И поэтому любые санкционные меры должны быть тщательно продуманы и соответствовать ожиданиям большинства членов мирового сообщества.

Список литературы

1. Валлерстайн, И. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Санкт-Петербург: Университетская книга.
2. Грачева, А.М. (2017). Понятие и виды экономических санкций в международном праве. *Труды Института государства и права РАН*, (1), 159–171.
3. Олейник, А.Н. (2000). *Институциональная экономика: учебное пособие*. Москва: Инфра-М.
4. Победин, А.А., Федулов, Д.В. (2023). Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации. *Вопросы управления*, 17(4), 20–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-20-32>
5. Фишман, Л.Г. (2024). Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность. *Антиномии*, 24(1), 39–52 https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39
6. Afesorgbor, S.K. (2019). The impact of economic sanctions on international trade: How do threatened sanctions compare with imposed sanctions? *European Journal of Political Economy*, 56(C), 11–26, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.06.002>
7. Early, B.R. (2015). *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford: Stanford University Press.
8. Eaton, J., & Engers M. (1992). “Sanctions”. *Journal of political economy*, 100(5), 899–928.
9. Kern, A. (2009). *Economic Sanctions. Law and Public Policy*. London: Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited. <https://doi.org/10.1057/9780230227286>
10. North, D.C. (1989). Institutions and economic growth: an historical introduction. *World development*, 17(9), 1319–1332.
11. Pala, T. (2021). The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 14(1), 239–259. <https://doi.org/10.2478/nispa-2021-0009>
12. Pape, R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 22(2), 90–136.
13. Peksen, D. (2011). Economic Sanctions and Human Security: The Public Health Effect of Economic Sanctions. *Foreign Policy Analysis*, 7(3), 237–251. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2011.00136.x>

References

1. Afesorgbor, S.K. (2019). The impact of economic sanctions on international trade: How do threatened sanctions compare with imposed sanctions? *European Journal of Political Economy*, 56(C), 11–26, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.06.002>
2. Early, B.R. (2015). *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford: Stanford University Press.
3. Eaton, J., & Engers M. (1992). “Sanctions”. *Journal of political economy*,

100(5), 899–928.

4. Fishman, L.G. (2024). Epokha potryaseniya kak shans na ob»edinyayushchuyu rossiyskuyu identichnost' [The era of upheaval as a chance for a unifying Russian identity]. *Antinomii*, 24(1), 39–52 https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39

5. Gracheva, A.M. (2017). Ponyatie i vidy ekonomicheskikh sanktsiy v mezhdunarodnom prave [The concept and types of economic sanctions in international law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, (1), 159–171.

6. Kern, A. (2009). *Economic Sanctions. Law and Public Policy*. London: Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited. <https://doi.org/10.1057/9780230227286>

7. North, D.C. (1989). Institutions and economic growth: an historical introduction. *World development*, 17(9), 1319–1332.

8. Oleynik, A.N. (2000). *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economics]. Moscow: Infra-M.

9. Pala, T. (2021). The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 14(1), 239–259. <https://doi.org/10.2478/nispa-2021-0009>

10. Pape, R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 22(2), 90–136.

11. Peksen, D. (2011). Economic Sanctions and Human Security: The Public Health Effect of Economic Sanctions. *Foreign Policy Analysis*, 7(3), 237–251. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2011.00136.x>

12. Pobedin, A.A., & Fedulov, D.V. (2023). Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii: struktura i stsennarii realizatsii [International economic sanctions: structure and implementation scenarios]. *Voprosy upravleniya*, 17(4), 20–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-20-32>

13. Wallerstein, I. (2001). *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Информация об авторе

Олег Михайлович Рой, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1885-7865>, e-mail: roi_omsk@mail.ru

Information about the author

Oleg Mikhailovich Roy, Doctor of Sciences (Sociological Sciences), Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1885-7865>, e-mail: roi_omsk@mail.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_191

СОВЕТСКО-РОССИЙСКИЙ СПОРТ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСТРАКИЗМА

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Получена 26.07.2024.

Поступила после рецензирования 15.08.2024.

Принята к публикации 23.08.2024.

Для цитирования: Русакова О.Ф. Советско-российский спорт как объект политического остракизма // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 191-209. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_191

Аннотация

Статья посвящена теоретическому анализу политических практик остракизма, осуществляемых странами Запада в отношении советско-российского спорта. Под политическим остракизмом подразумевается использование Западом санкционных и дискриминационных методов борьбы против усиления позиций российского спорта на мировой арене в целях лишения России статуса крупной спортивной державы. Предметом научного исследования выступают разные способы противостояния политическому остракизму, предпринимаемые отечественными спортивными ведомствами на конкретных исторических этапах развития советско-российского спорта. Большое внимание уделяется созданию в советское время такой альтернативы Олимпийским играм как Спартакиады. При обращении к современному этапу противостояния Запада и России в области спорта рассматриваются такие формы проявления политического остракизма, как допинговые скандалы и разработанные Международным спортивным комитетом (МОК) унижительные требования, предъявляемые к российским участникам Олимпийских игр. Отдельное внимание в статье уделяется решению вопроса о формировании в условиях крайнего обострения кон-

© Русакова О.Ф., 2024

фронтации между Россией и Западом новых спортивных форматов, способных стать в ближайшее время конкурентноспособной альтернативой нынешним спортивным состязаниям общемирового уровня. В качестве таковых в статье рассматриваются проведенные в России в 2024 г. Игры Будущего и Игры БРИКС, организованные спортивными ведомствами государств, входящих в СНГ, ШОС и БРИКС. Сделан вывод о том, что по целому ряду параметров новые спортивные форматы даже превосходят современные Олимпийские игры и международные спортивные состязания, а именно: по степени своей инновационности и технологичности, по равноправию всех участников, по открытости и отсутствию каких-либо форм дискриминации. Основными методологическими инструментами исследования являются методы метафорического и концептуального анализа, историко-событийного описания, институционального и сравнительного подходов.

Ключевые слова:

конфронтация России и Запада, многополярный мир, политический остракизм, советско-российский спорт, санкции, допинговый скандал, дискриминация, Олимпийские игры, альтернативный спортивный формат, Игры Будущего, Игры БРИКС

Источники финансирования:

исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ: грант № 24-28-01095 «Советско-российский спорт как структурный компонент современной политики памяти», <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_191

SOVIET-RUSSIAN SPORTS AS AN OBJECT OF POLITICAL OSTRACISM

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Received 26.07.2024.

Revised 15.08.2024.

Accepted 23.08.2024.

For citation: Rusakova, O.F. (2024). Soviet-Russian Sports as an Object of Political Ostracism. *Discourse-P*, 21(3), 191–209. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_191

Abstract

The article is dedicated to the theoretical analysis of the political practices of ostracism implemented by Western countries in relation to Soviet-Russian sports. Political ostracism refers to the use of sanctions and discriminatory tactics by the West to undermine the growing prominence of Russian sports on the world stage, aiming to deprive Russia of its status as a major sports power. The focus of this research is on various strategies employed by domestic sports organizations to counter political ostracism at specific historical stages in the development of Soviet-Russian sports. Significant attention is given to the creation of alternatives to the Olympic Games, such as the Spartakiads during the Soviet period. In examining the current stage of confrontation between the West and Russia in the field of sports, the article discusses forms of political ostracism including doping scandals and the humiliating requirements imposed on Russian participants by the International Olympic Committee. Special attention is paid to the emergence of new sports formats in response to the intensifying conflict between Russia and the West, which may serve as viable alternatives to existing global sports competitions in the near future. Among these new formats are the Games of the Future and the BRICS Games set to take place in Russia in 2024, organized by the sports departments of CIS, SCO and BRICS member states. The conclusion drawn is that, in several respects, these new sports may even surpass the contemporary Olympic Games and international sports competitions, particularly regarding their levels of innovation and technology, equality of all participants, openness and the absence of any forms of discrimination. The primary methodological tools of the research include metaphorical and conceptual analysis, historical and event description, institutional and comparative approaches.

Keywords:

confrontation between Russia and the West, multipolar world, political ostracism, Soviet-Russian sports, sanctions, doping scandal, discrimination, Olympic Games, alternative sports format, Games of the Future, BRICS Games

Funding:

the study was performed with the financial support of the Russian National Fund: Grant No. 24-28-01095 “Soviet-Russian sport as a structural component of modern memory policy”, <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

Введение

Продвигаемая коллективным Западом стратегия международной изоляции России особенно болезненно проявила себя в области развития отечественного спорта. Иначе говоря, спорт сегодня оказался полностью вовлеченным в глобальное противостояние между сторонниками разных моделей мирового устройства, а именно – западной модели, в которой доминирующая роль отведена Соединенным Штатам Америки и государствам Европейского Союза,

и становящейся новой модели многополярного мира, основанной на принципах открытости, суверенности государств, их равноправия и неподверженности никакой дискриминации.

Многополярная модель в настоящее время активно формируется и продвигается такими межгосударственными альянсами, как ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества) и БРИКС (межгосударственное объединение, состоящее из Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики (ЮАР) и еще пяти государств, вошедших в состав данной структуры в 2024 г. К примеру, в принятой на Йоханнесбургском саммите Декларации БРИКС в 2023 г., говорилось: «Мы выражаем обеспокоенность в связи с применением односторонних принудительных мер, несовместимых с принципами Устава ООН и влекущих за собой негативные последствия, особенно в развивающемся мире»; «Мы подтверждаем поддержку открытой, прозрачной, справедливой, предсказуемой, инклюзивной, равноправной, недискриминационной и основанной на правилах многосторонней торговой системы...»¹. Обращаясь к участникам данного саммита, Президент России В.В. Путин указал на отрицательное влияние, которое оказывают западные санкционные практики на процесс межгосударственного сотрудничества: «Серьезное негативное влияние на международную экономическую ситуацию оказывает и нелегитимная санкционная практика, незаконная заморозка активов суверенных государств, а по сути – попрание всех базовых норм и правил свободной торговли и экономической жизни, которые еще не так давно казались незыблемыми»².

Проблема противостояния двух моделей мирового устройства в настоящее время широко освещается в отечественных и зарубежных научных исследованиях (Дымова, Коптяева, 2024; Кирдина-Чэндлер, 2022; Манкофф, 2021; Рой, 2023; Солуянов, 2021; Mankoff, 2021; Silver, Payne, 2020 и др.).

С объявлением Россией проведения на Украине Специальной военной операции (СВО) противостояние между ней и странами Запада еще более усугубилось, что нашло свое отражение в беспрецедентном санкционном давлении со стороны западных держав на все области и сектора российской жизни, включая также и сферу спорта. В итоге политизация спорта достигла своей наивысшей точки, что вошло в прямое противоречие с когда-то популярным слоганом «Спорт должен быть вне политики». Ложность данного слогана в настоящее время находит убедительное подтверждение в целом ряде исследований, в том числе лингвистического характера, связанных с изучением способов конструирования политических метафор. Дело в том, что значительное число политических метафор образуется посредством экстраполяции спортивных языковых выражений на область политического языка, в результате чего в речевых политической практике в последнее время активно применяются такие понятия, как «предвыборная гонка», «политический марафон», «старт избирательной кампании», «политический тяжеловес», «великая шахматная

¹ XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II. Взято 21 июля 2024, с <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf>

² Путин, В.В. (2023, 22 августа). *Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС*. Взято 21 июля 2024, с. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72085>

доска», «ход конем» и др. (Исакова, Кочева, 2024; Сунь Фуцин, Хуан Чжунлянь, 2023; Чудинов, 2001 и др.). Их появление наглядно свидетельствует о наличии глубокой внутренней языковой связи между спортом и политикой. Вот почему рассматривать спорт, отделяя его от политической сферы, было бы неправильно (Иванов, Грибовод, 2023).

В настоящее время российский спорт оказался самой уязвимой точкой, где западным санкциям и другим методам изоляционистской политики удалось нанести существенный ущерб как его международному авторитету, так и общему развитию. Со стороны МОК и ряда международных спортивных федераций были предприняты откровенно дискриминационные шаги в отношении российского спорта с целью исключения России из числа великих спортивных держав. Так, 2 июля 2022 г. главы спортивных ведомств из 33-х западных стран выступили с требованием приостановки членства России, а также Белоруссии в международных спортивных федерациях, запретив им ТВ-трансляции с международных соревнований³. При этом запрещающими структурами не было приведено никаких ссылок на нормы права, которыми руководствуются международные спортивные организации. Между тем, в учредительных документах всех международных федераций говорится о недопустимости дискриминации какой-либо страны или какого-либо лица по расовому, религиозному, политическому или половому признакам (Порошин, 2023; Сагандыков, 2023 и др.). В результате данной практики российский спорт оказался объектом жесткого политического остракизма, под которым нами понимается система санкционных и дискриминационных мер, применяемых Западом против отечественных спортивных организаций и атлетов с целью их дискредитации и создания условий для полного их отлучения от участия в крупных спортивных турнирах международного уровня.

К истории вопроса о противостоянии России и Запада в сфере спорта

Следует отметить, что с санкциями, предпринимаемыми Западом против российского спорта, наша страна столкнулась далеко не впервые. Хорошо известно, что вплоть до начала 1950-х гг. МОК отрицательно отвечал на неоднократные просьбы советских властей о допуске отечественных спортсменов на Олимпийские игры и международные соревнования. Так, например, когда к главе МОК Пьеру де Кубертену обратился руководитель Всеобуча⁴ с ходатайством о включении восьми советских спортсменов в число участников Олимпиады 1920 года, проходящей в Антверпене (Бельгия), то получил категорический отказ. Формальной причиной отклонения ходатайства стало не-

³ Николаева, А. (2022, 2 июля). «Требуем исключить Россию». 33 страны западного мира объединились против нас в спорте. Взято 21 июля 2024, с <https://www.championat.com/other/article-4743511-33-strany-zapadnogo-mira-obedinilis-protiv-rossii-v-sporte-trebuyut-polnogo-isklyucheniya-rossijskih-atletov.html>

⁴ Всеобуч (1919–1923 гг.) – главное управление Всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии, руководитель – Н.И. Подвойский.

признание большевиками финансовых обязательств царской России (Бакешин, 2019). В ответ на это при Всеобуче был создан Высший совет физической культуры (ВСФК), под руководством которого в 1920 г. в РСФСР прошли Красные Олимпиады⁵.

В июле 1921 г. в дни проведения III-го конгресса Коминтерна в советской России был создан Красный спортивный интернационал (КСИ), существовавший вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 г., который заявил о себе как об альтернативе МОК. Главными целями КСИ были сплочение рабочих-спортсменов для классовой борьбы, политическое и идейное просвещение рабочих посредством занятий физкультурой и спортом, вовлечение в революционную борьбу спортсменов из тех стран, в которых отсутствовали рабочие спортивные организации, создание рабочих оппозиций в буржуазных спортивных союзах (Боголюбова, Николаева, 2012, с. 110).

Советский Союз, отлученный МОК от участия в Олимпийских играх, нуждался в расширении внешних спортивных контактах, установление которых помогло бы решить многие важные задачи политического, идеологического, пропагандистского и культурного характера (Фокин, 1999, с. 5). Изоляцию страны от крупных международных соревнований впервые удалось прорвать в 1923 г., когда отечественные футболисты смогли выйти на мировую арену не смотря на отсутствие признания СССР со стороны МОК и ФИФА (Международная федерация по футболу). Это случилось, когда руководство финского Рабочего спортивного союза (TUL) отправило в Москву телеграмму с предложением пригласить спортсменов из РСФСР для участия в футбольных соревнованиях с командой из Финляндии. На этих играх советская сборная победила во всех матчах с разгромными результатами (5:0, 13:1, 3:0, 19:0, 6:1, 6:0, 18:0), о чем быстро стало известно в других странах. В том же году помериться силами с русскими футболистами захотели шведские спортсмены. Тогда, предваряя визит сборной РСФСР в Стокгольм, шведская пресса писала: «К нам едут казаки и сибиряки, олицетворяющие новую русскую угрозу». Всего в десяти матчах стокгольмского турне сборная РСФСР одержала семь побед при трех ничьих. Шведская пресса негодовала: «Русские своей непобедимостью продвигают коммунизм!» Важно отметить, что на этих играх советская сборная потребовала поднять на стадионе красный флаг, и когда шведы попытались возразить, им ответили: «Или через пять минут флаг будет поднят, или мы уезжаем». И шведы были вынуждены подчиниться⁶. По итогам данных турне европейцам пришлось сделать вывод о том, что в футбольном мире появилась новая реальная сила, которую следует

⁵ Важной вехой в области формирования органов исполнительной власти в сфере физической культуры и спорта России стало постановление ВЦИК РСФСР «Об образовании высшего и местных советов физической культуры трудящихся РСФСР», принятое 27 июня 1923 г. (см.: *Сегодня 100 лет российскому спорту!* Взято 21 июля 2024, с <http://komitet-fizkult.duma.gov.ru/novosti/2cc0780c-5771-41d3-b087-1afe85b33a05>).

⁶ Сидорчик, А. (2023, 28 июня). *Непобедимые. Как футбольная сборная РСФСР удивила Европу 100 лет назад*. Взято 21 июля 2024, с https://aif.ru/sport/football/pepobedimye_kak_futbolnaya_sbornaya_rsfsr_udivila_evropu_100 лет_nazad?ysclid=ly78lmpzje384558064

признавать и уважать, хотя до официального признания советского футбола со стороны ФИФА оставалось еще почти четверть века.

К началу 1930-х гг. существенно усилился международный авторитет КСИ. В 1933 г. в его состав уже входили представители левых спортивных организаций из 16 государств. Самые многочисленные зарубежные секции КСИ были в Германии (125 тыс. человек) и Чехословакии (80 тыс. человек) (Фокин, 1999, с. 109). КСИ был структурой, альтернативой не только МОК, но и Люцерновскому спортивному интернационалу (ЛСИ), преобразованному в 1929 г. в Социалистический рабочий спортивный интернационал (САСИ). Их руководители, будучи представителями II-го Социалистического Интернационала, выступали под лозунгами сохранения политического нейтралитета и «Спорт вне политики». В 1925–1937 гг. ЛСИ-САСИ удалось провести в Европе три Рабочие Олимпиады⁷. Между КСИ и ЛСИ-САСИ вплоть до второй половины 1930-х гг. шла непримиримая идейно-политическая борьба (Савельева и др., 2021, с. 149–151). Однако, когда МОК приступил к организации проведения Олимпийских игр в гитлеровской Германии в 1936 г. обе рабочие спортивные организации перед лицом разрастания фашистской угрозы смогли объединить свои усилия, направив их на организацию международного бойкота Берлинской Олимпиады и на подготовку альтернативной ей Народной Олимпиады, которая должна была пройти в 1936 г. в испанской Барселоне. Но данная олимпиада, на которую зарегистрировалось 6 тысяч спортсменов из 22 стран, к сожалению, так и не состоялась поскольку в стране вспыхнула Гражданская война (Хорошева, 2018; Бакешин, 2019).

В 1937 г. КСИ выступил с инициативой об объединении с САСИ с целью достижения единства рабочих спортивных организаций на мировой арене, что на практике должна была продемонстрировать совместно проведенная III-я летняя Рабочая Олимпиада в Антверпене. Однако руководством САСИ было принято решение о том, что единственным организатором данного мероприятия станет только САСИ, которая обязывалась пригласить к участию в данной Олимпиаде атлетов из Советского Союза и Испании (Савельева и др., 2021, с. 149). Действительно, в Третьей Рабочей Олимпиаде впервые приняла участие многочисленная команда советских атлетов (более 100 спортсменов), показавшая результаты мирового уровня, одержав победы в боксе, гимнастике, легкой и тяжелой атлетике, футболе и плавании. Среди победителей были такие звезды советского спорта, как боксер Николай Королев, прыгун с шестом Николай Озолин, тяжелоатлет Яков Куценко, пловец Семен Бойченко. Победителем Третьей Рабочей Олимпиады стала также футбольная команда «Спартак» с братьями Старостиными⁸.

⁷ Первая Рабочая Олимпиада прошла в 1925 г. во Франкфурте-на-Майне по инициативе ЛСИ. Вторая Всемирная Олимпиада рабочих спортсменов, организованная САСИ, состоялась в Австрии в городе Мюрццушлаг в 1931 г. Третья Олимпиада рабочих-спортсменов прошла в Антверпене в 1937 г.

⁸ Сидорчик, А. (2022, 6 июля). *Однажды в Антверпене. Как сборная СССР блистала на Играх-1937*. Взято 21 июля 2024, с https://aif.ru/sport/olymp/odnazhdy_v_antverpene_kak_sbornaya_sssr_blistala_na_igrah-1937?ysclid=ly776r4ydh848309831

Вместе с тем установка Запада на изоляцию СССР от участия во всемирных спортивных состязаниях продолжала оставаться в силе, что вынуждало советское государство создавать собственные форматы, альтернативные Олимпийским играм и международным соревнованиям. Таковыми, к примеру, стали состоявшиеся в 1928 г. по инициативе КСИ две Всесоюзные Спартакиады, проходившие зимой в Осло (Норвегия) и в летнее время – в Москве, в которых участвовали как советские, так и зарубежные спортсмены (Бакешин, 2019). Спартакиады были призваны служить средствами продвижения коммунистической идеологии и показа превосходства советской спортивной системы. В 1930-е годы Спартакиады не проводились. После Великой Отечественной войны формат Спартакиад, получивших название «Спартакиада народов СССР», был возобновлен (Куприянов, 2023, с. 133–135). Начиная с 1965 года и вплоть до распада Советского Союза, было проведено 9 летних и 6 зимних Спартакиад, которые по масштабу состязаний и уровню спортивных достижений в полной мере были сопоставимы с такими мировыми событиями, как Олимпийские игры⁹. Можно согласиться с мнением ряда зарубежных авторов о том, что Спартакиады в Советском Союзе имели откровенно пропагандистский характер, преследуя цель максимального расширения внешнего и внутреннего влияния достижений советского спорта, демонстрации его преимуществ перед буржуазными Олимпиадами (Arnaud, P., Arnaud, L., 1997; Gounot, 2002 и др.).

Впервые Советский Союз получил официальное признание со стороны МОК только в 1951 г., когда получил приглашение для участия в Олимпийских играх, проходящих в Хельсинки. Основными причинами данного признания стали, во-первых, победа Советского Союза во Второй мировой войне, а во-вторых, крупные достижения СССР как в области развития спорта, так и в сферах экономики, ядерных технологий, образования и культуры.

Первое командное выступление советских спортсменов состоялось на XV летних Олимпийских играх, проходивших в столице Финляндии в 1952 г. Дебют оказался очень удачным. В неофициальном командном зачете наши спортсмены вышли на второе место после США, завоевав 71 медаль, из них 22 золотых, 30 серебряных и 19 бронзовых (у американцев соответственно было 76 медалей, из которых 40 золотых, 19 серебряных, 17 бронзовых).

Позитивный импульс, полученный советскими спортсменами в своих первых Олимпийских соревнованиях, особенно ярко проявился на следующих XVI-х Олимпийских играх, прошедших в Мельбурне (Австралия) в 1956 г., на которых СССР уверенно завоевал первое место в неофициальном командном зачете. В копилке страны оказалось 98 медалей, в том числе 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовых. США заняли второе место, завоевав 74 медали, из которых 32 – золотые, 25 – серебряные и 17- бронзовые. Мельбурнские игры вошли в историю как «Олимпиада Владимира Куца», который одержал две победы в стайерских дистанциях (5000 и 10000 метров), перекрыв прежние олимпийские рекорды. Кроме того, на этих играх успех советской команды закрепила сборная СССР

⁹ Спартакиады народов СССР и Олимпийские игры. Взято 21 июля 2024, с <http://www.offsport.ru/olympic/spartakiady-narodov.shtml>

по футболу, которая в последний день Олимпиады вырвала победу у команды Югославии, завоевав медаль высшей пробы¹⁰.

В последующие годы происходило постепенное обострение как спортивной, так и политической конкуренции между Советским Союзом с его зарубежными союзниками и США, поддерживаемых западными странами (Куприянов, 2023, с. 139). В качестве основных инструментов такого противостояния стали обоюдные бойкоты Олимпийских игр: бойкот со стороны западных государств летней Олимпиады 1980 года, проходившей в Москве, связанный с введением СССР ограниченного контингента войск в Афганистан; бойкот социалистическими странами летней Олимпиады 1984 года в Лос-Анджелесе (США) по причине возникших острых разногласий по целому ряду политических и организационных вопросов¹¹.

После распада СССР сборная России вплоть до начала проведения СВО продолжала принимать участие в Олимпийских играх, правда, начиная с Олимпиады 2018 года, она оказалась под прицелом суровых санкций со стороны МОК и ряда спортивных федераций. Так, сразу после окончания Сочинской Олимпиады 2014 года по инициативе ВАДА (Международный Антидопинговый Комитет) разразился мощный допинговый скандал, направленный против российских атлетов. В итоге российские спортсмены были вынуждены выступать на Олимпийских играх 2018–2022 гг. в ограниченном составе и в нейтральном статусе.

На зимних Олимпийских играх 2022 года, проходивших в Пекине, был спровоцирован новый допинговый скандал, разгоревшийся вокруг 15-летней российской фигуристки Камилы Валиевой. Ожидалось, что она станет многократным призером, что подтверждалось ее высоким результатом в командном турнире по фигурному катанию. Как и все медалисты, она прошла тестирование на препараты, повышающие работоспособность организма. Однако в отчете шведской лаборатории было указано, что взятый у нее образец на одном из российских соревнованиях дал положительный результат на запрещенное вещество – триметазидин. За этим последовали жесткие санкции, лишившие российскую спортсменку всех завоеванных ею медалей, начиная с 25 декабря 2021 г., и отстраняющих ее от участия в международных соревнованиях сроком на 4 года. Российская же команда фигуристов в связи с данным скандалом была передвинута с первого на третье место¹².

¹⁰ XVI летние Олимпийские игры 1956 г. (российские спортсмены на Олимпиаде). 28 Октября 2010 – история спорта. Взято 21 июля 2024, с https://sport.arhiv-history.ru/news/xvi летние_олимпийские_игры_1956_g_rossijskie_sportsmeny_na_olimpiade/2010-10-28-349

¹¹ Шамоноев, О. (2022, 16 мая). Бойкот Олимпиады – 1984. Унижение американцев или глупость советских начальников. Взято 21 июля 2024, с <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/pochemu-sbornaya-sssr-boykotirovala-olimpiadu-1984-v-los-andzhelese-kto-vinovat-1927023/>

¹² Алиев, Р., Баширова, Я., Цаканян, А. (2024, 29 января). Валиеву отстранили, у России отобрали золото Олимпиады. Что важно знать. Взято 21 июля 2024, с <https://sportrbc.ru/news/65b7c9de9a79470faf95871b?ysclid=lysuf5e1cg426306585>

Возникновение новых альтернативных форматов Олимпийских игр в условиях высочайшего накала противостояния между Западом и Россией

Продвигаемая коллективным Западом стратегия политического ostracизма и международной изоляции России достигла своего апогея в период проведения Специальной военной операции на территории Украины, начавшейся 24 февраля 2022 г. Так уже 28 февраля 2022 г. МОК рекомендовал всем Международным Спортивным Федерациям не допускать российских спортсменов к участию в международных соревнованиях¹³.

Когда в начале июля 2022 г. более 30 западных стран выступили с требованием приостановки членства России во всех международных спортивных федерациях, в ответ на это премьер-министр России М.В. Мишустин сделал заявление, в котором отметил, что в сложившейся ситуации является особенно важным создание независимой системы международных спортивных состязаний. Он также, ссылаясь на слова Президента России В.В. Путина, сказал, что тот поручил государственным структурам предусмотреть новые форматы соревнований¹⁴. Таким образом первые лица российского государства высказались в пользу создания новых моделей спортивных турниров, способных составить достойную конкуренцию и стать реальной альтернативой современным международным и Олимпийским играм.

Развернутая странами Запада дискриминационная кампания, связанная с поиском все новых способов унижения человеческого достоинства российских спортсменов и с попранием их прав, особенно ярко проявила свой иезуитский характер в период подготовки к проведению парижской Олимпиаде 2024 года. Тогда МОК разработал целую программу применения унижительных процедур, максимально ограничивающей права российских спортсменов, выразивших желание принять участие в данной Олимпиаде¹⁵. Согласно МОК, атлетам из России было предписано выполнять следующие «драконовские» требования: отсутствие личной поддержки Специальной военной операции на Украине; отсутствие связей с армией и спецслужбами, в том числе со спортивными клубами «Динамо» и ЦСКФ; запрет на демонстрацию российских государственных символов на официальных объектах Игр-2024, а также на униформе, одежде, экипировке спортсменов, на их аксессуарах, включая украшения, ленты для волос, наклейки, нашивки, на теле, включая пирсинг, татуировки, лаки для ногтей; все личные вещи не должны содержать любые символические знаки и признаки

¹³ Гуцин, Н. (2022, 17 апреля). *На каком правовом основании отстранили российских спортсменов от участия в международных соревнованиях?* Взято 21 июля 2024, с <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/droitsportif/3034455.html>

¹⁴ Мишустин, М.В. (2022, 6 июля). *России важно создать независимую систему спортивных соревнований.* Взято 21 июля 2024, с <https://tass.ru/sport/15138395?ysclid=l5qtynok347366118>

¹⁵ Шамонаев, О. (2024, 21 марта). *МОК озвучил новый пакет санкций против России.* Взято 21 июля 2024, с <https://пресса.рф/ru/top10/detail/mok-ozvuchil-novyyj-paket-sanktsij-protiv-rossii-23657#/>

национальной идентичности страны, в том числе букву «Z». Единственным знаком идентификации российских спортсменов должна быть аббревиатура AIN, обозначающая нейтрального индивидуального атлета. При этом подчеркивалось, что спортивные завоевания AIN не могут включаться ни в одну таблицу медалей Олимпиады-2024, что спортсмены из России не должны участвовать в церемонии открытия Олимпийских игр. Им также запрещалось участие в альтернативных церемониях, связанных с Играми-2024 как в период проведения Олимпиады, так и после ее завершения¹⁶.

В такой ситуации на повестку дня со всей остротой встал вопрос о важности создания и совершенствования новых форматов международных спортивных соревнований, способных составить достойную конкуренцию современным Олимпийским играм, став их альтернативой. Реальными источниками реализации данной инициативы, на наш взгляд, вполне могли бы стать Игры Будущего и Игры БРИКС, воплощающие основные признаки новейшей модели всемирных спортивных состязаний.

Первые Игры Будущего состоялись в Казани (Татарстан, Россия) и проходили с 21 февраля по 1 марта 2024 г. Согласно мэру города Ильсуре Метшину, они, по существу, стали Новой Цифровой Олимпиадой¹⁷. Данные Игры проводились в области такого инновационного направления в спорте, как фиджитал-спорт, представляющий собою серию дисциплин, состоящих из своеобразного синтеза физических (physical) и кибернетических (digital) видов спортивных состязаний. Благодаря такой конфигурации к традиционной олимпийской триаде – тело, воля, разум – был присоединен четвертый компонент – современные технологии. Всероссийскую федерацию фиджитал-спорта возглавил олимпийский чемпион по спортивной гимнастике Никита Нагорный¹⁸, а в самой церемонии открытия Игр Будущего приняли участие политические лидеры из стран СНГ – президент России В. В. Путин, а также президенты Белоруссии, Узбекистана, Киргизии¹⁹.

Всего в Играх Будущего в Казани участвовало 277 команд из 107 стран мира²⁰. Больше всего участников прибыло из стран Латинской Америки,

¹⁶ Метлева Я. (2023, 8 декабря). *МОК раскрыл полный список требований для допуска россиян на Олимпиаду-2024*. Взято 21 июля 2024, с <https://www.championat.com/olympic/news-5350204-mok-raskryl-polnyj-spisok-trebovanij-dlya-dopuska-rossiyan-na-olimpiadu-2024.html?ysclid=lzvf4q5l2w575464991>

¹⁷ Вильданова, К. (2024, 19 февраля). *Ильсур Метшин: «Именно казанские Игры будущего станут прототипом будущих соревнований»*. Взято 15 июля 2024, с <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/ilsur-metshin-imenno-kazanskie-igry-budushchego-stanut-prototipom-budushchikh-sorevnovaniy/?ysclid=lzu25wsci785221471>

¹⁸ *Никиту Нагорного избрали президентом Всероссийской федерации фиджитал-спорта* (2024, 29 апреля). Взято 15 июля 2024, с <https://tass.ru/sport/17645529>

¹⁹ *Путин и зарубежные лидеры принимают участие в открытии Игр будущего* (2024, 21 февраля). Взято 15 июля 2024, с <https://tass.ru/obschestvo/20051453>

²⁰ *277 команд из 107 стран примут участие в «Играх Будущего»* (2024, 29 января). Взято 15 июля 2024, с https://kazan.aif.ru/sport/others/277_komand_iz_107_stran_mira_primut_uchastie_v_igrah_budushchego

Ближнего Востока, Африки, Китая. Общий призовой фонд составил 10 млн долларов. Церемонию открытия Игр Будущего смотрело более 1 млрд зрителей со всего мира (49% просмотра дал Китай), а охват аудиторий составил 25 млрд контактов²¹.

В основную программу данных игр входило 16 дисциплин, среди которых: фиджитал-футбол, фиджитал-хоккей, фиджитал-баскетбол, фиджитал-гонки, фиджитал-скейтбординг, битва роботов, гонки дронов. Среди наиболее популярных игр геймеров можно назвать *Dota 2* и *Мир танков*. По игре *Dota 2* весь пьедестал заняли представители Китая²².

Самой популярной фиджитал-дисциплиной стал футбол. Первое место в ней заняла команда *Penarol* из Уругвая, которая обошла российский *Локомотив* в финале на один гол на реальном поле. А вот на цифровом этапе обе команды не уступали друг другу – он закончился вничью. Призовой фонд в этой дисциплине составил 1,25 млн долларов, как и в дисциплине фиджитал-баскетбол, в которой победу одержала российская команда *Liga Pro Team*. В финале ей уступила американская *R10 Team USA*. Третье место тоже досталось россиянам – команде *Ural Basket*²³.

Первые Игры Будущего отчетливо продемонстрировали способность России и её стратегических партнеров к созданию новой модели международных спортивных соревнований, вполне сравнимой по уровню качественной подготовки их участников с Олимпийскими соревнованиями. При этом Игры Будущего даже превзошли Олимпийские игры по таким параметрам, как степень инновационности, технологичности, привлекательности для молодежной аудитории. Но что самое важное – Игры Будущего продемонстрировали возможность четкого соблюдения спортивных принципов, зафиксированных в Олимпийской хартии 2019 г., однако нарушаемых в последние годы представителями МОК и международных спортивных федераций, а именно: соблюдение политического нейтралитета, отсутствие какой-либо дискриминации, признание суверенитета и равноправия всех национальных спортивных организаций²⁴.

Другой вариант альтернативного проекта современным Олимпиадам получил свое воплощение в Спортивных играх БРИКС. Начиная с 2016 г. состоялось 6 игр БРИКС, не считая «нулевого» турнира по футболу, прошедшего в Индии на Гоа. Тогда кубок победителя получила Бразилия, обыграв команду Южно-Африканской республики со счетом 1:0. Следующие, официально Первые Спортивные игры БРИКС прошли в 2017 г. в Китае в городе

²¹ Более 1 млрд человек посмотрели «Игры будущего» (2024, 26 февраля). Взято 16 июля 2024, с <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/bolee-1-mlrd-chelovek-posmotreli-igr-y-budushchego/?ysclid=lzu2z6he10619822759>

²² Китайская команда стала победителем турнира по *Dota 2* на Играх будущего (2024, 25 февраля). Взято 16 июля 2024, с <https://dzen.ru/a/Zdo9xD5aZjYa0Dkf>

²³ Итоги «Игр будущего» – первого в истории фиджитал-турнира (2024, 4 марта). Взято 16 июля 2024, с <https://dzen.ru/a/ZeXzg7MsSQc7xCHC?ysclid=lzu3sqd3u5546870682>

²⁴ Олимпийская Хартия (в действии с 26 июня 2019 г.). Взято 10 июля 2024, с <https://noc.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf>

Гуанчжоу (провинция Гуандун), где команды соревновались в трех видах спорта: мужской баскетбол, женский волейбол и боевые искусства (ушу и таолу). В Играх приняли участие около 300 спортсменов из пяти стран БРИКС – России, Бразилии, Индии, Китая и ЮАР. Российские атлеты выиграли турниры по баскетболу и волейболу. Стороны, соревновавшиеся в области боевых искусств, разделили между собой восемь золотых медалей, из которых Китай выиграл пять, Индия – две, Россия завоевала одну медаль²⁵. Третьи игры БРИКС состоялись в 2018 г. в Йоханнесбурге (Южно-Африканская Республика) с 18 по 22 июня и включали 3 вида состязаний: волейбол, футбол и нетбол (версия баскетбола для женщин). Основная идея заключалась в развитии женского спорта²⁶. Потом в связи с пандемией наступил четырехлетний перерыв, который был прерван в 2022 г., когда Китай выступил организатором Четвертых Игр БРИКС, проходивших в онлайн формате. Тогда борьба за медали шла по следующим дисциплинам: брейк-данс, шахматы, ушу, бразильское джиу-джитсу, самбо, йога, китайский танец льва и дракона, гонки на лодках-драконах.

В Пятых Играх БРИКС, состоявшихся в 2023 г. в Дурбане (ЮАР), впервые принимали участие паралимпийские команды, ограничения касались только возраста спортсменов. Соревнования между юниорскими командами проходили по следующим видам спорта: плавание (не старше 20 лет), бадминтон (не старше 21 года), настольный теннис (не старше 19 лет), пляжный волейбол (не старше 21 года), теннис на колясках. На этих Играх сборная России в медальном зачете заняла первое место (35 золотых, 12 серебряных и 12 бронзовых медалей), сборная Китая оказалась на втором месте, а ЮАР – на третьем²⁷.

Шестые Спортивные Игры БРИКС проходили в Казани (Россия) с 12 по 23 июня 2024 г. Они оказались наиболее представительными и весьма разнообразными по видам спорта, что сделало их сопоставимыми с крупными международными турнирами²⁸. В Играх приняли участие более 3 тысяч атлетов из 82 стран мира, были разыграны 392 комплекта медалей по 29 видам спорта, включая такие новые виды, как футбольное и баскетбольное двоеборье, корэш (борьба на поясах), джигитовка (вид конного спорта) и др. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на давление со стороны собственных правительств, в данных Играх участвовали спортсмены из недружественных государств – Великобритании, Японии, Швейцарии, стран Евросоюза, Южной Кореи.

²⁵ Бокова, Т. (2022, 17 октября). *Спортивное сотрудничество стран БРИКС*. Взято 23 июля 2024, с <https://infobricts.org/post/36826>

²⁶ В ЮАР открылись Спортивные Игры БРИКС (2018, 17 июля). Взято 10 июля 2024, с <https://rfs.ru/news/207509>

²⁷ Игры БРИКС: история создания и перспективы развития (2023, 24 ноября). Взято 22 июля 2024, с <https://tvbricts.com/news/igry-briks-istoriya-sozdaniya-i-perspektivy-razvitiya/?ysclid=lyh6lej08t32143094>

²⁸ Муратшина К. (2024, 20 июля). *Игры БРИКС: возрождение духа международного спорта*. Взято 24 июля 2024, с <https://journal-neo.su/ru/2024/07/20/igry-briks-vozhrozhdenie-duha-mezhdunarodnogo-sporta/>

Для спортсменов из других государств эти Игры предоставили уникальную возможность посостязаться в честной борьбе с лучшими российскими и белорусскими командами, невзирая на западные санкции. Применяемые в Играх принципы открытости, равноправия и доступности полностью отвечали духу классического мирового спорта. В организации события не было никаких предвзятых ограничений и дискриминационных мер, которыми сегодня характеризуются крупные спортивные турниры. Ко всем участникам Игр применялись строгие и единые антидопинговые правила.

Важно отметить, что в своем видеообращении к участникам церемонии открытия Спортивных игр стран БРИКС Президент России В. В. Путин высказал уверенность в том, что этот «спортивный праздник зримо продемонстрирует торжество универсальных ценностей спорта, равных возможностей и честной, бескомпромиссной борьбы»²⁹. Кроме того, в день открытия Игр БРИКС Президентом страны был подписан закон, согласно которому, победители Игр БРИКС, а также Игр Будущего и Всемирных Игр Дружбы получают право поступать в спортивные вузы страны без экзаменов³⁰. Предполагалось, что принятие данного закона в условиях отсутствия в стране крупных международных спортивных турниров поможет воспрепятствовать переходу российских спортсменов в иностранное гражданство.

Заключение

Советский спорт с самых первых лет своего существования оказался под прицелом санкционной политики со стороны стран Запада, превращающих его в постоянный объект остракизма. Долгое время советские спортивные организации вынуждены были находиться в мировой изоляции, время от времени кооперируясь с коммунистическими и левыми спортивными объединениями других государств в целях проведения совместных международных спортивных состязаний. Несмотря на жесткие ограничения в области организации международных спортивных мероприятий, советскому спорту удалось создать и развить альтернативную модель Олимпийским играм в форме Спартакиад, к участию в которых приглашались также и зарубежные атлеты.

Следует отметить, что даже после включения СССР в олимпийскую семью в 1952 г. противостояние между Россией и Западом в области спорта не прекратилось, а напротив, обрело все новые формы и методы своего конфронтационного развития. Они воплощались в формах обоюдных бойкотов спортивных соревнований, в организации допинговых скандалов, а в последнее время – в целой системе дискриминационных и противоправных мер, предпринятых Западом, с целью полного лишения России всех прав на проведение

²⁹ Путин, В. В. (2024, 12 июня). *Видеообращение к участникам церемонии открытия Спортивных игр стран БРИКС*. Взято 24 июля 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74272>

³⁰ Федеральный закон от 12.06.2024 № 130-ФЗ «О внесении изменения в статью 71 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Взято 24 июля 2024, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120013?index=1>

значимых международных соревнований, на участие, полное или ограниченное, в европейских, континентальных, мировых и Олимпийских играх.

Главная стратегическая задача проведения политики остракизма в области спорта, по мысли ее западных организаторов, заключается в окончательном выведении России из числа великих спортивных мировых держав.

Эта политика, став международным трендом, не могла не актуализировать вопрос о необходимости выработки странами, отстаивающими идею многополярного мира, альтернативных форматов спортивных состязаний, противостоящих по своим исходным принципам западным дискриминационным практикам. В итоге в рамках таких межгосударственных структур, как СНГ, ШОС и БРИКС, начали учреждаться и получать свое развитие новые модели международных спортивных состязаний, чьи форматы способны в недалеком будущем составить достойную конкуренцию крупным мировым соревнованиям, включая Олимпийские игры. Это в последнее время вполне успешно продемонстрировали проведенные в 2024 г. Игры Будущего и Спортивные Игры БРИКС. По ряду значимых параметров они даже превосходили Парижскую Олимпиаду-2024, а именно – по степени свободного и равноправного участия, по уровню открытости, по отсутствию дискриминации по национальным, религиозным и иным признакам, по защищенности ценностей, провозглашенных Олимпийской хартией мира.

Смеем надеяться, что новые спортивные модели, альтернативные Олимпийским играм, получат свою всестороннюю поддержку со стороны государств, вступающих на путь развития многополярной конфигурации мира и заявляющих о своем вливании в межгосударственные структуры ШОС и БРИКС.

Список литературы

1. Бакешин, К.П. (2018). К 90-летию первой Всесоюзной Спартакиады. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, (6), 15–17.
2. Бакешин, К.П. (2019). Роль Всеобуча в становлении советского физкультурно-спортивного движения в постреволюционную эпоху (1918–1923 гг.). *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, (5), 33–37.
3. Боголюбова, Н.М., Николаева, Ю.В. (2012). Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, (2), 107–114.
4. Дымова, А.В., Коптяева, Н.Н. (2024). Идеологема «коллективный запад»: русскоязычные vs англоязычные СМИ. *Дискурс-Пи*, 21(2), 150–170. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_150
5. Иванов, Д.С., Грибовод, Е.Г. (2023). Историко-философские и политические аспекты спорта. В П.П. Трескова (Ред.), *XI Информационная школа молодого ученого: Сб. науч. тр. (18–21 сентября 2023 г., Екатеринбург)* (с. 102–108). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. <https://doi.org/10.32460/ishmu-2023-11-0012>
6. Исакова, И.Ю., Кочева, О.Л. (2024). Спортивно-игровая метафора как

средство концептуализации метафорического образа премьер-министра Италии Джорджии Мелони в итальянском предвыборном медиа политическом дискурсе. *Russian Linguistic Bulletin*, (4), 1–4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.15>

7. Кирдина-Чэндлер, С.Г. (2022). Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век. *Социологические исследования*, (10), 3–16. <https://doi.org/10.31857/S013216250022645-2>

8. Куприянов, А.И. (Ред.) (2023). *Советский спорт в контекстах холодной войны*. Москва: Весь Мир.

9. Манкофф, Д. (2021). Конец либерализма и американской гегемонии. *Международная аналитика*, 12(3), 173–179. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-173-179>

10. Порошин, Д.А. (2023). Проблема политизации спорта и международного олимпийского движения в свете антироссийских санкций 2022 года. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(1), 179–185. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-179-185>

11. Рой, О.М. (2023). Государственная политика в сфере безопасности: выбор приоритетов. *Антиномии*, 23(1), 107–122. https://doi.org/10.17506/26867206-2023_23_1_107

12. Савельева, Е., Котов, Б., Календарёва, К. (2021). Олимпизм под диктатурой: борьба Спортинтерна против Берлинской Олимпиады в 1936 г. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*, (1), 138–158. <https://doi.org/10.24412/2409-1413-2021-1-138-158>

13. Сагандыков, М.С. (2023). Международные санкции против российского спорта: правовые аспекты. *Человек. Спорт. Медицина*, 23(S1), 148–154. <https://doi.org/10.14529/hsm23s121>

14. Солуянов, В.С. (2021). Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретации. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 23(3), 424–445. <https://doi.org/10.223-1438-2021-23-3-424-445>

15. Сунь Фуцин, Хуан Чжунлянь (2023). Сопоставительное исследование спортивных и игровых метафор в российском и китайском политическом дискурсе. *Политическая лингвистика*, (3), 185–195.

16. Фокин, В.И. (1999). *Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та.

17. Хорошева, А.В. (2018). Деятельность Красного спортивного интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*, (5), 86–105.

18. Чудинов, А.П. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

19. Arnaud, L., & Arnaud, P. (1997). Les premiers boycottages de l'histoire du sport. *Quasimodo*, (3–4), 85–100.

20. Gounot, A. (2002). Les Spartakiades internationales, manifestations sportives et politiques du communisme. *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*, (88), 59–75. <https://doi.org/10.4000/chrhc.1582>

21. Mankoff, J. (2021). Liberalism and American Hegemony: Over and Out. *Journal of International Analytics*, 12(3), 173–179. <https://doi.org/10.46272/2587->

8476-2021-12-3-173-179

22. Silver, B.J., & Payne, C.R. (2020). Crises of world hegemony and the speeding up of social history. In P. Dutkiewicz, T. Casier, & J.A. Scholte (Eds.), *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics* (pp. 17–31). New York: Routledge.

References

1. Arnaud, L., & Arnaud, P. (1997). Les premiers boycottages de l'histoire du sport. *Quasimodo*, (3–4), 85–100.
2. Bakeshin, K. P. (2018). K 90-letiyu pervoy Vsesoyuznoy Spartakiady [To the 90th Anniversary of the First All-Union Spartakiad]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, (6), 15–17.
3. Bakeshin, K.P. (2019). Rol' Vseobucha v stanovlenii sovetskogo fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v postrevolyutsionnuyu epokhu (1918–1923 gg.) [Role of Attraction in the Formation of the Soviet Physical Culture and Sports Movement in the Post-Revolutionary Epoch (1918–1923)]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, (5), 33–37.
4. Bogolyubova, N.M., & Nikolaeva, Yu.V. (2012). Krasnyy sportivnyy Internatsional i zarozhdenie sovetskoy sportivnoy diplomatii [The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (2), 107–114.
5. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
6. Dymova, A.V., & Koptyaeva, N.N. (2024). Ideologema “kollektivnyy zapad”: russkoyazychnye vs angloyazychnye SMI [Ideologeme “Collective West”: Russian-Language vs English-Language Media]. *Diskurs-Pi*, 21(2), 150–170. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_150
7. Fokin, V.I. (1999). *Mezhdunarodnyy kul'turnyy obmen i SSSR v 20–30-e gody* [International cultural exchange and the USSR in the 20–30s.]. St.-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta.
8. Gounot, A. (2002). Les Spartakiades internationales, manifestations sportives et politiques du communisme. *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*, (88), 59–75. <https://doi.org/10.4000/chrhc.1582>
9. Isakova, I. Yu., & Kocheva, O.L. (2024). Sportivno-igrovaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii metaforicheskogo obraza prem'er-ministra Italii Dzhordzhii Meloni v ital'yanskom predvybornom media politicheskom diskurse [Sports and Games Metaphor as a Means of Conceptualization of Metaphorical Image of Italian Prime Minister Giorgia Meloni in Italian Pre-Election Media Political Discourse]. *Russian Linguistic Bulletin*, (4), 1–4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.15>
10. Ivanov, D.S., & Gribovod, E.G. (2023). Istoriko-filosofskie i politicheskie aspekty sporta [Historical, philosophical and political aspects of sports].

V P.P. Treskova (Ed.), *XI Informatsionnaya shkola molodogo uchenogo: Sb. nauch. tr. (18–21 sentyabrya 2023 g., Ekaterinburg)* (pp. 102–108). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. <https://doi.org/10.32460/ishmu-2023-11-0012>

11. Khorosheva, A. V. (2018). Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo internatsionala v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [Activities of Red Sport International in Late 1920s – Early 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*, (5), 86–105.

12. Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Odnopolyarnost', mnogopolyarnost' i bipolyarnye koalitsii. XXI vek [Unipolarity, Multipolarity and Bipolar Coalitions. XXI Century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 3–16. <https://doi.org/10.31857/S013216250022645-2>

13. Kupriyanov, A.I. (Ed.) (2023). *Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny* [Soviet sport in the context of the Cold War]. Moscow: Ves' Mir.

14. Mankoff, D. (2021). Konets liberalizma i amerikanskoj gegemonii [The End of Liberalism and American Hegemony]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 12(3), 173–179. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-173-179>

15. Mankoff, J. (2021). Liberalism and American Hegemony: Over and Out. *Journal of International Analytics*, 12(3), 173–179. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-173-179>

16. Poroshin, D.A. (2023). Problema politizatsii sporta i mezhdunarodnogo olimpiyskogo dvizheniya v svete antirossiyskikh sanktsiy 2022 goda [The Problem of Sports and the International Olympic Movement Politicization in the Light of the Anti-Russian Sanctions of 2022]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 29(1), 179–185. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-179-185>

17. Roy, O.M. (2023). Gosudarstvennaya politika v sfere bezopasnosti: vybor prioritetrov [National Security Policy: Priority-Setting]. *Antinomii*, 23(1), 107–122. https://doi.org/10.17506/26867206-2023_23_1_107

18. Sagandykov, M.S. (2023). Mezhdunarodnye sanktsii protiv rossiyskogo sporta: pravovye aspekty [International Sanctions Against Russian Sport: Legal Aspects]. *Chelovek. Sport. Meditsina*, 23(S1), 148–154. <https://doi.org/10.14529/hsm23s121>

19. Savelieva, E., Kotov, B., & Kalendareva, K. (2021). Olimpizm pod diktaturoy: bor'ba Sportinterna protiv Berlinskoy Olimpiady v 1936 g. [Olympism under dictatorship: the struggle of the Sports International against the Berlin Olympics in 1936]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*, (1), 138–158. <https://doi.org/10.24412/2409-1413-2021-1-138-158>

20. Silver, B.J., & Payne, C.R. (2020). Crises of world hegemony and the speeding up of social history. In P. Dutkiewicz, T. Casier, & J.A. Scholte (Eds.), *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics* (pp. 17–31). New York: Routledge.

21. Soluianov, V.S. (2021). Kontseptsiya mnogopolyarnosti: mnogoobrazie podkhodov i interpretatsii [The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 23(3), 424–445. <https://doi.org/10.223-1438-2021-23-3-424-445>

22. Sun, F., & Huang, Zh. (2023). Sopostavitel'noe issledovanie sportivnykh i igrovnykh metafor v rossiyskom i kitayskom politicheskom diskurse [A Comparative

Study of Sports and Games Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (3), 185–195.

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

УДК 327.8:930.1:796.038

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_210

«НИ ХЛЕБА, НИ ЗРЕЛИЩ»: КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В СПОРТЕ КАК ПРАКТИКА ЗАБВЕНИЯ

Андрей Геннадиевич Иванов,

Липецкий государственный технический университет,
Липецкий филиал РАНХиГС,
Липецк, Россия,
agivanov2@yandex.ru

Получена 10.06.2024.

Поступила после рецензирования 25.07.2024.

Принята к публикации 20.08.2024.

Для цитирования: Иванов А.Г. «Ни хлеба, ни зрелищ»: культура отмены в спорте как практика забвения // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 210–223. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_210

Аннотация

Культура отмены, ставшая в последнее время важной чертой интеллектуальной жизни Запада, тем не менее в широком смысле имеет долгую историю, вписываясь в обозначенные А. Ассман техники и формы забвения. Эволюция данной формы остракизма демонстрируется на примере сферы спорта высших достижений – от случаев СССР времен холодной войны до последних событий с Российской Федерацией, когда деградация международных соревнований требует административных решений. Канселлинг в спорте восходит к бойкотам, соответствующим игнорированию как технике забвения, но в настоящее время представляет собой целую сеть разнообразных акторов, практик, многосложных взаимосвязей. В результате контент-анализа текстов отечественных и западных изданий были выделены основные акторы – международные организации, правительства стран участников и организаторов, спортсмены, болельщики – и рассмотрены их реакции и действия в ситуациях бойкотов, ограничений на использование государственных символов, требований к нейтральному статусу. Особое внимание было уделено формам негативного заб-

© Иванов А.Г., 2024

вения, которые получили распространение в начале XXI века на фоне допинговых скандалов и геополитического противостояния. Примеры селективного забвения, особенно из советского спортивного прошлого (например, Летние Олимпийские игры 1980 года в Москве), подтвердили перспективность использования концепта «мифоландшафт». Отмечается, что сегодня профессиональный спорт является одним из самых показательных пространств для воплощения практик культуры отмены с сопутствующими эффектами в политической, экономической, социальной сферах. Делаются выводы о доминировании на сегодняшний момент в мире беспрецедентной спортивной политики, ведущей к существенным изменениям как в содержании большого спорта (включая, например, эрозию олимпийского движения), так и в развитии форматов организации крупных турниров.

Ключевые слова:

культура отмены, спорт, техники и формы забвения, практики канселлинга, бойкот, советское прошлое

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00610, <https://rscf.ru/project/24-28-00610/>

UDC 327.8:930.1:796.038

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_210

“NEITHER BREAD, NOR CIRCUSES”: CANCEL CULTURE IN SPORTS AS A PRACTICE OF OBLIVION

Andrey G. Ivanov,

Lipetsk State Technical University,
RANEPA (Lipetsk branch),
Lipetsk, Russia,
agivanov2@yandex.ru

Received 10.06.2024.

Revised 25.07.2024.

Accepted 20.08.2024.

For citation: Ivanov, A.G. (2024). “Neither Bread, nor Circuses”: Cancel Culture in Sports as a Practice of Oblivion. *Discourse-P*, 21(3), 210–223. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_210

Abstract

Cancel culture, which has recently emerged as a significant aspect of the intellectual life of the West, possesses a broader historical context that aligns with the techniques and forms of *Oblivion* outlined by Aleida Assmann. The evolution of this form of ostracism is illustrated through the lens of elite sports – from the instances involving the USSR during the Cold War to recent events concerning the Russian Federation, where the decline of international competitions requires administrative decisions. Historically, *cancelling* in sports can be traced back to boycotts, a practice representing the act of ignoring as a technique of *oblivion*; however, it has now evolved into a complex network of varied actors, practices, and intricate relationships. Through content analysis of both Russian and Western publications, the primary actors have been identified – the international organizations, governments of participating and organizing countries, athletes, and fans – and their reactions during instances of boycotts, restrictions on the use of national symbols, requirements for neutral status were examined. Special emphasis was placed on the forms of *negative oblivion* that became prevalent at the beginning of XXIst century amidst doping scandals and geopolitical confrontation. Illustrative cases of *selective oblivion*, particularly those concerning the Soviet sports legacy, such as the 1980 Summer Olympics in Moscow, support the potential of employing the concept of *mythscape*. It is noted that contemporary professional sports serve as a particularly revealing arena for the manifestation of *cancel culture* practices, which have significant effects in the political, economic and social spheres. The conclusions drawn indicate the dominance of unprecedented sports policy globally, resulting in fundamental changes both in the nature of major sports (including the erosion of the Olympic movement) and in the frameworks for organizing significant tournaments.

Keywords:

cancel culture, sports, techniques and forms of oblivion, cancelling practices, boycott, Soviet past

Funding:

this study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 24-28-00610, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00610/>

Введение

«Здесь никто не скучает по сборной России», – заявил известный чешский хоккеист Доминик Гашек в дни проходящего в мае 2024 г. в Чехии 87-го чемпионата мира по хоккею с шайбой. Эти соревнования стали уже третьими с 2022 года, от участия в которых были отстранены сборные России и Белоруссии. Фраза Д. Гашека иллюстрирует дальнейшее развитие риторики канселлинга от одного из лидеров мнения, заявившего, что участие россиян в международных турнирах является рекламой войны.

Высказывания подобного рода в последнее время нередко можно встретить в публичном дискурсе вокруг профессионального спорта. В целом они вписываются в практики культуры отмены, ставшей важной чертой интеллектуальной жизни Запада. Культура отмены (cancel culture), по мнению О.В. Котуновой, является значимым социальным феноменом, современной формой протеста и одним из радикальных способов морального регулирования, когда объект отмены (человек, группа людей, организация или бренд) подвергается активному осуждению за поступки или взгляды, оцененные группой активистов как недопустимые (Котунова, 2024, с. 190). Однако в более широком смысле, она восходит к разновидностям забвения, исследуемым со времен П. Рикера и набравшим популярность в memory studies. А. Ассман признает, что забвение – это собирательное понятие, за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии (Ассман, 2019, с. 19–59), а П. Коннертон рассуждает о типах забвения, выделяя его позитивные и негативные практики (Connerton, 2011, p. 34–48).

Эволюция канселлинга в спорте в контексте форм забвения

Рассмотрим далее эволюцию практик канселлинга (отмены) как формы остракизма на примере сферы спорта высших достижений – от случаев СССР времен холодной войны до последних дискриминационных практик в отношении российских спортсменов, когда деградация международных соревнований оказалась связанной с селективным, деструктивным и совиновым забвением.

Все началось с бойкотов, которые в качестве техники забвения сродни игнорированию: «Игнорирование исключает человека или предмет из поля внимания других людей; его перестают замечать и уважать. Игнорируемый человек или предмет пребывает в тени, он словно незрим...» (Ассман, 2019, с. 22). Так, в ответ на отказ Международного олимпийского комитета (далее – МОК) пригласить на VII летние Олимпийские игры 1920 года в Антверпен представителей РСФСР, советские власти бойкотировали следующую летнюю Олимпиаду – в Париже в 1924 г. Несмотря на то, что оргкомитет Олимпиады через Французский рабочий спортивно-гимнастический союз передал официальное приглашение Высшему совету по физической культуре РСФСР, советская сторона отказалась принять его, сочтя неприемлемой форму сотрудничества через посредников. В итоге советские спортсмены впервые попали на летние Олимпийские игры только в 1952 г.

Феномен бойкота и его распространенность в сфере спорта высших достижений требует более внимательного рассмотрения. В контексте темы забвения и культурной памяти следует различать «предписанное забвение» (связано с целеполаганием определенных акторов) и амнезию как непреднамеренное и неосознаваемое забвение (вызвано культурной травмой). Бойкот, безусловно, оказывается проявлением предписанного забвения, напрямую инициируется действиями определенных акторов. Хотя ряд авторов полагает, что «в роли инициаторов культуры отмены выступают не какие-либо официальные институты, а исключительно общественные организации или отдельные лидеры общественного мнения» (Аникин, Батищев, 2024, с. 175), все же к инициаторам канселлинга, как показывает сфера спорта, следует добавить и государство, ко-

торое действует как непосредственно – через органы публичной власти, – так и опосредованно. Причем в сфере профессионального спорта мы сталкиваемся с самыми грубыми практиками культуры отмены.

Иллюстрацией многоаспектности санкций стали последствия так называемой Эйзельской трагедии, случившейся 29 мая 1985 года в Брюсселе, когда перед началом финала Кубка европейских чемпионов по футболу между итальянским «Ювентусом» и английским «Ливерпулем» произошло обрушение одной из трибун: «Еще до начала матча англичане затевают драку с итальянцами. Служба безопасности не в силах прекратить побоище. Рушится стена, разделяющая сектора, и толпы людей падают на голову зрителей нижнего яруса. Гибнет 39 человек, раненых – около пятисот. Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) вводит жесткие санкции. От европейских турниров отстраняются все английские клубы. Срок дисквалификации не определен (составит 5 лет). «Ювентус» в следующем розыгрыше должен будет выступать в Турине при пустых трибунах. А стадионы Бельгии не получают себе финалов европейских кубков десять лет» (Парфенов, 2010, с. 125). Как видим, сразу несколько акторов оказались задействованными в результате одного трагического случая – страны, клубы, организации, стадионы, болельщики – и каждый способен, в духе Б. Латура, на активные действия, способен внести свой вклад в процесс формирования отношений, связей, в том числе и практик канселлинга.

Примеры отмены в спорте вписываются в некоторые из выделенных А. Ассман форм забвения: в основном, нейтральные (забвение как фильтр) и негативные (забвение как оружие). К нейтральным формам забвения А. Ассман относит автоматическое, сберегающее и селективное; к негативным – деструктивное (репрессивное) и охранительное (совиновное) (Ассман, 2019, с. 28–51).

Примеры *автоматического* и *сберегающего* забвения довольно банальны. Например, мало кто помнит (за исключением любителей исторической спортивной хроники), как раньше выглядели хоккейные шлемы, или насколько сильно отличались правила популярных командных игр; все знают, что такое спортивный архив, спортивная статистика.

Что касается *селективного* забвения, то в этих случаях открывается поле для пространного теоретизирования и интересных выводов, связанных не только с кластерами, паттернами, рамками памяти. Так, когда просматриваешь прессу и постоянно встречаешь упоминания об одних и тех же почти легендарных событиях: хоккейной Суперсерии 1972 года, турне по Великобритании 1945 года московского футбольного клуба «Динамо» и т.п., интервью с почти одними и теми же персонажами, выступающими в роли «героев от спорта» и интерпретирующими известные события, то кажется, что контур явлений, событий, процессов (в данных случаях – из советского прошлого) сужается, конкретизируется вокруг определенных феноменов.

При этом своей яркостью – особенно в отечественной прессе – все затмили упоминания XXII летних Олимпийских игр, проходивших в Москве в 1980 году. Вообще, тема московской Олимпиады-80, видимо, никогда не утратит своей актуальности, так как затрагивает глубинные пласты сознания, связанные с идентичностью: «Олимпиада вызвала в России невиданный всплеск самоидентификации. Немного подзабытая теория о делении мира на “мы”

и “они” в одночасье вернула себе былую популярность, а слова “наших бьют!” доросли до уровня национальной идеи»¹. Но, в статье «Вы из России или нет?» упоминается не только лето 1980 года, но и, что интересно, даются цитаты из мейнстримовой советской спортивной газеты «Советский спорт» периода череды олимпийских бойкотов: «Очередной нелепый антиолимпийский фарс задумали американские власти. Государственный департамент объявил, что за три дня до открытия летних Олимпийских игр в Москве в г. Филадельфия начнутся “международные” легкоатлетические соревнования. Они даже преподносятся как “крупнейшее международное спортивное событие”, хотя участие в нем примет лишь горстка спортсменов из девяти стран, включая Барбадос. Задуманы эти суррогатные состязания с явной целью попытаться успокоить возмущение тех американских спортсменов, которых Белый дом лишил возможности принять участие в Олимпийских играх в Москве. (“Советский спорт”, 17 июля 1980 года)»; «ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Игры XXIII Олимпиады, отмеченные беспрецедентным национализмом, коммерциализацией и вмешательством политических руководителей США, завершились в этом калифорнийском городе. Фейерверк и номера из набора голливудских шоу венчали в воскресенье вечером церемонию закрытия Игр... Широко развернутая администрацией США анти-советская, антисоциалистическая кампания, отсутствие реальной безопасности сделали невозможным участие спортсменов СССР и большинства социалистических стран в Олимпиаде. Обстановка в Лос-Анджелесе целиком подтвердила правильность решения НОК СССР. Администрация США широко использовала Олимпиаду для нагнетания в стране шовинизма. Игры превратились в крупное рекламно-пропагандистское мероприятие в рамках предвыборной кампании Рейгана. (“Советский спорт”, 14 августа 1984 года)»². С позиций сегодняшнего дня текст такого рода статей выглядит как идеальный образец для упражнений в дискурс-анализе, а также заставляет вспомнить работу А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» (Юрчак, 2021), в которой была точно показана работа со словом в позднесоветское время.

Для иллюстрации того, как остаются в памяти именно знаковые события, можно использовать образ конуса «воронки», который втягивает в себя траектории эволюции представлений о прошлом, и вспомнить о концепте «мифоландшафт» Д. Белла (Bell, 2003). При этом у каждой сферы общественной жизни есть свои «мифоландшафты», зависящие от страны. Например, «Чудо на льду» (хоккейный матч сборными СССР и США на зимних Олимпийских играх 1980 года), безусловно, составляет одну из самых мифологизированных историй и является неотъемлемой частью американского «спортивного мифоландшафта», тогда как в нашей стране к такой истории следует отнести легендарную победу в матче между мужскими сборными СССР и США в финале баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр 1972 года. События такого масштаба не только являются, например, материалом для экранизаций, но и влияют на формирование соответствующей идентичности.

¹ «Вы из России или нет?» (2002, 5 марта). *Коммерсантъ*. Взято 24 мая 2024, с <https://www.kommersant.ru/doc/312945>

² Цит. по: Там же.

Однако случаи канселлинга в спорте – это прежде всего негативные формы забвения, действительно используемые в спортивном сообществе как оружие, как инструмент. Для демонстрации репрессивного забвения нам хотелось бы привести пример с футбольной сборной Югославии, отстраненной от участия в финальной части Чемпионата Европы 1992 года. Вынося такое жесткое решение, УЕФА и Международная федерация футбола (ФИФА) поддержали санкции, наложенные на Югославию резолюцией 757 Совета Безопасности ООН (пункт (g) которой гласил: ограничить участие в спортивных мероприятиях в стране): национальную команду страны и клубы исключили из всех соревнований под эгидой этих футбольных организаций. Причиной санкций стали боевые действия, развернувшиеся в 1992 году на территории Боснии и Герцеговины – одной из республик, входивших в состав СФРЮ. Санкции коснулись только Югославии. При этом ФИФА и УЕФА, а также Международный олимпийский комитет (МОК) не обязаны были следовать предписаниям Совета Безопасности ООН. Каждая организация самостоятельно разбиралась с проблемой. Навстречу спортсменам пошел только МОК. На летнюю Олимпиаду 1992 года в Барселоне югославы (сербы, черногорцы и македонцы) поехали под названием «Независимые олимпийские участники», без флага и гимна. При этом на той же Олимпиаде выступали сборные Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Новый виток спортивного канселлинга, в котором МОК выступает уже в качестве одного из самых активных акторов, мы наблюдаем в настоящее время применительно к Российской Федерации. В рамках политических санкций (а бойкот, который мы рассматриваем в качестве разновидности такой техники забвения как игнорирование, фигурировал как вид санкции еще в Статуте Лиги Наций) МОК не пригласил на XXXIII летние Олимпийские игры в Париж (26 июля – 11 августа 2024 года) спортсменов из России и Белоруссии. При этом представителям этих стран разрешено принимать участие в соревнованиях в нейтральном статусе (то есть без флага, гимна) и при условии, что они не представляют ЦСКА или «Динамо», не участвуют в командных видах спорта, прошли своеобразный политический фильтр.

Ранее имел место еще более вопиющий случай, когда Международный паралимпийский комитет в последний момент принял решение отстранить сборные России и Белоруссии от зимних Паралимпийских игр в Пекине в марте 2022 года. Комитет принял решение в то время, когда команды уже прилетели в Китай и готовились к стартам. Интересно, что такое решение по отмене принималось в том числе и как реакция на жалобы других акторов практик канселлинга – представителей других национальных команд, которые отказывались выступать вместе с российскими спортсменами и грозили массовым бойкотом.

Еще одним измерением негативного забвения выступает освещение спортивных событий в прессе. Так, при мониторинге западных изданий последних лет («BBC», «The Guardian», «Daily Mail», «The Star», «The Globe and Mail», «Le Monde», «Le Figaro», «Spiegel») бросается в глаза отсутствие газетных и журнальных публикаций, в которых бы шла речь о выдающемся советском футбольном вратаре Льве Яшине (признанном лучшим вратарем XX века

по версиям ФИФА, Международной федерацией футбольной истории и статистики (МФФИИС)). При том, что фигура вратаря с первых лет советской власти стала приобретать в Советском Союзе определяющее значение. Специалисты по сталинской эпохе даже отмечали следующее: «Довоенные тексты (литература, фильмы, песни, картины) о советском спорте в ожидании Великого Футболиста заметно выделили фигуру голкипера в ущерб всем остальным игрокам. И глубоко закономерно, что самой большой легендой отечественного футбола стал именно вратарь – Лев Яшин» (Куляпин, Скубач, 2013, с. 192).

В хоккее откровенно замалчиваются славные годы доминирования на мировой хоккейной арене сборной СССР, известной как «Красная машина», и в дополнение к канадским материалам о Суперсерии 1972 года в фокусе внимания находится так называемое «Чудо на льду» – победа сборной США, составленной из игроков студенческих команд, над сборной СССР, действующими на тот момент чемпионами мира и Олимпийских игр. Однако, самое удивительное состоит в том, что советский хоккейный тренер Виктор Тихонов (в качестве главного тренера трижды приводил сборную СССР и Объединенную команду к титулу олимпийского чемпиона (1984, 1988, 1992) и восемь раз – к титулу чемпиона мира, а московский ЦСКА – 12 раз к званию чемпиона СССР, а также под его руководством сборная СССР в 1981 году одержала победу в Кубке Канады, турнире с участием профессиональных хоккеистов НХЛ) в англоязычных изданиях (в частности, в «BBC») проходит как тренер советской команды, поверженной в «Чуде на льду»³.

Такой форме негативного забвения, как охранительное (совиновное), следует уделить особое внимание, так как в сфере спорта высших достижений данная форма проявляется в контексте действий многих акторов и связана не только с бойкотами, но и с допинговыми скандалами, и, соответственно, с еще одним важным актором – Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА). Некоторые издания даже задним числом увязывают эти две темы в одно повествование. Здесь отличились французы, которые на сайте «Le Figaro» опубликовали фрагменты воспоминаний бывшего директора Московской антидопинговой лаборатории Г.М. Родченкова, сбежавшего в США информатора Всемирного антидопингового агентства, давшего показания о существовании в Российской Федерации государственной программы поддержки допинга: «...если СССР отказался участвовать в Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе, то это произошло не только по политическим причинам, но и из-за продолжавшейся в то время допинговой программы: “Я сознательно обманывал мировые антидопинговые власти на протяжении более десяти лет, как для того, чтобы прославить российских спортсменов, так и для того, чтобы удовлетворить спортивных бюрократов, стремящихся увековечить спортивный успех России”, написал он в своей книге. <...> “...Советы планировали спрятать лабораторию допинг-контроля на борту судна в порту Лос-Анджелеса во время Олимпийских игр 1984 года. <...> ...когда Лос-Анджелес не пустил наше судно в порт, это стало последней каплей. Политбюро отключило все и полностью бойкотировало Олимпийские

³ Russian “Miracle on ice” coach Viktor Tikhonov dies (2014, November 24). BBC. Retrieved May 23, 2024, from <https://www.bbc.co.uk/sport/ice-hockey/30176309>

игры”»⁴. При этом стоит отдельно отметить, что наша сторона всегда специально обращала внимание на отсутствие какой-либо политической составляющей в решении не ездить на летнюю Олимпиаду 1984 в отличие от исключительно политизированного бойкота Западом московской Олимпиады-80.

Тем не менее, разбираясь с тематикой допинга в советском спорте, следует отметить, что оптика А. Ассман в части радикальной техники забвения – сокрытия в форме охранительного или совиновного забвения – довольно точно фиксирует происходящее. Так историки обращают на это отдельное внимание: «К 1976 г. допинг уже был спрутом, щупальца которого глубоко проникли в советский спорт высших достижений. Хотя информация об использовании допинга в СССР остается засекреченной, усилиями российских и зарубежных спортивных журналистов было собрано немало данных о становлении системы допинга в советском спорте. Юрий Власов говорил о внедрении в советский тяжелоатлетический спорт анаболиков в 1968–1970 гг. <...> Григорий Воробьев, который более 30 лет был главным врачом легкоатлетической сборной страны (до начала 1990-х гг.), в интервью 2016 г. свидетельствует, что из сотен спортсменов, с которыми он работал, большинство обращалось к нему за консультациями по использованию допинга» (Куприянов, 2023, с. 160). В этой связи не должна удивлять и «допинговая версия», объясняющая причину неучастия СССР в Олимпиаде в Лос-Анджелесе 1984 года: «...причиной отказа от участия в Играх стало усиление мер по допинг-контролю, и руководство Спорткомитета решило не участвовать в них. Против этой версии говорит тот факт, что в феврале 1984 г. в Сараево никаких допинговых нарушений зафиксировано не было. Но тут же возникает вопрос: нет ли связи между неудачами советских спортсменов на зимних играх 1984 г. и отказом от использования ими тех фармакологических препаратов, которые давали преимущества, но входили в список запрещенных веществ? Более чем вероятно, что такая связь существует. Косвенно о ее наличии свидетельствуют данные о числе всех побед наших спортсменов и числе золотых медалей в видах спорта, где влияние фармакологии особенно велико: лыжи, биатлон, коньки. Так, в 1976 г. из 13 золотых наград, завоеванных советскими атлетами на зимних Играх, 10 добыли представители этих трех видов спорта, в 1980 г. из 10–7, в 1984 г. из 6–4» (Куприянов, 2023, с. 182–183).

Далее обратим внимание на действия других акторов практик канселлинга в спорте. Уже упомянутый МОК не всегда был так тенденциозно настроенным в отношении отечественных спортсменов и организаций. В период существования Советского Союза в данной спортивной структуре действовала своеобразная система сдержек и противовесов, обеспечивавшая принятие относительно справедливых решений: «Членство СССР в МОК и многочисленных международных спортивных организациях на протяжении почти 40 лет приносило большие дивиденды как непосредственно в спортивной, так и в политической области. СССР мог добиваться принятия нужных ему решений, касающихся ор-

⁴ JO 1984 et dopage: ce laboratoire caché dans un navire imaginé par les Soviétiques (2020, July 27). *Le Figaro*. Retrieved May 23, 2024, from <https://www.lefigaro.fr/sports/jeux-olympiques/fil-info/jo-1984-et-dopage-ce-laboratoire-cache-dans-un-navire-imagine-par-les-sovietiques-1008833>

ганизации спортивных соревнований, места их проведения, состава участников и т. п. Советские представители в МСФ успешно блокировали обсуждение столь болезненной для СССР и его союзников темы профессионализма в социалистическом спорте, боролись с проявлениями предвзятого судейства, защищали интересы дружественных им государств “третьего мира”. <...> Однако кризис, поразивший СССР в конце 1980-х гг., не мог не отразиться и на спортивной составляющей. <...> Вместе с уменьшением влияния Советского Союза в мире сокращались и возможности советских представителей в МОК и международных спортивных организациях. После развала социалистического лагеря Москва все чаще оставалась в одиночестве при обсуждении и принятии важных решений в области мирового спорта. Обстановка еще больше обострилась с крахом самого Советского Союза: некоторые представители новых независимых государств, образовавшихся на территории бывших союзных республик и ставших полноправными членами МСФ, нередко целенаправленно выступали с откровенно антироссийских позиций» (Орлов, Попов, 2020, с. 102–103).

Сегодня наряду с МОК все большую роль в практиках канселлинга России играет ВАДА, что объясняется не только просчетами и ошибками в работе Российского антидопингового агентства (РУСАДА), но и тем обстоятельством, что с 1 января 2020 года президентом ВАДА стал Витольд Банька, бывший легкоатлет, представляющий русофобски настроенную Польшу. В этой связи следует обратить внимание на то, что значимыми акторами практик канселлинга в спорте также являются известные спортсмены, выступающие в качестве лидеров мнений; причём спортсмены могут выступать и в качестве инициаторов, и в качестве жертв.

Так, чемпион мира по быстрым шахматам россиянин Сергей Карякин 27 февраля 2022 поддержал Специальную военную операцию, организовал сбор денежных средств для Донецкой народной республики, в связи с чем 21 марта 2022 года комиссия ФИДЕ (Международная шахматная федерация) по этике и дисциплине дисквалифицировала гроссмейстера на шесть месяцев. По окончании дисквалификации С. Карякин заявил, что принципиально не будет выступать под нейтральным флагом.

Наше внимание именно к этому виду спорта не случайно. Дело в том, что шахматные турниры традиционно являются одним из самых упоминаемых в прессе, прежде всего в западных СМИ, в контексте памяти о советском спортивном прошлом. Одна из основных причин, почему имена советских шахматистов так часто фигурируют в текстах, кроется, конечно, в том, что большинство чемпионов мира представляли Советский Союз. Но, кроме этого, успех и популярность шахмат объясняются тем, что они стали одним из немногих видов спорта, получивших в Советском Союзе всесторонне поддержанное развитие еще до Великой Отечественной войны: «Причины расцвета советских шахмат очевидны: “верхи” видят в них прекрасное средство воспитания масс, “низы” – способ бегства от кошмара повседневности» (Куляпин, Скубач, 2013, с. 204). Важно и то, что руководители советского государства всегда либо уделяли шахматным победам особое внимание (например, Л. И. Брежнев), либо ассоциировались с этой игрой: «Усилиями Маяковского (поэма “Владимир Ильич Ленин”) и Горького (очерк “В. И. Ленин”) шахматные мотивы вошли в канон ленинианы.

Сталин, в отличие от Ленина, шахматами не увлекался, но, унаследовав всю вождистскую мифологию предшественника, тоже стал именоваться шахматистом. Ю. Борев приводит в «Сталиниаде» характерное высказывание А. Твардовского: «Сталин был гроссмейстер политической игры» (Куляпин, Скубач, 2013, с. 206). Поэтому в сегодняшней ситуации шахматные соревнования и их российские участники находятся, так сказать, на переднем краю практик отмены.

Еще одним видом спорта, ставшим в нашей стране популярным, является хоккей. Неудивительно, что именно российские хоккеисты стали предметом нападков со стороны спортсменов из других стран. В частности, уже упомянутый выше Д. Гашек, подчеркнув, что не высказывается резко, а выражает свои мысли в четкой и правдивой форме, тем не менее, на фоне проводимой Российской Федерацией Специальной военной операции стал занимать крайне жесткую русофобскую позицию. Основной пафос его позиции в том, что участие россиян в международных турнирах является рекламой СВО. Д. Гашек требовал у хоккейных лиг отстранить россиян, писал письма. Здесь стоит заметить, что чешский хоккеист действительно зашел слишком далеко не только в части анти-российской риторики, но и в смысле требований к профессиональным лигам, которые, как правило, в меньшей степени зависят от политической конъюнктуры и ориентированы исключительно на коммерциализацию спортивных мероприятий. Поэтому закономерно, что реакции от Национальной хоккейной лиги (НХЛ) и других лиг не последовало. Действительно, полностью профессиональные турниры, в которых не участвуют так называемые любители (например, профессиональные лиги (НХЛ, НБА и т. п.), соревнования по боксу, большому теннису), остаются менее подверженными влиянию международных организаций и не практикуют канселлинг в отношении, по крайней мере, отдельных атлетов. Но это не касается организации крупных турниров: так, например, российский этап гонок «Формулы-1» с 2022 года был отменен.

Среди акторов следует упомянуть и простых болельщиков, которые в случае с Российской Федерацией в действительности либо были лишены возможности смотреть трансляции (например, Английская Премьер-лига (АПЛ), профессиональная футбольная лига для английских клубов, в марте 2022 года запретила трансляции своих матчей в России), либо вовсе потеряли интерес к международным спортивным соревнованиям, пронизанным политизированностью, ангажированностью, несправедливостью.

Заключение

Обращение к случаям канселлинга как иллюстрациям форм и техник забвения показало, что сегодня профессиональный спорт является одним из самых показательных пространств для воплощения практик культуры отмены. При этом важно оценить сопутствующие эффекты в политической, экономической, социальной сферах, а также возможные последствия.

Представляется, что последствия от инициатив по отмене, прежде всего, политические и социальные: политические в смысле мгновенного эффекта и соответствия негативным формам забвения; социальные в плане долгосрочных эффектов и перспектив, так как адаптироваться к разрушению привычных

форм взаимодействия институтам удастся не сразу. Что касается экономических эффектов, то ущерб здесь не стоит преувеличивать. Например, экономические потери от неучастия западных стран в Олимпиаде-80 были незначительными: «...к моменту начал бойкота Игр основные коммерческие контракты уже были юридически оформлены и в значительной мере реализованы, поэтому негативные последствия бойкота непосредственно для подготовки к Олимпиаде-80 и для ее экономической программы оказались минимизированы» (Орлов, Попов, 2020, с. 134). Это объясняется, в целом, меньшей вовлеченностью и, соответственно, зависимостью экономических процессов от политической повестки: «Несмотря на то, что спортивная программа Олимпиады-80 испытала на себе сильное влияние политических факторов, экономическая программа Игр оказалась гораздо более рациональной и дистанцированной от биполярного противостояния эпохи холодной войны» (Орлов, Попов, 2020, с. 126).

Однако в случае с Российской Федерацией органы власти и спортивные чиновники постепенно пытаются выйти из состояния изоляции, устраивая альтернативные соревнования и организуя новые форматы. Так, на торжественной церемонии открытия соревнований «Игры будущего», которая состоялась 21 февраля 2024 года в Казани Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал эти состязания даром России мировой спортивной семье⁵. И та же Казань была выбрана местом проведения Игр стран БРИКС в июне 2024 года с расширенным составом участников и большой программой, включающей соревнования по 27 видам спорта.

В целом следует отметить, что культура отмены в спорте представляет собой целую сеть разнообразных акторов, практик, запутанных взаимосвязей. Анализ публикаций в СМИ показал, что в случаях отмен в спорте имеет место предписанное, негативное забвение, что проявляется в формах репрессивного и охранительного забвения и влечет за собой сущностные изменения как в содержании большого спорта, так и в развитии форматов организации крупных турниров. Селективное же забвение в спорте связано с формированием специфических пространств памяти, представляющим собой своеобразные мифоландшафты, специфические для каждого государства (для нашей страны – это летние Олимпийские игры 1980 года в Москве, Суперсерия СССР – Канада 1972 года и т.п.). Сфера профессионального спорта на своем уровне точно воспроизводит состояние дел в международных отношениях. При этом полностью профессиональные турниры остаются менее подверженными политической конъюнктуры и ориентированными исключительно на коммерциализацию спортивных мероприятий.

Список литературы

1. Аникин, Д.А., Батищев, Р.Ю. (2024). «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены

⁵ Кузьмин, В. (2024, 21 февраля). Путин назвал «Игры будущего» даром России мировой спортивной семье. *Российская газета*. Взято 23 мая 2024, с <https://rg.ru/2024/02/21/putin-nazval-igry-budushchego-darom-rossii-mirovoj-sportivnoj-seme.html>

в постсоветской России. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, (1), 172–187. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.445>

2. Ассман, А. (2019). *Забвение истории – одержимость историей*. Москва: Новое литературное обозрение.

3. Котунова, О.В. (2024). Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, (1), 188–201. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.446>

4. Куляпин, А. И., Скубач, О. А. (2013). *Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи*. Москва: Языки славянской культуры.

5. Куприянов, А.И. (Ред.). (2023). *Советский спорт в контекстах холодной войны*. Москва: Весь мир.

6. Орлов, И.Б., Попов, А.Д. (2020). *Олимпийский переполох: забытая советская модернизация*. Москва: Издат. дом Высшей школы экономики.

7. Парфенов, Л. (2010). *Намедни. Наша эра. 1981–1990*. Москва: КоЛибри.

8. Юрчак, А. (2021). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение.

9. Bell, D. S. A. (2003). Mythscape: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*, 54(1), 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>

10. Connerton, P. (2011). *The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Anikin, D. A., & Batishchev, R. Yu. (2024). “My vas tuda ne posylali”: mediarepresentatsii voyny v Afganistane i praktiki kul’turny otmeny v postsovetskoj Rossii [“We did not Send You There”: Media Representations of the War in Afghanistan and the Emergence and Practice of Cancel Culture in Post-Soviet Russia]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, (1), 172–187. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.445>

2. Assmann, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost’ istoriey* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Bell, D. S. A. (2003). Mythscape: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*, 54(1), 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>

4. Connerton, P. (2011). *The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body*. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Kotunova, O. V. (2024). Kul’tura otmeny v strukture memorial’nogo diskursa novykh media: kriticheskiy analiz [Cancel Culture within the Framework of New Media’s Memorial Discourse: A Critical Analysis]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, (1), 188–201. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.446>

6. Kulyapin, A. I., & Skubach, O. A. (2013). *Mifologiya sovetskoy povsednevnosti v literature i kul’ture stalinskoj epokhi* [The Mythology of Soviet Everyday Life in Literature and Culture of the Stalin Era]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’turny.

7. Kupriyanov, A.I. (Ed.). (2023). *Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny* [Soviet Sport in the Contexts of Cold War]. Moscow: Ves' mir.
 8. Orlov, I.B., & Popov, A.D. (2020). *Olimpiyskiy perepolokh: zabytaya sovetskaya modernizatsiya* [Olympic Turmoil: Forgotten Soviet Modernization]. Moscow: Izdat. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
 9. Parfenov, L. (2010). *Namedni. Nasha era. 1981–1990* [Recently. Our Era. 1981–1990]. Moscow: KoLibri.
 10. Yurchak, A. (2021). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
-

Информация об авторе

Андрей Геннадиевич Иванов, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций Липецкого государственного технического университета; профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>, e-mail: agivanov2@yandex.ru

Information about the author

Andrey Gennadievich Ivanov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy and Social Communications Department, Lipetsk State Technical University; Professor of the State, Municipal Service and Management Department of the Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Lipetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>, e-mail: agivanov2@yandex.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov